

**РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМ ПЛЕХАНОВА
ФОНД РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ
ФОНД ПЛЕХАНОВА**

Х ПЛЕХАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Г. Плеханов

**РОССИЯ: СРЕДОТОЧИЕ НАРОДОВ И
ПЕРЕКРЕСТОК ЦИВИЛИЗАЦИЙ**

Материалы к конференции

Санкт-Петербург, Дом Плеханова,
30 мая – 1 июня 2012 г.

Санкт-Петербург

2012

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)5+63. 3(2)6
Р 76

Научный редактор: Т.И. Филимонова, канд. ист. наук
Научный рецензент: М.Б. Конашев, докт. филос. наук

Сборник содержит материалы к докладам участников X Плехановских чтений, посвященных истории развития России в качестве самостоятельной цивилизации, взаимодействующей с окружающими ее мощными западной и восточной цивилизациями. Авторы анализируют широкий круг философско-методологических проблем марксистского анализа истории России, вопросы формирования и развития русской нации, интеграции и ассимиляции входящих в ее состав народов, национальных культур и социальных групп, особенности хозяйственного строя России в системе цивилизационных координат, особой роли государства в развитии страны; проблемы межгосударственных отношений, вопросы общественного движения и ряд других. Включенные в сборник материалы ориентированы на научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов, всех интересующихся проблемами общественного развития.

Подписано к печати 16.05.2012. Формат

ISBN

СОДЕРЖАНИЕ

Филимонова Т.И. Предисловие.....	3
Косолапов Н.А. Средоточие народов, перекресток цивилизаций, мост между Востоком и Западом: блуждания в поисках идентичности или развитие российского <i>ratio</i> ?.....	4
Калашиников В.В. Российская нация: прошлое, настоящее или будущее?.....	8
Рязанов В.Т. Хозяйственный строй России в системе цивилизационных координат	11
Эпштейн Д.Б. «Тряска» и «колея» России. В чем состоит «тряска России»....	16
Шевченко В.Н. Нравственное государство в парадигме российской цивилизации.....	22
Сахаров В.А. Исторический опыт решения национального вопроса в России и перспективы его использования.....	34
Несин М.А. История происхождения Новгорода как проявление общих и частных закономерностей процесса градообразования.....	36
Олегина И.Н. О России как средоточии народов и перекрёстке цивилизаций (некоторые вопросы историографии).....	41
Герд Л.А. Церковная политика России в Константинопольском патриархате и на Балканах в 1850-1860-е годы. Основные проблемы.....	45
Меньковский В.И., Уль К.Б. Советский союз 1930-х гг. в англоязычной историографии.....	50
Любин В.П. Распад «советской империи»: подходы западных экспертов.....	52
Чернобаев А.А. М.Н.Покровский и международные связи советских историков в 1920–е гг.....//	58
Куренных А.А. Исторические судьбы народов России.....	63
Волков В.С. Сотрудничество советских республик как предпосылка и условие успешного формирования многонациональной интеллигенции в СССР (1920-1930-е годы).....	67
Смирнова Т.М. Гуманитарные аспекты адаптации трудовых мигрантов в РФ..	70
Цапиева О.К. Трансформационные процессы в дагестанском обществе: возможности и препятствия модернизации.....	72
Агларов М.А. Дагестан как специфическая историко-культурная область Кавказа.....	78
Муслимов Т.К., Муслимова Н.Т. Единство дагестанского общества: исторические традиции и современность.....	81
Ваишау Н.Э. Немецкие крестьяне в Сибири: столкновение культур и борьба за выживание.....	84
Солдатенко В.Ф. Съезд народов в Киеве (8-15 сентября 1917 г.) и поиск путей преобразования России в федеративное государство.....	90
Кустова Л.О. Влияние национальных школ на сохранение этнического своеобразия малых народов и национальных групп в Советской России в условиях многонационального региона. 1917—середина 1930-хх. гг. (на материалах Ленинградской области).....	93
Федотьев Д.С. Ассимиляционные тенденции в еврейском купечестве Петербурга во второй половине XIX – начале XX в.	97

Кнорринг В.В. Интеграция еврейской культуры в российскую: взаимопроникновение и взаимообогащение двух культур на примере детской литературы.....	99
Котюкова Т.В. Выборное городское самоуправления в Туркестане 1877-1917 гг.	108
Жуков К.А. Хива в российской и османской публицистике 1873 г. (В.В. Григорьев и Али Суави).....	119
Чэн Хун. Способы проникновения русской культуры в районы провинции Хэйлунцзян и ее влияние.....	122
Макарова Н.В. Положение провинциального нерусского дворянства в царствование Николая I (на примере просьбы литовских татар о сохранении прав дворянства).....	123
Дамье В.В. Анархизм против национализма.....	126
Рублёв Д.И. Национальный вопрос: взгляд российских анархистов конца XIX – начала XX веков.....	133
Лубков А.В. К духовной драме Д.И. Шаховского.....	137
Конашев М. Б. Эволюционная теория, диамат и СССР (на примере Ф.Г. Добржанского, других эволюционных биологов и обществоведов).....	139
Peter H.R. Ivan Il'in und der Faschismus. Zu Il'ins Lebensweg.....	145
Rüdiger Axel. Repeating without returning: Lenin in the political philosophy of Slavoj Žižek.....	149
Ненароков А.П. И.Г. Церетели против Г.В. Плеханова: «Не подыскание оправданий воюющей стороны, а решительная борьба с вызванным войною всеобщим одичанием». Иркутск, 1915 г.	156
Риндлисбахер Ш. Российские эмигранты в Швейцарии в конце XIX в. Пример Р.М. и Г.В. Плехановых и В.И. Засулич.....	159
Сакамото Х. О немецком издании книги Г.В. Плеханова «Н.Г. Чернышевский».....	163
Савельев П.Ю. Историки российской социал-демократии В.В. Невский и Б.И. Николаевский.....	166
Васильева О.В. «Отдать в Публичную Библиотеку как трофеи Российского оружия»: Николай I и отечественное востоковедение.....	169
Зими́на О.Г. Французское «присутствие» в библиотеке Екатерины II.....	172
Тагирова Н.А. Из истории книжной культуры Дагестана XIX в.: библиотека Шамиля.....	179
Шихсаидов А.Р. Из истории ближневосточно-дагестанских культурных контактов: зерехгеранская школа переписчиков (XV-XVIII вв.).....	184
Коробейников В.Н. Предки и родственники Георгия Валентиновича Плеханова.....	188
Список авторов.....	203

ПРЕДИСЛОВИЕ

Кто же это «мы»? Раса, этнос, православные мусульмане, буддисты, иудеи? А может, прав был «человекобог» или «богочеловек», сказавший: «Для меня нет ни эллина, ни иудея»? Значит – есть люди, значит – есть человек, то самое, что и в них, и в тебе, и во мне. То самое, что породило человеческий разум, человеческую чувственность, человеческую душу и человеческий дух. Что воплотилось в праздничном разноцветье культур, обычаев, традиций, верований, наречий... Это и есть то, что «сквозит и тайно светит» через многообразие.

Л.К. Науменко

Дом Плеханова в десятый раз организывает встречу исследователей, занимающихся проблемами истории общественной мысли и общественного движения. Это те области знания и приложения сил, в развитие которых Георгий Валентинович Плеханов внес значительный вклад в качестве философа-марксиста и революционного деятеля. Исследования истории России – самых различных аспектов ее эволюции – занимали главенствующее место в его творчестве и деятельности. Достаточно сказать, что одна из самых первых аналитических и завершающая творческий путь Плеханова работы самым непосредственным образом касались России: «Закон экономического развития общества и задачи социализма в России» и «История русской общественной мысли».

Именно поэтому тематика Плехановских чтений, проводимых с 1988 г., всегда выходила далеко за рамки собственно плехановедения – самостоятельной области исследования в общественных науках. Такой подход позволяет привлекать к участию в Чтениях специалистов различных областей социального знания.

Представленные к рассмотрению на X чтениях материалы анализируют философско-методологические проблемы марксистского анализа истории и перспектив развития России как многонационального государства; вопросы интеграции национальных культур, вопросы общественного движения и ряд других.

Часть материалов посвящена особому – советскому – периоду развития России, авторы которых подтверждают возможность реализации одной из центральных идей марксизма о возможности организации общества на принципах нравственности и справедливости. Советская эпоха, при всех ее издержках, стала доказательством того, что человек способен не только формулировать, но и создавать такие ценностные системы, в которых обеспечиваются равенство и суверенность всех народов, равноправие всех граждан общества.

«...Идея — великая вещь! Но для того, чтобы она могла сыграть свою великую роль, она должна быть разумной идеей, она должна уметь схватить и выразить действительный ход истории. При этом условии идея является непреодолимой силой».

СРЕДОТОЧИЕ НАРОДОВ, ПЕРЕКРЕСТОК ЦИВИЛИЗАЦИЙ, МОСТ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ: БЛУЖДЕНИЯ В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ ИЛИ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО RATIO?

1. X Плехановские чтения – подвиг Дома Плеханова. Подвиг, потому что все состоявшиеся Чтения и само существование Дома Плеханова на протяжении уже двадцати лет имеют место в политико-идеологической среде, самое мягкое определение которой – *враждебная* идеалам и ценностям социализма, нарастающе *мракобесная*.

Но десять Чтений, привлекавших и продолжающих привлекать внимание многих людей далеко за пределами их аудиторий – это еще одно подтверждение жизнненности идеи социализма, ее значения для России и мира. Жизнненности, требующей подробного научного анализа полной, без изъятий и умолчаний, истории СССР и мирового социализма – включая социал-демократическое его направление, открытое для России Г.В.Плехановым. Об этом и хотелось бы поговорить на юбилее. Следуя заявленной теме Чтений, попытаюсь обозначить некоторые философско-методологические трудности, до сих пор мешающие марксистскому анализу истории и современности России.

2. Со времен Достоевского в общественно-политической мысли России сложилась «триада» политико-философских воззрений на место России в мире и путь ее развития. Неизбежно упрощая, компоненты этой «триады» можно обозначить так: (i) Россия – абсолютно самодостаточная (цивилизация, культура, страна, etc.), она не нуждается во внешних примерах и заимствованиях и должна идти своим, самобытным путем. Его желаемое содержание определяется разными авторами по-разному, главное для них –самобытность; (ii) Россия – неотъемлемая часть Европы и потому должна следовать европейскому образцу, под которым, впрочем, тоже понимаются разные вещи – от идеи социализма до социального дарвинизма; (iii) Россия – средоточие различных народов и конфессий, перекресток цивилизаций, соединение (некоторые авторы употребляют слово «мост») между Востоком и Западом и т.п.; и должна оставаться в этом качестве, вбирая и переплавляя в себе все в нее привнесенное и привносимое. В постсоветский период эта «триада» не просто реанимировалась, но стала «мейнстримом» публичных дискуссий.

3. В каждом из этих подходов есть доля истины и доля шизофрении. Разумеется, в жизни надо идти своим путем – но нежелание признавать чужие достижения, нежелание или неспособность учиться у других обрекают такую самобытность на неудачи, провалы и, на этой почве, многочисленные комплексы (превосходства-неполноценности, хамства-незащищенности и др.). Да, географически Россия – часть Европы; но конфессионально Россия исторически противостоит основным центрам европейской культуры, а Европа католическая и протестантская относилась и относится к России очень неоднозначно. Идущее с петровских времен стремление так или иначе догнать Европу рождает там и тут

впечатление о России как о некоей бедной и нежеланной родственнице. Да, Россия географически – значительная часть также и Азии, ее населяют разные народы; но на карте Евразии она – гигантская северо-восточная «чукотка»: основные цивилизации двух континентов расположены по ее периметру и уже веками торгуют, общаются, воюют друг с другом напрямую. В России представлена ничтожно малая и нерепрезентативная часть любой из этих цивилизаций.

Во всех трех случаях в «позитиве» – истина, но банальная; а в «негативе» – невозможность трансформировать образ желаемого в поддающиеся реализации цели, проекты, стратегии. Любой из предлагаемых ответов неконкретен, неоперационален и потому не допускает его воплощения в жизнь – а значит, продиктован и служит каким-то психологическим потребностям его сторонников. Это не рациональный и тем более не научный анализ опыта, проблем и перспектив страны, но исторической длительности *сеанс коллективной психотерапии*. Возможно, он врачует нашу психику; но строить на его основе планы относительно любого будущего России бессмысленно, если не опасно.

4. Три эти подхода – именно «триада», они нераздельно завязаны друг на друга, причем два первых совместно образуют гегелевскую дихотомию, а третий выглядит как прорыв за ее пределы, выход к дихотомии какого-то иного порядка. Однако выход этот не представляется ни рациональным, ни удачным. Выбор между самобытностью и Европой он подменяет еще более размытым двуединством «и Европа, и Азия» с четко выраженным креном в сторону Азии. Но какой Азии? Даже только мусульманская ее часть (формально представленная в России; но ее различия с зарубежным исламом велики и признаются по обе стороны границы) резко различается между Юго-Восточной Азией и Ближним Востоком (и внутри него); а есть еще Индия, Китай, Япония... От трех последних мы явно не берем ничего, даже от Китая; что остается? Не хочу никого задеть или обидеть, но какие цивилизации (в научном, а не публицистическом смысле слова) сосредоточены в пределах России или «пересекаются» здесь – и если последнее, то как?

5. Неизбежный вывод – исходная дихотомия ложна: нельзя замыкаться в себе или противопоставлять себя миру; но невозможно и «стать Европой», соединившись с ней в супер-евразийском союзе или воспроизведя Европу (хотя бы только по внешним ее признакам) на российских просторах. Это доказано опытом уже трехсот с лишним лет. Но и евразийство в любой его мыслимой форме – ответ не менее иррациональный в силу полнейшей неопределенности его азиатской компоненты и очевидного, доказанного временем нежелания (или невозможности) заимствовать у Европы что-либо кроме технологий. Т.е. предлагаемый евразийством выход из ложной дихотомии оказывается в конечном счете тоже ложным. Не посягая на право и свободу публицистики, необходимо признать, что решающее слово в понимании истории и траектории развития России должна будет сказать наука. Она сегодня – в том числе и в марксистской ее части – стоит перед проблемой соотношения общего и особенного в социально-историческом процессе вообще и в истории каждой страны в частности. Особенное выявляется лишь в той мере, в какой мы знаем и понимаем общее. Последнее устанавливается на базе сопоставления возможно большего числа

конкретных случаев. Специфика России описана за последние двести лет подробно (хотя чаще всего однобоко, с одной из позиций «триады»). Знание же общих законов социального развития с либеральной стороны идеологизировано сверх всяких разумных пределов, а с марксистской – страдает не только от современной идейно-политической атмосферы в мире и России, но и от того, что его изначальная гипотеза была, как известно, выстроена на очень узкой эмпирической базе. Сегодня марксистский *синтез* формационного и цивилизационного подходов, вобравший в себя анализ перемен в мире за последние 150 лет, мог бы предложить научно содержательную, а не внешне новую, но по-прежнему интуитивную и эмоциональную – антитезу образам и идеям публицистического происхождения. Что мешает?

6. Устойчивое, на протяжении уже почти двух веков существование обозначенной «триады», на первый взгляд говорит о переживаемом Россией кризисе ее идентичности. Действительно, все признаки кризиса социальной идентичности российского общества налицо. Однако они – в другом содержании – присутствовали и в период перестройки, и в середине 1950-х, и в начале XX века, и в 1850-е-1860-е, и во времена Пушкина («лишние люди»), причем всякий раз очередному приступу кризиса предшествовал и сразу за ним следовал период консерватизма, нередко переходивший в годы удушающей реакции. Но никакой кризис не может длиться двести лет: тогда это или образ жизни, или же некий духовный процесс, лишь внешне облаченный в одежды кризиса. У этого процесса есть еще одна особенность: на всех его этапах виновницей бед и несчастий страны неизменно называлась мыслящая часть общества. Сегодня эта идея подается по-блатному грубо: дескать, если б не интеллигенция (а известно, из кого она состоит...), то не было бы в России ни 1917, ни 1991 гг., ни всего, что вместились между ними, ни нынешней бузы «шакалющих у посольств» (интересно, что бы было?). В первой трети XIX века та же мысль, но изящно выраженная, составляет суть поэтической полемики русского империалиста А.С.Пушкина с польским республиканцем А.Мицкевичем.

7. Самое существенное здесь, на мой взгляд, ухвачено верно: зримым источником каждой новой вспышки кризиса идентичности всякий раз оказывалась именно мыслящая часть России. Причем – что особенно интересно и важно – как анти- или альтер-, так и проправительственная, прорежимная, просистемная. Начиная с Петра I, в России и СССР на самом верху (а не только среди оппозиции) не раз оказывались люди рационально-реформаторского склада мышления (как они действовали и чего добивались – иной вопрос). Главный водораздел неизменно пролегал по этой линии: с одной стороны, *все* те, кто пытается как-то *осмыслить* прошлое, настоящее, будущее страны (как именно – тоже другой вопрос, мы от него абстрагируемся); с противоположной – все те, кто (по любым причинам) сознательно *подменяет* осмысление аналогами негритянских *souls* – страданиями по (русскому) народу, блажью «спасения России» и прочими вариантами «плача Ярославны»; а также те, у кого любое напряжение мыслительных способностей вызывает труднопреодолимое желание схватиться за топор, казацкую плетку, пистолет или полпотовскую мотыгу. У всех без исключения вспышек кризиса идентичности была еще одна общая черта: они зарождались и

развивались как реакция мыслящей части общества на давящую духовно-политическую и творческую атмосферу в стране. Заметим – не на экономические невзгоды (самое начало XX века, период брежневского «застоя» или начало 2000-х гг. в этом смысле отнюдь не худшие) и даже не на репрессии (времена Николая I и Сталина остались яркими периодами в истории отечественного искусства). Но именно на *атмосферу*, т.е. на нечто *психологически и нравственно* (а не утилитарно, материально) *важное, значимое*.

8. Наука историческая психология рассматривает психику как развивающееся во времени явление. Все, что для нас привычно как воздух – язык, ассоциативные ряды (сравнения), интуиция и пр., в том числе способность мышления, возникло не вдруг, но формировалось веками и тысячелетиями. Новейшие этапы этой эволюции психики – становление рационалистического сознания (последние 2,5-3 тысячи лет), а в его рамках – сознания научного (последние 250-300 лет). Естественно, в разных культурах и цивилизациях процесс этот идет в различных условиях, разными темпами и с разными результатами. Идет он и в России, резко интенсифицировавшись вначале под влиянием 1812 г., в начале XX века – под влиянием идеи социализма, сегодня – под воздействием глобализации. Названные кризисы идентичности – не что иное как прорывы *ratio*, т.е. сознания рационалистического через многовековые духовные, политико-идеологические, конфессиональные и психологические завалы, вызванные когда-то к жизни психикой, опиравшейся на эмоциональное мировосприятие и миропонимание. В плане становления светского рационалистического сознания период 1812 - начала 1970-х гг. в России сравним с эпохой Просвещения (1600-1800) в Европе. Пришла пора идти дальше.

9. В начале XX века Г.В.Плеханов был одним из тех, чьими трудами, усилиями и воззрениями рационалистическое сознание расширяло свои позиции в России. Сегодня, когда внутриэлитные отношения разворачивают Россию к неофеодализму, и это находит подтверждение и опору в духовно-политическом реванше клерикализма, в откате культуры и образования, в лавине всяческого мракобесия, т.е. в мощном и всестороннем контрнаступлении духовной реакции на рационалистическое сознание – именно сегодня, на мой взгляд, крайне важно видеть три вещи:

во-первых, это контрнаступление – не результат действия лишь тех или иных субъективных факторов, но закономерная циклическая фаза социально-исторического процесса и его главного, стержневого компонента – исторического развития психики; наступления этой фазы можно и нужно было ожидать, к ней можно было быть готовыми;

во-вторых, одним из важнейших достижений России на протяжении XX века, как ретроспективно становится все более ясно, стало закрепление и развитие в обществе рационалистического сознания; это достижение подвергается в последние двадцать лет проверке на прочность и жизнеспособность, но не поколеблено, не отброшено назад;

в-третьих, если изложенное верно, то задача мыслящей части общества – и прежде всего тех, кто относит себя к сторонникам социалистической идеи, к духовным наследникам и последователям Г.В.Плеханова – удерживать позиции разума, светского научного мировоззрения и научного, не идеологизированного подхода к познанию общественных явлений в целом и процессов, происходящих в России в частности.

РОССИЙСКАЯ НАЦИЯ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ ИЛИ БУДУЩЕЕ?

Россия действительно является средоточием народов и перекрестком цивилизаций. Этот факт невозможно оспорить. Российское государство, как бы оно не называлось на различных этапах своей истории, всегда отличалось этническим, религиозным и культурным многообразием. Сейчас в России проживает 180 народов и народностей, объединенных в 67 религиозных конфессий.

Однако вопрос о том, что представляет собой это сосредоточие народов, порождает противоречивые ответы. Одни считают Россию сложившейся особой цивилизацией, что предполагает высокую степень культурного единства народов и существование общероссийской идентичности, а значит и существование единой российской нации в гражданском, а не в этническом смысле. Другие выражают сомнение в том, что такая идентичность и такая нация существуют. Одни считают многонациональный состав России источником ее силы, другие - источником слабости.

Противоречивые мнения питаются противоречивым историческим опытом, который в истории России действительно был разным, и поэтому любые однозначные оценки могут противоречить исторической практике и являться, по меньшей мере, односторонними. Так, например, утверждение о том, что Российская империя была «тюрьмой народов», является столь же ошибочным, как и попытка представить империю «добровольным союзом наций и народов».

Истина всегда конкретна, абстрактной истины нет. И у различных народов в различные эпохи существовал различный ответ на вопрос о том, как они ощущали себя в многонациональном Российском государстве.

Любой прочный союз должен иметь реальную и понятную всем основу. Такой основой, как правило, бывает необходимость противостоять общей внешней опасности, или/и возможность установить взаимовыгодное сотрудничество в экономической и культурной сферах. Общие интересы и выгода, если они существуют на протяжении ряда поколений, создают устойчивые представления об общей исторической судьбе, которые укрепляют единство многонационального государства.

Рассмотрим кратко, как складывались межнациональные отношения в Российской империи, Советском Союзе и в постсоветской России.

1. Как складывалась и чем была Российская империя? Полиэтничность была характерна уже для Киевской Руси, особенно для ее элиты, где вначале был весьма заметным скандинавский компонент. В еще большей степени полиэтничность стала характерна для Московской Руси. С конца XV века (1480 г.) Москва постепенно стала заменять Золотую Орду в качестве центра силы и государственности на восточноевропейском пространстве, а затем продвинулась в Азию, шаг за шагом включая в свой состав большие и малые этносы. Имперский статус Россия обрела при Петре Великом. Территориальные приобретения Петра были скромными по размерам, но он создал армию и государство, которые позволили его наследникам существенно расширить границы империи во всех направлениях.

При этом ряд территорий вошли в состав империи добровольно, а другие были завоеваны. Российская империя достигла своего территориального максимума к концу XIX века, завершив завоевание Кавказа и Средней Азии.

Стала ли Россия особой цивилизацией в эпоху империи? В определенном смысле, да. Она сложилась как особая евразийская цивилизация, сплав европейской и азиатской культуры, в том числе культуры политической. Сложилась ли особая российская нация? Интеграционные процессы, несомненно, шли, но степень их зрелости была разной: большей в центральных районах империи, меньшей – на окраинах. Общероссийская самоидентификация была в определенной мере характерна для многонациональной элиты. Моментом истины стал кризис империи, возникший на фоне тягот мировой войны. После свержения самодержавия в феврале 1917 г. плохо скрытый сепаратизм сразу проявил себя на всех окраинах империи. От открытого сепаратизма местные элиты удерживала лишь боязнь реставрации монархии и репрессий со стороны Временного правительства, в котором вначале также доминировали сторонники лозунга «Единой и неделимой России».

Приход большевиков к власти был воспринят окраинами как конец сильной государственной власти в России. Боязнь репрессий ушла, и империя мгновенно распалась на десяток государств. Этот распад говорит о том, что высокой степени единства между ее народами не было, и местная элита легко подняла знамя национализма и сепаратизма.

2. Советский народ как новая историческая общность. Однако большевики неожиданно для всего мира быстро и эффективно собрали распавшееся многонациональное государство, опираясь на идеологию пролетарского интернационализма и классовой солидарности всех бедных в борьбе против богатых. Под лозунгами мировой революции и интернационализма к 1922 г. российское государство было собрано в Союз Советских Социалистических Республик. В состав СССР вошли как раз те регионы, население которых было наименее заражено сепаратизмом. Прибалтика, западные районы Украины и Белоруссии, Бессарабия оказались за пределами союзного государства. Впоследствии эти районы были включены И. В. Сталиным в границы СССР, и на рубеже 1990-х гг. они внесли решающий вклад в развал Советского Союза.

Идеология интернационализма и классовой солидарности, равно как и практические задачи максимального использования потенциала всех народов СССР в условиях враждебного окружения, способствовали тому, что все народы были включены в процесс ускоренной индустриализации и культурной революции. Атеистический характер государства, отделение школы от церкви способствовали эффективному преодолению религиозной розни. Великая Отечественная война показала высокую степень сплоченности народов СССР, хотя в этот период были и «черные страницы» в межнациональных отношениях. В послевоенный период в стране шел процесс создания новой исторической общности «советский народ», и можно говорить о становлении советской нации в гражданском значении термина «нация». Однако этот процесс был прерван в результате ошибочной стратегии реформирования старой модели социализма в эпоху «перестройки».

3. Распад СССР и постсоветская Россия. Важную роль в распаде СССР сыграло новое руководство РСФСР в лице Б.Н. Ельцина и его окружения. Добиваясь для РСФСР высокой степени самостоятельности в рамках Советского Союза, они поддерживали силы сепаратизма в союзных республиках и фактически обусловили их победу в целом ряде республик. А по мере ухудшения экономической ситуации в стране, Ельцин и его команда все больше склонялись к тому, что Российской Федерации одной будет легче выбираться из кризиса и строить новую посткоммунистическую Россию. Одним из идейных вдохновителей этого курса был А.И. Солженицын, призывавший освободиться от «тяжкого имперского груза», сохранив единство только трех славянских народов. Порочность этой концепции стала очевидной на фоне роста украинского сепаратизма. В итоге три лидера славянских республик осуществили «беловежский сговор». Историческая Россия сузилась до границ РСФСР.

Поскольку РСФСР была уменьшенной копией СССР, импульс сепаратизма не мог обойти Россию. Самой острой оказалась ситуация в Чечне, новое руководство которой однозначно заявило о независимости. Понимая, что уход Чечни может вызвать цепную реакцию распада РФ, Ельцин начал войну в Чечне в декабре 1994 г., которую он фактически проиграл, подписав Хасавюртовские соглашения в августе 1996 г.

Война в Чечне усилила сепаратистские настроения, особенно в мусульманских регионах. Проповедники радикальных течений ислама придали конфликту религиозный характер, и это расширило его рамки.

Ельцин не смог предложить народам России светской идеологии, способной их объединить, поэтому на помощь призвал религиозные институты. Резкое повышение роли православной церкви в жизни русского народа, вызвало соответствующую реакцию со стороны других конфессий. Религиозный ренессанс стал фактором разобщения народов в постсоветской России. Религии в истории всегда делили людей на своих и чужих.

Серьезный вклад в разобщение советского народа внесли и радикальные социально-экономические реформы, которые осуществили Ельцин и его команда. В их основе лежала несправедливая приватизация государственной собственности, породившая невиданную коррупцию и разложившую государственный аппарат. Государственная власть потеряла моральный авторитет и политическую силу. В условиях ослабления государственной власти моментально возродились разного рода клановые и родовые структуры, которые сохранились у ряда народов России. Различные клановые и этнические группировки превратились в действенный инструмент решения экономических проблем, передела собственности и т.п. На этом фоне этническая, клановая идентификация стала явно превалировать над общероссийской идентификацией – общности людей как граждан России.

Разобщению народов России способствовала и идеологическая политика новой российской элиты: целенаправленная дискредитация истории советского периода в глазах всех людей, особенно молодежи. Однако нигилизм в отношении советского периода закрывает возможность создания единой российской нации. Несмотря на всю противоречивость советской истории, для большинства народов бывшей Российской империи именно советский период был периодом бурного

экономического и культурного развития и реального сближения. Перечеркивание позитивных результатов советского периода разрушает базу для обоснования тезиса о взаимовыгодном союзе русского народа и других народов бывшей империи, поскольку в истории досоветского периода такую базу во многих случаях не найти.

В итоге бывший советский народ быстро распался на религиозные и этнические общности, и отношения между ними в целом ряде случаев далеко не простые.

На рубеже нового тысячелетия В.В. Путину удалось разгромить чеченский сепаратизм и найти в Чечне силы, признавшие Чечню субъектом РФ. Это явно ослабило сепаратистские тенденции в масштабе всей России. Однако устранить другие экономические, политические и идеологические факторы разобщенности в последнее десятилетие не удалось. Новая российская элита пока еще не смогла предложить народом России идеологию и программу действий, которые бы отвечали общим интересам и способствовали бы формированию приоритетной общероссийской идентичности, и в итоге – российской нации в гражданском смысле этого термина. А необходимость решения этой задачи диктуется всей геополитической обстановкой, сложившейся для России в современном мире.

В.Т. Рязанов

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ СТРОЙ РОССИИ В СИСТЕМЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ КООРДИНАТ

Каждая страна – и Россия здесь не исключение - при всех совпадениях в осуществлении производственно-хозяйственной деятельности и общности в используемых экономических инструментах, характеризуется значительным набором отличительных признаков в хозяйственном устройстве. Особенно в экономике проявляется уже в различающихся значениях, которые принимает сама экономика и хозяйственные процессы в жизни разных цивилизаций и обществ. Можно считать, что автономность экономики и ее доминирование в сравнении с другими сферами жизни общества были рождены на определенном этапе в недрах западной цивилизации (европейской и американской) как следствие крупных сдвигов в ее основаниях. Секуляризация общества, приоритет индивидуального перед коллективным (общественным), поощрение рациональности в самых разных областях поведения человека, ставка на непрерывный рост потребления жизненных благ и т.п. – все это не могло не привести к выдвиганию на первенствующую роль экономического фактора в жизни общества и отдельных индивидов. Однако такая роль экономики существует далеко не во всех обществах даже на современном этапе.

Если теперь обратиться к неэкономической сфере, то именно в ней обнаруживается самый большой пласт отличий, которыми характеризуются отдельные общественно-экономические системы. Социально-нравственные императивы, формирующиеся под влиянием религиозной организации общества, социокультурное многообразие мира, ценностные ориентации, исторические традиции и стереотипы поведения, национальные стили управления и предпринимательства, осо-

бенности трудовой этики и т.д. – все они по-разному складывались в разных странах. Хотя такие качества в большинстве своем не имеют прямого отношения к экономике, но для последней играют чрезвычайно важную роль. Ведь экономика не автономна и не самодостаточна, а погружена в свое конкретно-историческое цивилизационное пространство, которое и придает ей многоликость. Культурно-цивилизационные отличия, а к ним следует еще прибавить природную среду экономической деятельности, формируют свой существенный набор факторов, условий и ограничителей, влияющих на возникновение конкретного типа хозяйственного устройства. Многообразие культурно-цивилизационных и природных условий хозяйствования с неизбежностью порождает многообразие национальных экономических систем. Они же определяют закономерности их развития, возможности адаптации с изменением условий хозяйствования или с появлением новых задач-вызовов.

Это означает, что любая экономическая система зависит не только от своих традиционных ограничителей (к примеру, в рыночной экономике – от спроса и предложения или полноты информации), но одновременно регулируется исторически сложившимися социо-культурными ценностями. Именно они придают ей главное своеобразие и обеспечивают стабильность и устойчивость.

В чем значение экономической теории, построенной на анализе особенного в экономике?

В теории роль особенного отражается, в частности, в том, что через его учет можно реализовать идею наличия в экономике не только жестко детерминированных хозяйственных процессов, но и недетерминированных, соответствующих природе особенного (уникального). Это еще в большей степени подкрепляет вывод об ограниченности узкоэкономической трактовки хозяйственной жизни.

Еще одно важное значение разработки теории особенного в экономике связано с необходимостью включения в состав хозяйствующих субъектов этноса (нации). Именно в этнической среде формируются целостная совокупность базовых ценностей и поведенческих норм как устойчивых. Даная совокупность важна для того, чтобы иметь более точные представления об особенностях и возможностях хозяйствования в конкретной этнической среде. Включение этноса в число субъектов, изучаемых экономической теории, позволяет предложить и еще одну трактовку прогресса как признака успешности и поступательности самого общественно-экономического развития. Как правило, прогресс трактуется как движение к чему-то лучшему и более совершенному, чаще всего ассоциируемого с возникновением новых форм хозяйствования. Если же за основу взять сохранение и обогащение исторически сложившихся традиций хозяйствования, неслучайно возникших в данной этнической общности и определяющих условий ее устойчивости и развития, то тогда прогресс следует понимать как возвращение к своим истокам, обогащенное историческим опытом и подтвержденное способностью вырабатывать достойный ответ на возникающие новые вызовы. Ведь исторический опыт – это своего рода форма экспериментальной проверки истинности в экономике, наподобие физического эксперимента.

С практической точки зрения изучение особенного в экономике акцентирует внимание на множественность путей развития экономики и тем самым обязывает

реформаторов учитывать наличие вариантности и альтернативности в общественно-экономической сфере, прежде всего, когда речь идет о выборе путей трансформации сложившейся хозяйственной системы. Далее, через особенное обнаруживается не просто своеобразие той или иной страны, но и на этой основе выявляются ее конкурентные преимущества в экономике. Надо учитывать, что такие преимущества возникают как развитие и углубление самобытных черт, свойственных данной экономике. Простое же копирование чужих образцов хозяйствования уже по определению не в состоянии обеспечить экономические преимущества перед странами-лидерами. Не случайно «экономические чудеса» в мировой хозяйственной истории всегда приобретают свою национальную форму, выступая в виде «немецкого или китайского» экономического чуда. Наконец, нельзя не видеть важной роли теории особенного в укреплении национального самосознания и патриотизма, а в экономической области – в воспитании способности к отстаиванию национальных экономических интересов, чего очень часто как раз и недостает в поведении управленческой элиты.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов остается трактовка природы российской цивилизации в ее сопоставлении с другими цивилизациями. Как правило, основной спор ведется вокруг вопроса о том, какому типу цивилизации она в большей степени соответствует – Западу или Востоку. Как нам представляется, в данном случае более обоснованно утверждать, что Россия и ее экономика, при всех возможных совпадениях как с Востоком, так и с Западом, должна быть отнесена к самостоятельному варианту. Если воспользоваться традиционными историко-географическими координатами, то тогда ее целесообразно определять как *«цивилизацию Севера»*. Такое определение особенно уместно к экономической составляющей российской цивилизации. В географической системе координат Север – это экономика повышенного риска и зона высокой уязвимости от влияния природно-климатического фактора. Действительно, экономический строй России не может не зависеть от северного (холодного) характера ее природы. Ведь значительная часть территории страны – это зона вечной мерзлоты, а самая протяженная граница – это граница с Северным ледовитым океаном. Это означает, что по климату и условиям хозяйствования в сравнении с другими странами, которые традиционно относятся к Западу и Востоку, Россия действительно страна Севера. К сказанному можно добавить, что российское государство может с полным основанием оцениваться как территория с «нелиберальными условиями хозяйствования»¹.

Закономерно, что наша страна уже давно выступает как мировой лидер в освоения Севера (Арктики). Приведем ряд характерных примеров. Мы были первыми, организовав дрейфующую станцию в Арктике, совершив авиа-перелет через Северный полюс, первыми водрузили свой флаг в географической точке северного полюса, как на поверхности, так и на дне океана. Наша страна развернула самую масштабную в мире хозяйственную деятельность по использованию природных богатств в зоне Крайнего Севера. Она освоила северный морской путь, создав самый мощный в мире ледокольный флот (в частности, первой построила атомный ледокол). И такой перечень можно продолжить.

Важно и то, что менталитет народов России, их ценностные ориентации и особенности экономического поведения находятся под сильным влиянием природы Севера. Можно сказать, что русская нация по многим поведенческим характеристикам заметно отличается как от Запада, так и от Востока. При этом по каким-то из них русские ближе к народам Востока, но это вовсе не дает основание включать Россию в состав цивилизаций Востока. В ряде случаев русские ближе по менталитету и поведению к народам Запада, что, в частности, стало результатом упорного проведения властью политики вестернизации страны, которая почти непрерывно осуществляется более трех веков. Тем не менее, по своим главным параметрам Россия представляет собой самостоятельное цивилизационное устройство, которое взаимодействует и существует в координации с другими цивилизациями своего ближайшего окружения².

Соответственно, ее хозяйственный строй как цивилизации Севера имеет ряд важных отличительных характеристик, к которым следует отнести такие, как многоукладность экономики, значительная роль государства в организации хозяйственной деятельности, особый механизм распределения и использования прибавочного продукта, ограниченно рыночные возможности в ценообразовании на базовые товары и услуги (энергия, транспорт), более высокая затратоемость производства и асимметричность в развитии рыночных отношений и т.д.

На основании проведенного анализа можно сформулировать такой вывод. Любая общественно-экономическая система, особенно находящаяся в процессе исторического поиска, сохраняет историческую устойчивость и способность к самообновлению в зависимости от того, насколько она вписалась в сложившееся цивилизационное пространство страны, соответствует историческим традициям и ценностям, сопряжена с доминирующими тенденциями в менталитете данного этноса.

Что сегодня собой представляет российское общественно-хозяйственное устройство? Сохранило ли оно потенциал саморазвития?

Нельзя недооценивать тот факт, что по характеру и масштабу своеобразных черт нынешняя российская экономическая система на порядок отличается от экономики начала XX века, которая оставалась преимущественно аграрной, сельской, с доминированием религиозных ценностей и норм культуры традиционного общества.

Получается так, что в настоящее время видимых самобытных черт в экономике России практически не осталось. И это все еще усугубляется кризисом национальной самоидентификации, демографическими проблемами, трудностями в международных отношениях, мощным внешним либерально-западным давлением и т.д. Тем не менее, масштаб особенного в российской экономике не соответствует обычным отличиям, которые сохраняются, скажем, между Англией и Францией и любой другой страной западного ареала. Такое другое качество в первую очередь обусловлено преобладанием социокультурных расхождений в основной массе населения. Даже используемое множество общих (стандартных) экономических инструментов, попадая в иное цивилизационное поле, трансформируется в самобытно-особенные качества российского хозяйственного стиля, вызывая недоумение у западных аналитиков по поводу возникающих искажений и подозрения в возрождении исторических амбиций России.

Еще одним важным аргументом в обосновании сохранения особенных черт в общественно-хозяйственном устройстве России, серьезно отличающих его от строя стран Запада, является то, как сами западные страны оценивают Россию, ее общество и хозяйство. И здесь не надо искать большое количество примеров, подтверждающих вполне определенный вывод о том, что мы ими по-прежнему представляемся по многим параметрам как чуждое и инородное общественно-хозяйственное образование. Достаточно задать такой вопрос: хотели ли бы нас в принципе видеть в составе ЕС? Ответ очевиден. Один только факт масштаба нашей страны, а она по территории почти в 4 раза превышает всю оставшуюся Европу, определяет невозможность такого вхождения.

Таким образом, выбор стратегии развития на собственной основе объективно мотивирован с различных сторон. Важно, чтобы она не была сведена к политике консервации и экономического застоя, а была нацелена на адаптацию российского хозяйства к современным задачам развития и на продвижение к созданию эффективно работающей и конкурентной экономики. Другими словами, такая стратегия предполагает реализации курса на осуществление модернизации общественно-хозяйственного устройства России, хотя и «без вестернизации».

Более конкретно, стратегия развития на собственной основе обращена к своему отечественному опыту, как источнику поиска современных форм хозяйствования. В нем можно найти примеры того, как традиционные формы хозяйствования демонстрировали не просто живучесть, но и способность к переадаптации. В конечном счете, реализация развития на собственной основе зависит от того, насколько удастся найти опору в творческой деятельности людей и их потенциале самоорганизации. Не волшебные свойства форм собственности и хозяйствования и не очередная под них «перековка» людей, а реализация их поведенческого потенциала и живых традиций способны обеспечить российской экономике высокую эффективность и реализовать свои конкурентные преимущества.

¹ Как писал И.А.Ильин: «... Всякий народ, будучи в географическом и историческом положении русского народа, был бы вынужден идти тем же самым путем...» // *Ильин И.А. Наши задачи: историческая судьба и будущее России*. В 2-х т. М., 1992. Т.1. С.233.

² Об особенностях этики цивилизации Севера см.: Холмогоров Е. *Русский националист*. М., 2006. С.363-391

«ТРЯСКА» И «КОЛЕЯ» РОССИИ. В чем состоит «тряска России»

В развитии России, по крайней мере, с середины 16 века наблюдаются периоды жесткого реформирования, осуществляемого сверху. Эти периоды связаны с мобилизацией всех сил страны, они проходят в жесткой и даже жестокой борьбе властных органов с различными группами внутри «верхнего слоя», которые пытаются отстоять или свои интересы, или иное понимание путей развития. Борьба и реформы затрагивают все слои населения и, как правило, ведут к значимым жертвам и потерям среди населения. Реформирование позволяет усилить военный потенциал и обороноспособность страны, но жестокость методов ведет к разрушению части производительных сил, а увеличивающаяся эксплуатация населения, увеличивая доходы власти и отдельных слоев, в целом постепенно ослабляет экономический потенциал. В результате после периода реформ и свойственного им частичного «мобилизационного рывка» и военных или политических побед наступает период кризиса, когда возможности власти ослабевают, страна теряет часть завоеванных на мировой арене позиций. После определенного периода кризиса (или даже «смуты») наступает период «затишья» в реформах, ослабления давления власти на население, в результате которого постепенно начинают расти производительные силы, происходит органическое «усвоение» результатов реформ. Этот период характеризуется относительным ростом экономики и силы государства, но постепенно накапливаются некоторые внутренние противоречия. Возрастают внутренние трения в правящем классе по поводу того, каким путем развиваться, как разрешать эти противоречия. В какой-то момент противоречия накапливаются и вынуждают власти вновь пойти на реформы, которые вновь оказываются весьма жесткими.

В итоге получается волнообразное развитие, характеризуемое подъемами и спадами реформистской активности государства, подъемами и спадами усиления экономической и военной мощи России, подъемами и спадами ее внешней активности. Это волнообразное движение Дм. Калужный и С. Валянский называли «русскими горками»¹ и достаточно подробно описали эти горки, подчеркивая, преимущественно, позитивные результаты реформирования сверху. Мы обозначили периодически возникающие периоды реформирования как «тряску России», имея в виду вызываемые ими проблемы управления страной, нередко – непонимание большой доли современников и при этом огромные трудности и жертвы населения.

Постепенно, параллельно с периодами «реформирования сверху» начинает созревать тенденция революционного изменения институтов государства и власти «снизу». Эта линия реализуется в заговорах, восстаниях и революциях, потрясающих государство. Эти «реформы снизу» дополняют «русские горки», становятся провозвестниками и, одновременно, ускорителями реформ или антиреформ сверху.

Пора, однако, от абстрактного изложения перейти к некоторым примерам.

На наш взгляд, явно выделяются следующие периоды реформ и кризисов.

Реформы Ивана Грозного, направленные на превращение страны в абсолютную монархию, и последовавший период «смуты» 1550 – 1650 гг. В результате правления Ивана IV Россия расширила свою территорию, включив Ура, Сибирь... Затем 50 лет «эволюционного освоения» результатов реформ до Петра. Начало формирования крепостничества как способа решения проблемы обеспечения потребностей государства в доходах и рабочей силе.

Реформы Петра I, вызванные стремлением догнать в военном и административном отношении ушедшую вперед Европу и отвоевать потерянные территории на Балтийском побережье, позволили укрепить положение России в Европе; но население страны сократилось при этом, по некоторым оценкам, вследствие войн и перестройки, на 25%. Затем наступает период кризиса до «бириновщины» включительно, и вновь - период усвоения: эволюционного развития в годы правления Екатерины II. В целом цикл реформ Петра и их усвоения занял, примерно, сто лет (1700 – 1800). Это время характеризовалось усилением и распространением крепостничества, отчасти, как ответ на события Великой французской революции. Радищев как провозвестник дворянского движения за «реформы снизу».

Неудавшиеся реформаторы Павел I и Александр I – (1801- 1820 гг.). Попытки подготовиться к ликвидации крепостничества и другим реформам, также навеянными событиями в Европе, но вызвавшие противодействие в дворянстве, в результате – откладывание реформ, экспансия в Европу после победы над Наполеоном.

В 1825 году - восстание декабристов, вызванное, в том числе «посещением» армией Европы и примером Великой французской революции. Антиреформы Николая I, закончившиеся поражением в Крымской войне в 1855 г.

Реформы, в итоге, отложены на 50 лет. Но это сделало их еще более настоящими.

1855 – 1865 годы. Александр II и Великая реформа – отмена крепостничества. Реформа не была жестокой, но жесткой, ибо экономическое и военное отставание от Европы усиливалось. Задача преобразований – создание основ для развития капитализма в России: освобождение крестьянства, сокращение сословных привилегий, ограничений, формирование независимого суда, либерализация внутренней политики. Их реализация, сопровождаемая волнами антиреформ и расширением движения за освобождение снизу, продолжается до 1905 г.

1905 – 1907 годы. Первая русская революция и вызванные ею реформы Николая II: переход к конституционной монархии, осуществление столыпинских реформ. Их воплощение в период до 1914 г., прерванное войной и революцией, затем Гражданской войной.

Мы видим, что период между реформами сократился со ста до 50 лет. Это объясняется тем, что по мере развития капитализма во всем мире ускоряется экономическое развитие и накопление противоречий.

1917 – 1922 годы. Революция, приведшая к реформированию системы власти и отношений собственности – к устранению монархии, всякого рода сословных и иных ограничений, к установлению «власти низов» и собственности государства на средства производства, превращению всего населения в наемных работников государства по образцу, теоретически предсказанному в Европе.

1922 – 1928 – период эволюционного освоения результатов революционных реформ.

1928 – 1965 – период жестокого реформирования управления страной и отношений собственности в сельскохозяйственном производстве, период индустриализации и коллективизации, вызванный в том числе, необходимостью ликвидации отставания от развитых стран Европы в промышленном и военном отношении. Затем война 1941 – 1945 года и период эволюционного развития, усвоения результатов реформ, накопления мощи и благосостояния при вызревании противоречий между жестким централизованным планированием и необходимостью свободной инициативы предприятий для обеспечения НТП и роста эффективности на его основе.

1965 – 1985 – попытка мягкой реформы жесткого централизованного управления экономикой для активизации экономической инициативы предприятий, отложенная ввиду ее несоответствия сложившейся экономической, административной и политической структуре. С 70-х годов наблюдается растущее отставание от Запада в эффективности и темпах НТП, компенсируемое частично за счет нефтяных и газовых денег. Одновременно – это период эволюционного развития и накопления мощи на фоне накопления и обострения противоречий.

1985 – 1999 – попытка реформ в целях устранить накопленные противоречия и догнать Запад в экономическом и социальном отношении, перешедшая в потерю управляемости и революционный слом прежней экономической, административной и политической, идеологической систем. Развал СССР. Прямое копирование западных институтов.

2000 – по настоящее время. Период эволюционного освоения результатов реформ и восстановления управляемости по типу всевластное первое лицо – одна руководящая партия – «карманный парламент». Отсутствие адекватного регулирования экономикой в национальных интересах. Накопление противоречий. Нарастает необходимость реформ, которые восстановили бы регулирование экономики в национальных интересах, поставили бы интересы большинства населения в центр социальной политики государства, превратили бы государство из авторитарного в демократическое.

Очевидно, период между реформами (имеются в виду реформы 1928 – 1938 и 1985 – 1999 годов) растянулся из – за консервативности советской системы с 50 до примерно 55 лет, хотя должен был уменьшиться, но затягивание реформ, как мы видели, привело разрушительным последствиям.

В чем причина «тряски» и является ли она уникальной в мире?

Мы видим, что действительно, Россия, по крайней мере, с 16 века переживает периодические волны реформирования, в том числе, революционного, с периодом длиной сначала 100, а затем 50 лет. Если же реформы задерживаются, то они становятся особенно тяжелыми для населения и разрушительными для экономического потенциала. В чем же причина такого волнообразного характера развития и необходимости регулярных и трудных реформ?!

Рассматривая направленность реформ, в большинстве случаев мы видим, что они вызваны стремлением догнать ушедшие вперед в каких – либо важных отношениях западные страны. Особенно отчетливо это просматривается в реформах

Петра, Сталина, предреволюционных и революционных движений. Это вынуждает обратить особое внимание на внешний фактор – наличие более развитых соседей – как на один из важнейших факторов неизбежности и спешности реформ.

Но почему реформы не могут осуществляться поэтапно, эволюционно?

Вообще говоря, видимо, периодическое реформирование внутренних отношений является необходимостью для любого государства, так как в процессе развития появляются новые формы и способы экономической деятельности, которые со временем вступают в противоречия с существующими формами и институтами, в том числе формами и институтами государственного регулирования². В результате возникает необходимость реформ. Но если реформирование призвано не коренным образом изменить систему институтов, а частично усовершенствовать их, то оно должно происходить существенно чаще, чем раз в 50 – 100 лет, и не вызывать тяжелых последствий для населения.

На Западе после периода буржуазных революций, которые также были связаны с очень тяжелыми для населения периодами, реформирование с середины – последней четверти 19 века осуществлялось в существенно более мягких формах. Причина в том, что эти революции поэтапно создали важнейшие базовые условия для эволюционного реформирования – свободу экономической деятельности и систему политической демократии. При всей известной ограниченности этих свобод, по сравнению с монархической и крепостнической системой России они позволяли различным слоям населения быстрее и эффективнее доводить свои экономические, социальные и политические потребности до властных органов и влиять на них в большей степени. Запад, таким образом, начиная с периода буржуазных революций, экономически и политически, все больше уходил вперед. В том числе, и в военном отношении. Российская же экономика систематически отставала от западной. Принимать своевременные и достаточно глубокие меры реформирования мешала неповоротливость и консервативность монархической крепостнической (после 1861 года – полукрепостнической) системы. Поэтому в какой – то момент наступал кризис, который демонстрировал всю глубину и остроту проблемы отставания. И тогда наличие сильных в экономическом и военном отношениях соседей, отнюдь не «вегетарианского» типа поведения, вынуждало принимать спешные и уже поэтому достаточно трудные решения по модернизации экономики, государственной системы, армии, системы извлечения прибавочного продукта для обеспечения потребностей государства и обороны. Их надо было принимать, несмотря на отставание в экономике и низкие доходы населения и, по сути дела, именно из – за отставания и низких доходов. Других источников, после завершения периода расширения территории на Восток, кроме усиления нажима на население, не оказывалось. Поэтому они оказывались столь трудными для населения, и одновременно неотвратимыми. Альтернативой, по мнению власти, была потеря экономической и политической самостоятельности. Поэтому ни перед какими жертвами (со стороны основных масс населения, низов) власть не останавливалась. Отсюда – тяжесть реформ, их острота и поспешность, жесткость методов.

Но ведь и сами методы и пути решения возникших проблем, а также методы реформирования, очевидно, могут закладывать основу будущего отставания.

В самом деле. Так, решения Ивана IV усилить дворянство путем уменьшения возможностей крестьян менять владельцев и его террор против потенциальной или реальной боярской оппозиции закладывали основы роста крепостничества и абсолютистского, неограниченного характера самодержавия. А это, в свою очередь, становилось источником дальнейшего экономического и политического отставания от передовых стран Европы, где возможности различных слоев населения влиять на политику власти были существенно выше.

Реформы Петра, направленные на создание государственной военной промышленности путем «приписывания к ней» крепостных, усиливали крепостничество, создавали почву для его расширения, тем самым, создавая базис будущего экономического отставания от Европы и базис для расхождения коренных интересов дворянства с интересами крестьян и промышленного развития страны. Крепостной строй ориентировал на натуральное помещичье хозяйство, на самообеспечение, препятствовал росту городского населения и спроса на промышленные товары. Потери населения вели к обеднению страны и усилению эксплуатации низов. Так европейски – ориентированные реформы Петра заложили основы будущего глубокого отставания от Европы.

Безусловно, жесткость и жестокость реформ управления экономикой Сталина, в сочетании с террором, вызванные угрозой агрессии с Запада (нападение Гитлера подтвердило реальность этой угрозы, хотя потенциально она исходила не только от Германии), заложили основы негибкой консервативной системы управления, которая с середины 60-х годов постепенно стала главной причиной отставания от развитых стран и, в конечном итоге, краха СССР.

Отдельный вопрос - революция 1917- 1922 года и ее реформы, то есть реформы Ленина. Если мы поближе рассмотрим и этот период, то и здесь мы увидим, как методы реформирования закладывают основу будущей проблемы. Ведь победа в Гражданской войне означала сведение до минимума демократии в партии, а также ее жесткую внутривластную диктатуру, максимальную централизацию власти. В этих условиях прийти к власти было легче наиболее жесткой, агрессивной, менее сдерживаемой «интеллигентской порядочностью» части руководства.

В целом, нам остается зафиксировать тот вывод, что 1) отставание от Запада и попытки преодолеть его являлись ключевым фактором Российской истории и 2) отставание вынуждало применять такие пути и методы, которые решали проблему «в краткосрочном периоде», как говорят экономисты, но в долгосрочном периоде закладывали основы очередного отставания, ибо сужали существенно экономические и политические свободы населения³. В этой «колесе» регулярных и необходимых, но частичных, поспешных реформ, которые используют некоторые черты и особенности именно российской отсталости как средство решения текущих проблем, но закладывают новые, еще более серьезные проблемы, и коренится «тряска» России.

Таким образом, глубинная причина периодических реформирований страны, осуществляемых с большими трудностями и потерями для ее населения, заключается, на наш взгляд, в длительном отставании России от наиболее развитых стран Европы – в отставании в экономическом, военном или политическом развитии.

И это отставание преодолевается такими путями и методами, которые тут же закладывают основы нового отставания. В разные периоды времени различные аспекты отставания выступают на первый план, но оно практически уже с 16 века становится одним из важнейших факторов российской истории.

Это отставание в экономическом, техническом, военном, социальном отношениях (но не в политическом) стало активно преодолеваться после революции 1917 года и завершения Гражданской войны, но с начала 70 –х годов оно снова стало нарастать, что и привело в итоге к разрушению СССР.

Что является, в свою очередь, причиной отставания России, это отдельный и достаточно сложный вопрос. По-видимому, решающую роль сыграли существенно менее благоприятные климатические условия для ведения сельского хозяйства в основной части России. В Германии, Франции, Швейцарии, Италии и даже в северных странах Европы (Великобритании, Швеции, Дании, Финляндии) количество дней со средней температурой выше 10 градусов выше, осадки являются более равномерными и умеренными, период вегетации сельскохозяйственных культур длится не с середины мая по сентябрь, как в Центральной России, а с марта по ноябрь. В результате урожайность основных культур в среднем была, как правило, в этих странах в 2-3 раза выше, а более теплый климат создавал существенно более благоприятные условия для развития молочного животноводства. Более высокая урожайность ведет к существенно, уже в 3-5 раз большей величине прибавочного продукта, создаваемого в сельском хозяйстве (под прибавочным продуктом мы здесь понимаем превышение созданного продукта над тем, что должно быть потреблено сельскохозяйственным производителем для воспроизводства на прежнем уровне, с учетом производственных потребностей). А прибавочный продукт – это материальная основа развития городов, государства, обороны, системы управления, ремесел и промышленности, науки и искусства. Видимо, определенную роль сыграло и то, что колыбелью современной европейской цивилизации явились территории Греции и Италии, часть культуры которых была воспринята странами Центральной Европы.

Отставание от центра Европы наблюдается в 16 веке, но уже сама история приглашения в Новгород и Киев варяжских князей в 9 веке говорит об определенном отставании в политическом развитии.

Расцвет Киевской Руси связан в большой степени с существованием торгового пути «из варяг в греки», то есть с ее ролью как транзитной магистрали между двумя центрами развития, Европой и Византией, (южным Средиземноморьем, Азией). После крестовых походов появляются новые пути для торговли между этими центрами, и экономическое развитие Киевской Руси замедляется, она разваливается на несколько воюющих друг с другом регионов и затем надолго попадает под власть татаро-монголов.

Таким образом, периферийное положение России по отношению к центру Европы в сочетании с климатическими факторами определило ее отставание, которое, в свою очередь, длительный период являлось одним из важнейших факторов российской истории.

Тем самым подтверждается и то, что влияние, оказываемое странами друг на друга в ходе исторического развития, является очень существенным фактором исторического развития. Но трудно априори представить, что это влияние может выражаться столь причудливым образом, порождая волны модернизации российской государственности.

¹ Валянский С., Калюжный Д. «Русские горки»: конец Российского государства. М., 2004. 557 с.

² Это, как известно, увидел и обобщил К. Маркс, рассматривая революционные смены общественно – экономических формаций.

³ Разумеется, в каждый исторический период это были свои, особенные свободы и особые слои населения, которые могли на них претендовать и их лишались.

В.Н. Шевченко

НРАВСТВЕННОЕ ГОСУДАРСТВО В ПАРАДИГМЕ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Нравственное государство как императив государственной эволюции требует некоторого разъяснения. Известно, что нравственные отношения между людьми не существуют отдельно от самых различных видов и сфер предметной деятельности человека. Поэтому, говоря о желанных чертах России как нравственного государства, необходимо сначала выяснить смысл его практического существования, тех конкретных задач, которые призвано решать российское государство и люди, живущие в нем.

К сожалению, два десятилетия интеллектуальных дискуссий о русской идее, национальной идее, о специфике российской цивилизации и т.д., так и не повлияли сколько-нибудь заметно на политические позиции постсоветской правящей элиты, на ее либеральную, а по некоторым аспектам, радикально-либеральную практическую линию. Все участники дискуссий в один голос заявляют, что высшей ценностью и главной особенностью русской ментальности и российской цивилизации в целом выступает приоритет духовных ценностей над материальными, общего блага - над индивидуальным эгоизмом, справедливости - над формальным законом, подчинение экономики - решению социальных задач. Однако сегодняшняя власть каждодневно озабочена только одним, как заставить все учреждения и организации и, прежде всего, государственные – от детских садов до моргов эффективно зарабатывать деньги. Еще недавно все жители страны искренне считали важнейшей обязанностью и долгом государства давать современное образование всему подрастающему поколению. Сегодня образование становится всего лишь услугой, за которую приходится все больше платить и, нередко, немалые деньги. Но ведь воспитательные цели образования ни в коей мере не могут быть подведены под то, что чиновники называют образовательной услугой.

Подавляющая часть дискуссий вокруг национальной, русской идеи до сих пор не вышла за рамки духовно-нравственной сферы жизни - философии, культуры, искусства. Весьма знаменательным выглядит замечание Э.Баталова, автора одной из работ, подводящей некоторые итоги обсуждения русской идеи в последние десятилетия: «Говоря о Русской идее как о мифе, я имею в виду не реальные черты и особенности России и ее народа, не реальные черты и особенности русского национального характера, а определенные, исторически сложившиеся в обществе представления об этих чертах и особенностях, которые живут собственной жизнью. ... Соответствуют или не соответствуют эти представления реальности и какова эта реальность – об этом речи в книге не идет»¹. Непреходящая острота дискуссий о национальной идее свидетельствует о том, что до сих пор эта реальность остается непонятой. Ведь спор о русской идее, это не академический спор. Это не спор о прошлом, это спор о будущем России. Но в подавляющем большинстве работ академического характера спор как раз и не идет о том, какова же эта реальность – российское общество и российская цивилизация.

Для одних авторов все эти споры о русской идее действительно остаются в прошлом. В начале перестройки возникшие неизвестно откуда радикальные либералы заговорили о возвращении тогда ещё Советского Союза в мировую цивилизацию. Новое государственное образование, Российская Федерация, вернулось в эту цивилизацию, а ее советский период отечественной истории выглядит в глазах радикальных либералов чуть ли не «черной дырой» в полном соответствии с известными оценками З.Бжезинского.

Сегодня правящая элита демонстрирует сознательный отказ от цивилизационного своеобразия России, отказ от называния ее великой цивилизацией, а страны - великой Россией. Она говорит о том, что Россия есть часть европейской цивилизации, «спит и видит» страну членом Европейского сообщества, но она не проговаривает до конца последствия такого «переименования». Если российская цивилизация свое историческое предназначение выполнила, то действительно трудно найти аргументы для обоснования претензий страны на свой особый путь. Исторические последствия его утраты весьма предсказуемы – великая цивилизация уходит в прошлое. Она рассыпается территориально, исчезает, несмотря на все рассказы о великих свершениях государства в прошлом, о выдающихся людях России. Если сегодняшняя Россия есть неотъемлемая часть европейской цивилизации, то, как нередко пишут западные журналисты, Западу далеко не безразлично, какова ситуация в России, и он несет ответственность за положение дел в стране, ее стабильность и развитие. Другими словами, речь может идти о некоем властном принуждении России следовать в фарватере западной политики, идеологии, о дальнейшей интеграции в западную глобальную систему связей, отношений и ценностей.

Политическая стратегия правящей элиты вызывает в стране процессы, подобные тем, которые начались в ходе либеральных реформ Александра II и которые обрушили российскую империю. Практическая установка на превращение страны в «нормальную», т.е., капиталистическую, буржуазную страну, прежде всего, несет в себе растущую угрозу распада страны. В конце перестройки радикально настроенные авторы утверждали, что, после отделения союзных республик, Россия

«освободит себя для драгоценного внутреннего развития». «Еще больше распряимся от давящего груза «среднеазиатского подбрюшья», - говорил А.И.Солженицын в 1990 году, предрекая скорый и неизбежный развал СССР ². Только после него свободная от национальных окраин Россия сделает фантастические успехи. Сделала? Нет, не сделала. А подбрюшье, и не только среднеазиатское, стало источником огромного числа острых и нередко кровавых проблем, решения по которым не найдены. Некоторые взрывоопасные очаги удалось лишь «подморозить».

Уход республик позволил сбросить заботу о них со стороны российского государства, но все вложенное ранее в них пропало для России, которая взамен получила свыше двадцати миллионов русских, оказавшихся в одиночестве за границей. Единство Российской Федерации также находится под угрозой, она всего лишь уменьшенная копия СССР, хотя численность русского народа составляет почти 80 процентов, но это не меняет существа и остроты этнических проблем.

Любая цивилизация в мире может развиваться и дальше, несмотря на все сложности и неблагоприятные обстоятельства, если у нее сохраняется прочное и защищенное ядро – это закон развития всех цивилизаций. Поэтому сегодня главным императивом при обсуждении любых политических стратегий должна выступать идея защиты территориальной целостности Российской Федерации, которая сегодня подвергается самым серьезным испытаниям с непредсказуемым исходом.

Решение вопроса о том, действительно ли существовал и существует особый, альтернативный путь развития России требует обращения к русской, российской истории, обнаружения онтологических основ российского государства и российской цивилизации, которые только и могут указать на глубинную детерминацию вектора исторического развития государства.

Российская цивилизация носит с самого начала ее становления (с XIV века) государствоцентричный характер. Теоретическая модель матрицы русской российской государственности (моновласть), которая сначала пространственно формирует российскую цивилизацию, а затем они во все большей мере начинают взаимно обуславливать развитие друг друга.

Историческая судьба российского государства – упорядочение пространственного хаоса

Освоение бескрайнего евразийского пространства, собирание Больших Пространств начинается Россией на исходе средних веков, продолжается на протяжении столетий в новое время, в эпоху становления капитализма на Западе и потому приобретает для неё особый смысл. Оно явилось историческим предназначением российского государства.

На протяжении столетий во внутренней Евразии царило то, что на современном языке можно назвать организационным вакуумом. Кочевники являлись смертельной угрозой для земледельческих обществ, и потому Евразия на протяжении многих столетий была организована минимум на порядок ниже, чем пространства в империях и других государствах на южных, восточных и западных окраинах евразийского континента. Отсюда постоянное стремление этих импе-

рий закрыться от Хаоса, идущего из глубин Евразии. На протяжении нескольких столетий русская (российская) власть непрерывно занималась организацией пространства, упорядочением пространственного хаоса. На пике своего могущества ареал российской цивилизации, охватившей значительную часть и внутренней Евразии, был определен границами Российской империи и затем СССР. И. Ильин писал: «Россия, повторяем, целый мир, космос, - не только космос, но и хаос, она – хаокосмос, тайна, недоступная логическому «эвклидову» уму»³.

Столетия Ордынского ига были для славянских народов временем глубокого национального унижения. Зло от монголо-татаро ига было огромным. Вот как описывает его, к примеру, В.Г.Белинский, может быть, с некоторым преувеличением: «Затворничество женщин, рабство в понятиях и чувствах, кнут, привычка зарывать в землю деньги и ходить в лохмотьях, боясь обнаружиться богачом, лихоимство в деле правосудия, азиатизм в образе жизни, лень ума, невежество, презрение к себе, - словом, все, что искоренял Петр Великий, что было в России прямо противоположно европеизму – все это было не наше родное, но привитое к нам татарами. Самая нетерпимость русских к иностранцам вообще была следствием татарского ига, а совсем не религиозного фанатизма»⁴.

Когда власть Орды кончилась, появляется естественное стремление обезопасить страну, прежде всего, от угроз кочевников Евразии. «Русская власть есть русский православный ответ на евразийский степной вызов, его укрощение, интериоризация посредством создания принципиально новой, революционной по сути формы власти»⁵. Русская власть устремляется в бескрайнее евразийское пространство и в освоении, укрощении его находит подтверждение своей легитимности, которая и становится в дальнейшем решающим условием выполнения ею своей исторической задачи. Достижение безопасности становится не просто военно-политической задачей, а внутренним стержнем национальной идеи, основанием нравственных начал государства и общества и по сегодняшний день. С тех пор угроза военного нападения и готовность к отпору противника становится константой цивилизации, она неизменно присутствует в повседневном сознании миллионов людей на протяжении столетий.

Учение о Третьем Риме, выраженное старцем Филофеем, «было внушено ему заботою о духовном состоянии русского народа и носило скорее эсхатологический, чем империалистический характер»⁶. Идея Третьего Рима выражает идею защиты страны, её безопасности в условиях постоянного внешнего давления, а вовсе не является неким извращенным европеизмом старца Филофея, он далеко не «маргинал, желающий быть центром Европы», как полагает В.К. Кантор⁷. Более того, «без гарантий, даваемых Россией, пространство Евразии ментально превращается в войну всех против всех. Россия по-своему осуществила римскую идею единого пространства и единых прав человека в Евразии. Эти права были несравненно суженными по сравнению с европейскими, но это были, бесспорно, единые права»⁸.

В XIX веке многие европейские мыслители были убеждены в том, что русские не входят в состав исторических народов, о чем, в частности, писал Гегель в «Философии истории», разделив все народы на исторические и неисторические. Универсалистские претензии западной мысли делали тогда излишним изучение

глубокого своеобразия истории незападных народов, и на первое место выдвигалась их оценка как отсталых народов по сравнению с цивилизованными народами буржуазной Европы.

В спорах о природе русской (российской) цивилизации недостаточно внимания уделяется вопросу о роли государства, а между тем оно выступает императивным условием ее существования и тем более развития. Русская цивилизация возникала как государствоцентричная цивилизация. Как бы мы ее не называли впоследствии (российская, советская, евразийская), на ней лежала важнейшая функция – сохранение организованного пространства, внесение порядка в пространственный хаос. Становление евразийского мира, как замирение враждебных столкновений и угроз, проходило при определяющей роли российского государства, в этом и заключается его историческое призвание, которое имело и имеет сегодня всемирно-историческое значение. Подчеркнем еще раз, русская, а затем российская цивилизация, раскинувшаяся на бескрайних евразийских пространствах, является не просто социоцентричной, она государствоцентричная цивилизация.

Здесь следует дать одно пояснение. Поскольку речь идет о нормативной модели российской власти, то, следовательно, имеет смысл говорить в норме о единоличной, в прошлом самодержавной власти. Русское самовластье есть произвол самодержавной власти, которая постоянно срывается в произвол, этот произвол становится исторически проявленным и значимым и потому нередко он также принимается за норму. Право самодержавия основано на правде. Там, где кончается правда и начинается неправда, там кончается право и начинается самовластье. Правда есть духовно-этическая категория и тогда, если иметь в виду царскую и императорскую Россию, вся надежда на ограничение самовластья могла еще связываться с деятельностью церкви. Но с того момента, когда церковь полностью становится при Петре I государственным учреждением, значительных сил, способных сдерживать самодержавную власть от произвола, нет. Решение вопроса о том, пойдет ли страна в «правильном» направлении или нет, зависит теперь только от мудрости правителя. Самовластие становится постоянной формой проявления русской моновласти (самодержавия), хотя дальнейшее развитие страны вновь порождает социальные силы, противостоящие самовластию. Этими силами становятся бюрократия, а впоследствии интеллигенция, как заместитель института гражданского общества в отсутствие последнего.

Апелляция к традициям здесь мало что проясняет, поскольку самовластье отвергает традиционные механизмы регуляции власти. В этом – важное отличие природы русской власти от власти в других цивилизаций, например, в китайской, когда правитель с давних времен, о чем пишет уже Конфуций, ограничен в своих действиях сложившимися задолго до него ритуалом и традицией. «Когда правитель любит ритуал, ему легко повелевать народом»⁹.

Такова сущность русской власти, которая начинает определять на долгие столетия всю жизнь государства, его властно-управленческого аппарата, специфику поведения мыслящей части общества, проникает в культуру русской (российской) цивилизации. Автор далек от всякой апологетики самодержавия, а тем более самовластья, которого столько было и есть в отечественной истории. Но нужно понимать, что преодоление самодержавного устройства государства требует ко-

ренного изменения его экономического базиса, не говоря уже о преодолении негативного влияния внешних факторов, которые не только постоянно блокируют тенденции ограничения самодержавия, но и порождают объективные потребности в его сохранении и даже усилении.

Продвижение русских на восток и появление царской (имперской) власти на осваиваемых территориях приводило к огромным переменам в жизни евразийских народов. Как писал А. Тойнби, ответ России на вызов истории со стороны хана Батыя был таков, что он впервые за всю историю цивилизаций позволил оседлому обществу не просто выстоять в борьбе против евразийских кочевников, но и «достичь действительной победы, завоевав номадические земли, изменив лицо ландшафта и преобразовав, в конце концов, кочевые пастбища в крестьянские поля, а стойбища – в оседлые деревни»¹⁰.

Эта борьба за пространство имела свою оборотную сторону, мимо которой также нельзя пройти мимо. «Жизнь удаленными друг от друга, уединенными деревнями при недостатке общения, – отмечал В.О. Ключевский, – естественно, не могла приучить великоросса действовать большими союзами, дружными массами... То была молчаливая черная работа над внешней природой, над лесом или диким полем, а не над собой и обществом, не над своими чувствами и отношением к людям»¹¹.

Географ М.К. Любавский, ученик и последователь В.О. Ключевского, был еще более суров в своих оценках: «Расселение надолго обрекло русский народ на примитивное промысловое земледельческое хозяйство, надолго лишило его живого и тесного общения на почве хозяйственного и культурного обмена, надолго парализовало развитие русской общественности и вызвало непомерное развитие деятельности государственного центра, его энергии и власти»¹². Эти конкретные оценки, в общем-то, верны. Поэтому не следует слишком поэтизировать русское расселение на евразийских землях. Но эти оценки должны быть более четко увязаны с общим пониманием исторического предназначения российской цивилизации и российского государства.

Это его историческое предназначение не было каким-то сознательным выбором, и оно не было навязано извне, что важно иметь в виду в методологическом плане. В ходе постоянной и нередко военной борьбы государства за безопасность, за создание надежных границ, а также в ходе монастырского продвижения вглубь территорий, связанного с христианизацией нерусского населения, самопроизвольного расселения русских людей, вслед за которыми приходила и центральная власть, сложилось то, что можно назвать историческим предназначением государства и становящейся одновременно с ним российской цивилизации. Это предназначение сложилось исторически, в силу объективных причин, а не было «коварным» замыслом ненасытной верховной власти, стремившейся любой ценой к новым территориальным приобретениям. По этой причине нельзя утверждать, что все это время Россия только и делала, что наносила себе непоправимый вред своими территориальными приобретениями. Среди историков последних десятилетий Ю.Н. Афанасьев однозначно и весьма негативно оценил русскую власть, что дало ему основания всю российскую историю описать в предельно мрачных тонах. (К примеру, XX век – чума для России: «Про русскую власть можно с полным осно-

ванием сказать, что она в своем роде уникальна и её вполне можно величать с заглавной буквы... Она и демиург, и душитель. Величая и никчемная¹³).

Так складывалась отечественная история, история других цивилизаций на евразийском континенте. Кстати, на этом фоне резким контрастом выделяется американская цивилизация, идеологи которой предпочитают замалчивать массовое сознательное и рациональное истребление индейцев в XIX веке, превышающее по численности минимум миллион человек. У каждой цивилизации свой путь и свои исторические задачи, которые никогда не могут быть решены окончательно. Такой, в общих чертах может быть представлена парадигма изложения и оценки исторического пути российской цивилизации.

Вместе с тем государствоцентричный характер российской цивилизации, придает всей системе организованного властью евразийского пространства достаточное неустойчивый характер. Самодержавная власть способна удерживать пространство только при наличии мощной политической воли. Ее ослабление обычно связано с исчерпанием эффективности одних механизмов освоения пространства, а длительность поисков в процессе перехода к другой, более высокой степени освоения пространства порождала восстания и смуты, отпадение отдельных территорий государства, угрожала саморазрушением всех властных структур, направленных на удержание пространственного хаоса.

Власть можно рассматривать как структурную связность пространства. Его удержание, об этом можно говорить со всей определенностью, и становится смыслом бытия российской власти в её цивилизационном историческом времени.

Русская, российская, советская (коммунистическая) субстанция есть связанное властью пространство, по поводу которой и складываются властные, собственные и все остальные социальные отношения. Это и есть главное богатство государства, вместе со всеми природными богатствами, находящимися на его территории. Русская власть как моновласть, (царь самодержавие, генеральный секретарь, президент) оказывается единственной формой организации, адекватной бескрайнему евразийскому пространству.

Происхождение и укрепление самодержавной власти (а, стало быть, и самовластья), таким образом, связано с непреходящими особенностями русской хозяйственной жизни, которые и сегодня также не утратили своего значения. Тип экономики, вполне сложившийся в России - это раздаточная экономика. Эта экономика как «раздаток» (термин энергично отстаивает известный ученый О.Э.Бессонова¹⁴ или как редистрибутивная экономика (термин, введенный англо-американским ученым К. Поланьи в его ставшей классической работе «Великая трансформация»¹⁵, типологически отличается от рыночной экономики.

В современной общественной мысли считается общепризнанным наличие двух мировых типов экономик, принципиально не сводимых друг к другу. Так, С.Г. Кирдина, один из самых известных авторов по теории российских институциональных матриц, в работе «X- и Y-экономики. Институциональный анализ» убедительно показала, что многовековое взаимодействие этих двух типов экономик не привело к их конвергенции¹⁶. Сегодня общепринято говорить о двух типологически различных системах институциональных матриц.

Одна – западная модель, которая включает рыночную экономику, демократическую (федеративную) республику, приоритеты индивидуальных ценностей над коллективными, материальных над духовными и т.д.

Другая - незападная (восточная) модель включает в себя раздаточную экономику, матрицу политической системы в виде унитарно-централизованного государства и духовно-нравственную матрицу, которая утверждает приоритет коллективных ценностей: общего - блага над личным, духовного - над материальным, справедливости - над формальным законом и т.д. Для раздаточной экономики характерна совокупность сдач (повинности, налоги, службы) в сочетании с определенной политикой раздач общественного «пирога». Превращение большей части, а иногда и всего общественного богатства в общегосударственную собственность диктовалось потребностями устойчивого существования социального организма, будь это московское царство, петровская империя, советское государство. Чем больше расширялось географическое пространство, тем все более общий, т.е. коммунальный, характер приобретала материально-технологическая среда раздаточной экономики.

Власть вынуждена принимать во внимание скудость материальных ресурсов, низкие урожаи и в связи с этим жестко ограничивать запросы наиболее богатой, привилегированной верхушки, обеспечивать средства к существованию среднему и низшему служилому люду, не допускать массового разорения крестьянства и других беднейших слоев населения. Ограничение appetитов «олигархов» во все времена было также и требованием к власти, идущим снизу. В этом состояло и состоит одно из главных проявлений социальной справедливости в России. Опасность для России всегда состояла в олигархизации власти, когда высшая власть уступает натиску верхушки богатых слоев. Крупный собственник, тем более олигарх, есть всегда угроза для русской власти, поскольку вся система раздаточной экономики накладывает жесткие ограничения на произвол и безграничное стремление олигархов к обогащению.

Эта особенность российской хозяйственной жизни, когда собственность и власть оказываются неразрывно связанными, сохраняется на протяжении столетий. Она проявляла себя в пореформенной России, в годы нэпа, в последние два десятилетия. Собственно поэтому примат власти над собственностью, другими словами, службы над собственностью, так или иначе, ставит под вопрос принцип: «частная собственность священна и неприкосновенна». Для России частная собственность в прошлом всегда оказывалась под контролем государства и приобретала реальную функцию в обществе именно как условно-частная, в конечном счете, как служебная собственность.

Эти и другие особенности хозяйственной жизни помогают лучше понять источники российской коррупции, причины социальных потрясений в стране. Источники коррупционной активности находятся в кругах олигархии, сверхбогатых собственников. Коррупционные предложения направлены в адрес бюрократии, поскольку от ее позиции зависят масштабы дальнейшего обогащения олигархов. Чем больше прогибается верховная власть и бюрократия, подкупленная олигархами, тем менее эффективно работает раздаточная экономика, которая явно или скрыто становится добычей олигархов. Господство олигархов ведет к росту моно-

полий, произвольному повышению цен, что приводит к росту бедности и нищеты и вызывает массовое недовольство и социальные протесты.

Впрочем, верховная власть хорошо усвоила, что содержание народа в бедности является эффективным средством управления поведением и сознанием людей, удержания их от активного участия в политике, но это средство всегда опасно массовыми выступлениями людей, доведенных до отчаяния своим нищенским существованием.

Раздаточная, нерыночная экономика как принцип организации народного хозяйства выступает средством решения государственно-значимых и, прежде всего, социальных проблем на структурированном властью пространстве. Она не может быть «заточена», прежде всего, на получение прибыли. Исторически, существует огромное различие в организации пространства между Россией и государствами Западной Европы. Уникальность Запада состоит в том, что он может быть назван цивилизацией времени в отличие от цивилизаций Востока, которые, как цивилизации незападного типа, могут быть названы цивилизациями пространства, что остается верным и эпоху постиндустриализма. Субстанция, онтология европейского капиталистического общества есть накопленный труд, есть овеществленное, спрессованное время¹⁷.

Для западной модели развития накопление социального времени в виде овеществленного труда есть способ его существования. Запад – это интенсивная система накопления времени с момента появления капитализма, господства времени над пространством. Накопленное время конвертируется в деньги. Время есть деньги, есть капитал – такова первая заповедь капитализма. И в этом смысле деньги есть экономическая субстанция капитализма.

Власть оказывается функцией капитала и потому здесь складывается своя матрица государства, которая, так или иначе, проявляет себя во всех странах Центра мировой капиталистической системы. Россия никогда не могла производить так много продуктов овеществленного труда, их производство подчинено борьбе с пространственным хаосом, овладению пространством, которое становится главнейшим богатством государства. Таким представляется принципиальное отличие между институциональными матрицами европейских государств нового времени и российским высокоцентрализованным государством.

В результате распада СССР угроза хаоса возродилась и появилась она вновь в глубинах Евразии. Ситуация в республиках теперь Центральной (ранее Средней) Азии не отличается стратегической стабильностью, а некоторые из республик относят нередко к категории несостоявшихся государств. Сегодня правящая элита государства полагает, что сможет удержать огромную евразийскую территорию с помощью рынка, и потому оно уходит от регулирования, а тем более от любых способов планирования общественного развития. Все это ведет к деградации промышленности, науки, экономики особенно в регионах, к нищете и к бегству из них населения, которое называется не беженцами, а, выражаясь по-научному, мигрантами, и, соответственно, к росту сепаратистских настроений и самых необычных форм национализма.

Сепаратистские настроения в РФ подогреваются, прежде всего, действиями самого государства. Если в Москве правящая элита рассматривает регионы как

дойные коровы Центра, тогда неизбежен сепаратизм. Предприятия сырьевого профиля платят налоги не по месту добычи топлива, а по месту регистрации. Как свидетельствуют опросы, 87 процентов жителей Сибири на вопрос, «хотите ли вы великого Российского государства, мощной империи?» - ответили «да». И, вместе с тем, почти столько же процентов жителей Сибири (80%) на вопрос «Хотите ли вы отделиться от Москвы?», также ответили положительно¹⁸. Фундаментальное для жизни российской цивилизации противоречие между центром и регионами сложилось и существует, и оно имеет тенденцию к обострению.

Матрица российского государства ранее была однозначно завязана на удерживание огромного географического пространства, и это удержание с помощью хозяйственного связывания регионов на основе раздаточной экономики составляло глубинную опору русского, российского государства. Сегодня почти все, что составляет материально-технологическую основу российского общества, которая по своей природе носит коммунальный (общий) характер и подлежит совместному использованию, добровольно отдано высшей властью государства в руки крупных монополистов-олигархов. Власть теперь тщетно пытается понизить разные виды тарифов естественных монополий, призывает олигархов к совести, к социальной ответственности, но без заметных успехов. В частности, стоимость транспортных услуг такова, что подавляющая часть населения не в состоянии регулярно пользоваться междугородним транспортом, особенно авиационным, И по этой причине также идет обрушение социальной ткани российского общества, разнообразных механизмов удержания пространства, особенно к востоку от Урала.

Фактический отказ правящей элиты от исторического предназначения российской цивилизации ставит под вопрос правомерность ее дальнейшего существования, оправдывает неизбежность ее распада, поскольку вхождение в европейскую цивилизацию возможно только по отдельным частям нынешнего российского государства.

Как возможен свой, цивилизационный путь? Какие должны быть выполнены условия? Прежде всего, историческая миссия и историческое предназначение российской цивилизации не закончены. Российская цивилизация - исторически незавершенный общественный Проект, она несет в себе такую модель устройства общества, в том числе соотношения духовных и материальных интересов и стимулов к труду, которая, в случае успешной реализации, будет выглядеть привлекательной как для своего народа, так и для других народов и цивилизаций. И мы в это верим, в свой цивилизационный миф. Ведь так устроена каждая цивилизация, иначе она не может существовать.

Наличие средств сообщения и связи — условие существования власти, передачи политико-управленческой информации, работы почты, передвижения армии и людей, торговли. Если нет регулярного сообщения и связи в стране, тогда власть на ее территории реализуется в форме набегов. Развитие средств сообщения и связи всегда происходило и сегодня происходит во взаимодействии друг с другом.

Конечно, у России всегда были проблемы со связыванием географического пространства в единое целое. Переход к качественно новому уровню связности российского пространства позволит говорить и о качественно новом этапе в мно-

говековой истории российской цивилизации, о ее принципиально новых чертах в XXI веке.

Российская цивилизация - это цивилизация суши в отличие от евроатлантической цивилизации, которая является цивилизацией моря. В последней во время становления раннего капиталистического общества скорость перевоза людей товаров и информации была более высокой, нежели в континентальных странах, особенно в России. Понятно, что море имеет весьма малое транспортное сопротивление. Наоборот, на суше транспортное сопротивление очень велико и потому, в отличие от морского транспорта, стоимость перевозки товаров была гораздо более высокой. Это давало западноевропейским странам большие преимущества и немало способствовало их ускоренному развитию. Но сегодня во многом складывается обратная ситуация.

Изменение на порядок связности российского пространства – это и есть цель и конкретная задача коммуникационной революции. Односторонняя интерпретация коммуникационной революции, только как информационной революции, негативно сказывается на состоянии и целостном развитии российского социума, ведет к чрезмерной виртуализации социальных отношений в ущерб реально функционирующему социуму. Коммуникационная революция состоит, по крайней мере, из двух относительно самостоятельных революционных преобразований: революции в сфере информации и революции в сфере транспорта.

Состояние транспортной системы есть показатель реального уровня связности пространства. Сохранение существующего состояния транспорта выступает препятствием для модернизации как экономики, так и всей общественной сферы, прежде всего, политической сферы. Развитие регионов страны при отсутствии надежной массовой связи как между регионами, так и с центром, ведет к ослаблению государства, а в обозримом будущем, возможно, - и к распаду государства. Условием создания в стране качественно нового социума в XXI веке может стать новый тип транспортной сети, связывающий воедино всю территорию страны.

Речь идет о новом революционном преобразовании средств сообщения и связи: о новом транспортном коридоре, о современных технологиях передачи информационных потоков и об экономике, составляющей с транспортом одно целое, а также о новых принципах управления страной, связанных с созданием электронного правительства на всех уровнях властной иерархии.

Технологический аспект модернизации сам по себе чрезвычайно важен, на нем делается особый упор сегодня в программе отечественной модернизации. Но в ней практически оставлен без внимания вопрос о качестве российского социума. Всесилие сегодняшней бюрократии и весьма слабое развитие институтов гражданского общества делают реализацию стратегической цели - всесторонней модернизации общества весьма проблематичной.

Транспорт всегда был частью, «службой» экономики, но, к сожалению, сегодняшнее его состояние стало мощным тормозом на пути ее развития, пока он диктует свои условия экономике, чем наоборот. Новый этап освоения российского пространства должен приобрести черты интенсивного его освоения, что возможно только при создании современной транспортной системы. Ее назначение состоит в том, чтобы создать на территории страны основу не только для современной инно-

вационной экономики, но и современной социальной инфраструктуры, что позволит преодолеть наиболее опасные диспропорции и общую неразвитость социума.

Такую концепцию разрабатывают ученые и практики в нашей стране. Она представляет собой высокоскоростную транспортную магистраль от Балтийского моря до Тихого океана. Предполагается, что вокруг этой магистрали будут создаваться новые современные заводы, научные институты, города и агропромышленные комплексы. Будет создаваться полицентричный мир, но главное, будет создаваться новая социальная организация российского пространства. Представляется чрезвычайно важной работа, которую проводит Центр проектного анализа по изучению политических аспектов развития отечественного транспорта. Я имею в виду, прежде всего, работы В.И.Якунина¹⁹. Но необходимо пойти дальше.

Свершение такой коммуникационной революции требует мощного философского обоснования. Речь идет о новой философии российского государства. Государство становится важнейшим субъектом по практическому воплощению проекта интенсивного освоения географического пространства страны. В этом случае получает наглядное подтверждение важнейшая особенность российской цивилизации, утверждающая приоритет ее духовно-нравственных, стратегических ценностей и целей над утилитарно-прагматическими, не выходящими за рамки сугубо коммерческих целей и ориентаций.

Новая философия государства – это всестороннее осмысление нового коммуникационного освоения территории, как информационного, так и транспортного. В конечном итоге, – это путь к новому социуму и к новому человеку. На протяжении веков существовало стойкое противоречие между высокими нравственными ценностями и целями, носителями которой выступает культура, и неразвитой бедной социальной средой. Впервые появится возможность преодоления этого противоречия.

Особенности исторического призвания России, российской цивилизации и определяют специфику практического становления российского государства как нравственного государства.

¹ Баталов Э. Русская идея и американская мечта. М., 2009. С.9.

² Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? М., 1990. С.12.

³ Ильин И.А.Эссе о культуре. СПб, 1997. С.60.

⁴ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. т.5. М., 1954. С.129.

⁵ Фурсов А.И. Русская власть, история Евразии и мировая система (социальная философия русской власти) // Научный эксперт. 2008 . Вып. 3 (12). С.10-57.

⁶ Степун Ф.А. Избранные труды. М., 2010. С.531.

⁷ Кантор В.К. Русская классика или Бытие империи. М., 2005. С.75.

⁸ Панарин А.С. Россия в цивилизационном процессе (между атлантизмом и евразийством). М., 1998. С.64.

⁹ Конфуций. Уроки мудрости. М., 1999. С.96.

¹⁰ Тойнби А.Дж. Постигание истории. М., 1991. С.140.

¹¹ Ключевский В.С. Соч., М., 1956. Т.2. С. 314.

¹² Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб, 2000 (первое издание - М., 1909). С.154.

¹³ Афанасьев Ю.Н. Опасная Россия. Традиции самовластья сегодня. М., 2000. С.78. И ещё одна цитата: «Объединение, а, точнее, завоевание Руси Москвой было условием и средством выживания огромного московского военно-служилого люда. Эта масса алчущих разлилась по Руси, густо замешав на крови генезис московской власти – а это и есть русская власть» (там же).

¹⁴ Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России: эволюция через трансформации. М., 2006.

¹⁵ Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб, 2002.

¹⁶ Кирдина С.Г. «X- и Y-экономики. Институциональный анализ». М., 2004.

¹⁷ См. подробнее: Фурсов А.И. Колокола истории. М., 1996. С.83-88.

¹⁸ Дугин А.Г. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. М., 2007. С.161.

¹⁹ Якунин В.И. Формирование геостратегий России: транспортная составляющая. М., 2005; его же: Политология транспорта: политическое измерение транспортного развития. М., 2006.

В.А. Сахаров

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РЕШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В РОССИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

Проблема «Россия: средоточие народов и перекресток цивилизаций», если рассматривать ее как актуальную политическую проблему, требующую решения, не может быть ни правильно понята, ни решена без учета богатого исторического опыта, накопленного в сфере регулирования политическими средствами социальных и национальных проблем.

Российская Федерация, как многонациональное государство сложилось исторически и прошла разные этапы решения национального вопроса. В рамках Московского царства и Российской империи (примерно, до конца XIX в.) проблема решалась на базе «имперских» мышления (идеологии) и политики: все равны как подданные царя («живого» бога) / императора. Вопросы межэтнических отношений не приобретали характера общероссийской проблемы поскольку межнациональные конфликты в это время возникали спорадически и носили региональный, местный характер. Соответственно, отношения между ее народами и этносами рассматривались и решались не в качестве проблемы межнациональных отношений, а как вопросы текущей политики.

Положение начало меняться со второй половины XIX в., по мере развития новых, капиталистических социально-экономических отношений. Имперская идея, прежде индифферентная в отношении межнациональных различий, трансформировалась в националистическую, провоцируя обострение национальной розни там. Стремительно нарастающие националистические настроения, в т.ч. и антирусские,

и набирающие силу националистические движения, стали одной из причин развала Российской империи в 1917 г.

В СССР национальный вопрос решался на основе интернационализма, базой которого выступала общественная собственность на средства производства и борьба за социалистическое преобразование общества в интересах трудящихся.

Позиция властей РФ в области регулирования межнациональных отношений может быть достаточно точно выражена известным оборотом речи: «само рассосется». Решение национального вопроса ищут с помощью космополитизма, предполагающего (и пропагандирующего) торжество не только этнической индифферентности, но и межсоциального компромисса, допускающего противостояние и борьбу только в областях экономической и политической, но не национальной и социальной.

Космополитизм служит делу расширения сферы господства и влияния капитала, поэтому стремится предотвратить столкновения в среде рабсилы на национальной почве, чреватые дестабилизацией буржуазного общества. Как образ мыслей и действий, он предполагает отказ от национальных традиций и культуры, патриотизма, их растворения в «мировой» культуре и т.н. «общечеловеческих» ценностях. В этом случае в процессе жизни и труда содружество трудящихся разных наций не вырабатывается. Вместо него им предлагается мирное сожительство по нормам, навязанным буржуазией, преследующей свои классовые интересы. Все это ведет к подчинению людей и народов интересам интернационального по составу господствующего класса современного мира и затрудняет организацию борьбы в защиту своих социальных и национальных интересов. Космополитизм оказывается, по сути дела, вариацией на тему социального шовинизма сформировавшегося интернационального класса господ, противостоящего всей остальной массе человечества, национальная принадлежность, специфические национальные ценности и интересы которых для них не имеют абсолютно никакого значения.

Космополитизм может обеспечить смягчение межнациональных отношений и становление межсоциального партнерства. Но лишь в условиях динамического развития капиталистической системы. Однако глобализация не отменяет социально-экономических кризисов, наоборот, делает их все более масштабными, всеохватывающими и подготавливает исчерпание возможностей для их преодоления. Попытка снять проблему формально-бюрократически: переведа ее из разряда социальной в разряд правовой, означает игнорирование национального вопроса, как такового, поскольку в нем неразрывно переплетаются этнические, культурные и социальные проблемы. Поэтому думать, что космополитизм поможет российской власти решить национальный вопрос, не приходится.

В области международных отношений космополитизм не только не исключает войн между народами, но и активно использует их, стравливая народы, сталкивая их в войнах и извлекая для себя пользу из них. Именно воинствующие космополиты развязали две мировые войны.

Неизбежным следствием развертывающегося кризиса капитализма должен стать рост протестных настроений и движений, прежде всего тех, которые в той или иной комбинации выдвигают на первый план социальный и национальный во-

прос. В этом случае речь, прежде всего, должна идти о фашизме и коммунизме, как наиболее радикальных протестных движениях.

Отдельно взятая и изолированно реализуемая т.н. «национальная политика» не даст ожидаемого эффекта. Национальный вопрос может быть разрешен только в комплексе с вопросом социально-экономического существования основной массы всех этносов, народов и наций в интересах абсолютного большинства их в формах гарантирующих от возврата к капитализму. Наиболее эффективный способ его решения связан с радикальным преобразованием существующего ныне общества на принципах социализма, а, значит, и с интернационализмом.

Опыт истории показывает, что нельзя интернационализм трактовать как политику, реализуемую вне каких бы то ни было условий и границ. В процессе развития под воздействием природных, социально-экономических и политических факторов у народов формируется разный опыт организации труда и жизни, который может затруднять или облегчать включение их в процесс социалистического переустройства общества, принятие ими принципов и норм интернационализма. Стимулом преодоления существующих препятствий и предубеждений выступает общность социального интереса, заключающегося в стремлении изменить условия своей жизни.

Вывод: решение национального вопроса возможно только на основании достижения диалектического (следовательно, неантагонистического) сочетания национальных и социальных интересов внутри каждого государственно организованного общества при обеспечении соответствующих гарантий со стороны политической организации (политической системы) его. Такое сочетание в нынешних условиях объективно идущей глобализации обеспечивает только интернационализм, развивающийся и крепнущий в процессе переустройства современного общества в интересах всего трудящегося и эксплуатируемого народа его же силами и трудом.

Судя по тем процессам, которые набирают силу в современных обществах, в социально-экономическом, материально-техническом и культурном отношениях наиболее подготовленных к социалистическим преобразованиям, в т.ч. и в России, есть основания дать утвердительный ответ на вопрос о перспективе такого развития событий. В развертывающемся потенциально антикапиталистическом движении участвуют и взаимодействуют представители разных этносов, народов, рас. Оно интернационально по факту. На пути этих движений стоит много трудностей... Но, как известно, дорогу осилит идущий!

М.А.Несин

ИСТОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ НОВГОРОДА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ОБЩИХ И ЧАСТНЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ПРОЦЕССА ГРАДООБРАЗОВАНИЯ

Новгород возник на крупных международных торговых путях на северо-западе восточнославянского мира, на берегах р. Волхов в 6 км. от истока из озера Ильмень. В древнейшем русском летописании он предстает одним из древнейших городов Руси, еще в IX в. сыгравшим ключевую роль в образовании древнерусского государства с княжеской династией Рюриковичей. Но археологическими иссле-

дованиями было установлено, что он на современном месте возник лишь к середине X в., что совпало с погостной реформой киевской княгини Ольги, создававшей на далеком северо-западе новые опорные пункты для княжеской власти. Другое дело, что наличие оживленных торговых путей вело к тому, что в районе Ильменя и верховьев Волхова со второй половины I тысячелетия н. э. стало образовываться много словенских поселений. Но при этом развивались они по своим внутренним законам. И процесс градообразования в регионе начался в IX в., как и в иных восточнославянских областях.

В этой связи интересно, относительно каких, современных ему городов, Новгород является новым городом. Согласно В. Л. Янину, на месте Новгорода еще в IX в. были три разноэтничных посёлка словен, неревы и кривичей, со временем объединившихся в единый город. Но, как указал В. Ф. Андреев, археологическими данными эта теория не подтверждается. (Сам В. Л. Янин не находит на месте города никаких следов людских поселений до X в. - М. Н.) Согласно мнению Е. Н. Носова, предшественником Новгорода было поселение на Городище. Но оно возникло в середине IX в. не как город, а как княжеское подворье пришедших династов (главенство этой его функции признает даже Е. Н. Носов, стремящийся показать его типичным торгово-ремесленным «протогородом»). Природная теснота участка, на котором Городище возникло, изначально исключала необходимый для города территориальный рост. Наличие на нем своего ремесленного хозяйства объяснимо его экстерриториальностью, вписывающуюся, как отмечал М. Х. Алешковский, и в восточнославянский уклад. Недаром, резиденция на Городище, не в пример окрестным словенским центрам, непрерывно сохраняла свое значение до XI в., когда рядом уже утвердился Новгород. Дальнейшее вековое затишье было сопряжено с четким укоренением в Новгороде княжения киевских наместников, когда Ярослав Мудрый перевел двор ближе к городу, на место Дворища, бывшее тогда вне городского массива. Но к концу XI в., с ростом города, главной резиденцией вновь стало Городище. К тому же в IX в., помимо древнего городка на Маяте, в Приильменье возникали иные словенские города, типа Холопнего городка. Возможно, соперничество между этими весьма близко расположенными центрами и сыграло роль в вокняжении пришедших династов.

Любопытно, что, согласно новгородской версии, перед приходом варяжского князя Рюрика произошла уособица между городами. А города в ту пору в Приильменье были лишь у словен, имевших, как свидетельствуют летописи, наряду с кривичами и финно-угорским племенем чудь, свою особую волюсть. Поэтому, упоминание в летописном сказании о соучастии призвание варягов финно-угров, а также кривичей могло носить идеологический характер. Живший два столетия спустя составитель древнейшего новгородского и Остромирова свода, при котором псковские кривичи и чудь уже подчинялись Новгороду, стремился подчеркнуть, что эти общности не возражали против вокняжения на северо-западе династии Рюриковичей.

По преданию, варяжский «находник» Рюрик, иначе говоря, пришелец, явился на Северо-запад с двумя братьями, Синеусом и Трувором, и вначале вместе с ними, а после их смерти - единолично управлял большой территорией: от кривичского Изборска до финно-угорских белозерских земель и даже большей, потому, что

раздавал он своим дружинникам Ростов с Полоцком. А Полоцк новгородцы завоевали уже в конце X в. под предводительством князя Владимира, истребив тамошнюю княжескую династию. Поэтому новгородский летописец хотел подчеркнуть изначальные права Новгорода на него. Что касается придания о братьях Синеусе и Труворе, то вероятно, здесь были просто задействованы искаженные германоязычные понятия «sine hus» и «*thru varing*» - «со своей семьей» и «двором».

Интересна и теория Е. А. Рыдзевской, отмечавшей сходство русского летописного предания о трех братьях с аналогичными европейскими преданиями, в которых родоначальником княжеской династии тоже выступал князь с двумя братьями (другой вопрос, являлось ли это результатом заимствования европейских мотивов; но, возможно, мы сталкиваемся здесь с явлением, характерным и для истории других народов). Не исключено, что обе версии о происхождении легенды о братьях Рюрика не противоречат истине и дополняют друг друга. Но если участие финно-угров и кривичей в призвании варягов, а также приход Рюрика и его братьев и управление Рюриком большой территорией, являются мифами, то вокняжение пришлых династов в Приильменье более достоверно.

Как раз в это время, около середины IX века формируется княжеская резиденция на Городище с предметами балтского и скандинавского происхождения. Не исключено, что прав Е. Н. Носов, когда пишет, что Рюрик пришел в Новгород и утвердился в нем в качестве фактического захватчика, кроме того, рассчитывал на возможную борьбу с иными варяжскими отрядами, которые активно участвовали на этих путях в транзитной торговле и стремились поставить их под свой контроль. Поэтому он основал свою резиденцию у истока Волхова, чтобы контролировать Волхов, Мсту и Ильмень, где проходили основные торговые водные магистрали. Но в скором времени преемник Рюрика, князь Олег, ушел в Киев, от которого лежал прямой путь до богатой Византийской Империи. Северо-запад попадает от Киева в данническую зависимость. В середине X в. киевская княгиня Ольга с целью упрочнения своего влияния создает на месте старых центров новые опорные пункты киевской княжеской власти — так называемые погосты.

В качестве нового центра Приильмения возникает новый город, Новгород. В этой связи, весьма правдоподобной кажется версия Б. А. Рыбакова, что название города означает не прямую преемственность со старым городом, а то, что этот город возник в качестве совершенно нового центра Приильмения. Основав Новгород на Волхове, Ольга сажает в него своего маленького сына Святослава Игоревича. В известном трактате Константина Порфирогенета упомянут город Немогард с сидевшим в нем Сфендославом, сыном Ингвора. Едва ли верно, вслед за А. Н. Кирпичниковым, связывать Немогард с Ладогой: она не являлась центром Северной Руси в тот период, да и стояла довольно далеко от озера Нево (как тогда называли Ладожское), а потому едва ли могла быть названа в честь последнего. В пользу этой версии свидетельствует еще и тот факт, что Порфирогенет называл города теми именами, которые они носили, а не выдуманными прозвищами. Это потом само озеро называли Ладожским в честь Ладоги, когда она стала важным городом Новгородской земли. Упоминание Порфирогенетом Немогарда, то есть Новгорода (как и в случаях с названиями прочих перечисленных Порфирогенетом русских городов, мы тут имеем дело с искажением русского названия), интересно еще с

одной стороны. Активные взаимоотношения Руси и Византии, которые вскоре привели к крещению Руси по Византийскому образцу, строились не только на военных столкновениях, но и на активной торговле. Даже для греков далекий, только что заложенный город Новгород был уже с первых лет своего существования одним из важнейших торговых центров, поставлявшим однодеревки. Именно в связи с этим - трансевропейским торговым значением - Новгород и его князь и были упомянуты Порфиrogenетом.

В Новгороде Святослав пробыл долго. Лишь в 964 г., когда ему было 22 года, летопись гордо рисует его возмужавшим и бравым воином, когда как мужали в средневековье раньше. Видимо, Ольга долго держала сына в далеком Новгороде и не спешила уступать власть в стольном Киеве, вызвав его туда только в связи с натиском печенегов. Видимо, поэтому 7 лет спустя, согласно летописи, Святослав иронично спрашивал новгородцев, да кто же к ним вообще пойдет княжить?

Новгород, как крупный город, хотел иметь собственное княжение. Два старших сына Святослава отказались. Согласился младший, Владимир, которого хороший стол на юге не ждал. И Владимир, и княживший затем в Новгороде его сын Ярослав, не считались наследниками Киевского стола; Киевский престол они получили не по праву прямого наследования, а лишь захватив его. Лишь в XI в. Новгород стал предварительной ступенью для будущих киевских князей, что повысило его статус, но и обострило противоречия между киевскими властями и новгородцами.

В XI в. новгородцы научились изгонять и призывать князей, добились изгнания посадников из своей среды, что позволило отказаться от пришлых киевских дружинников. Впрочем, киевские князья еще в X в. считали Новгород одним из важнейших древнерусских центров. Когда, еще до крещения Руси, Владимир, пытался сплотить Русь, утвердив общий единый языческий пантеон, именно Новгород стал вторым после Киевщины центром этих нововведений. Затем, уже в ходе крещения Руси при Владимире Святославовиче в Новгороде возникла одна из первых на Руси епископий.

Новгород возник на двух берегах Волхова и изначально состоял из трех разных частей: двух - на левом берегу и одной - на правом. В этой связи ведутся споры о том, с чего начинался город — с трех древнейших концов, или разделенных рекой двух половин — сторон. Происхождение новгородских концов В. Л. Янин и М. Х. Алешковский убедительно связали с древними польскими континентами, или самоуправляющимися районами городов, из которых те состояли изначально, являясь при этом единым целым. Это особенно интересно с учетом западнославянского генезиса новгородских славян. Недаром особое распространение и значение в жизни города концы получили именно на Новгородско-Псковском северо-западе, славянство которого имело западнославянский генезис. Но на стороны польские города не делились. Когда и в связи с чем появились новгородские стороны?

Думается, что обнаруженные в 1995 г. на Троицком раскопе берестяные грамоты начала XII в. говорят о синхронном делении на концы и стороны. В них упомянуты Людин «конец» и «оный пол» (Торговая сторона), состоявшая тогда лишь из одного Словенского конца. Таким образом, деления на концы и стороны не ис-

ключало друг друга. Стороны разделялись рекой, включая в себя любое число концов. Но при том уже в первые десятилетия существования Новгород считался единым городом, а жители всех его частей — «людиом Новгородским», «новгородцами».

Подобные подразделения поселений можно наблюдать и в истории других народов. Как заметил В. Я. Петрухин, американское племя виннебаго также строило свои центры на двух берегах водоема, при этом одна из половин подразделялась на две части. Разумеется, нет никакой связи между историей Новгорода и далеким племенем виннебаго. Но данная аллюзия позволяет ставить вопрос о некоторых принципиально важных явлениях, иногда проявляющихся в самых разных культурах со времен родоплеменного строя.

Другое дело, что новгородцы в первые десятилетия существования города были на более высокой стадии развития. По летописным данным, население города тогда четко делилось на влиятельных нарочитых мужей, поголовно отвечавших за общегородскую акцию, автоматически воспринимаясь как ведущая вечевая сила, и худородных плотников, само сравнение с которыми было оскорблением.

Причиной разобщенной застройки города были не только древние традиции, но и география места: отдельные сравнительно сухие пригорки среди топкой низины. Этим же объясняется и то, что поначалу город состоял из больших дворов с населением разного социального статуса, от бояр до ремесленников, которые сохранили свою структуру в веках до московского завоевания (более мелкие, частновладельческие дворы, стали понемногу появляться с XI в.). В Л. Янин интерпретирует их как боярские патронимии, принявшие уже к тому времени не родовой, а феодальный характер, так как их обитатели представляли собой разные социальные группы во главе с боярством. А Ю. Г. Алексеев считает те дворы большесемейными, игнорируя данные об их боярском характере (что не совсем верно, поскольку на части из них, помимо больших хором, нашли, кроме очередных ремесленных мастерских, боярские мечницкие цилиндры). Думаем, что в связи с вышеуказанным характером социальной структуры города, ближе к истине В. Л. Янин.

Возможно, термин «патронимия» в данном случае не вполне удачен, поскольку небоярские слои потом заводили и свои дворы, и до конца новгородской независимости участвовали в вече. Поэтому они все же не были феодально-зависимыми на этих больших дворах. Но генезис таких многосемейных дворов действительно был связан с древним родовым строем, а к первым десятилетиям существования Новгорода новгородское население уже четко распалось на разные по социальному положению группы. И боярство занимало в общественной жизни города и на этих дворах ведущую роль. Это некоторым образом напоминают идущую с родового строя систему средневековых шотландских кланов, где все население уже давно распалось на разные сословия, но когда-то восходило к общим предкам, в силу чего сохраняло территориально-политическое единство.

Естественно, как и в примере с отдаленным племенем, речь идет не о взаимопроникновении культур, а о сходных элементах социального развития общества на определенной стадии. Кроме того, как уже говорилось, в Новгороде на такой характер городского строительства влиял природный фактор. Новгородцы кучно жили на незатопаемых холмиках, ютась по несколько семей на одном дворе.

Это, видимо, и послужило главным поводом к созданию столь уникальной формы новгородского городского землевладения. Другое дело, что уже на само распределение на одном городском дворе представителей разных сословий влиял идущий с родовых времен клановый принцип.

Таким образом, был русский город Новгород, в формировании и развитии которого видную роль играл географический фактор, его местоположение на оживленных международных торговых путях. Ведь он возник как новый центр Приильменя, которое прежде было густо обжито многочисленными возникшими на этих торговых путях поселениями. Именно здесь, в районе истока Волхова, укрепился пришлый варяг-«находник» князь Рюрик, ставший основателем русской княжеской династии Рюриковичей. А взаимоотношения новгородских словен с соседними кривичами и финно-уграми нашли широкое отражение в знаменитом новгородском летописном предании о призвании варягов.

Видное положение на трансъевропейских торговых путях уже в первые годы существования превратило Новгород в значимый торговый центр, включивший и далекую Византию. Именно поэтому только что основанный Новгород, как и его князь Святослав Игоревич, удостоились особого упоминания в знаменитом трактате Константина Порфирогенета «Об управлении империей». Западнославянский генезис новгородских словен и некоторые другие черты новгородской истории позволяют ставить вопросы о ряде принципиальных явлений родового строя, проявляющихся аналогично в самых разных культурах и цивилизациях.

И.Н. Олгина

О РОССИИ КАК СРЕДОТОЧИИ НАРОДОВ И ПЕРЕКРЁСТКЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ (некоторые вопросы историографии)

Тема, которую предполагается рассмотреть на X Плехановских чтениях, очень актуальна. Процессы, происходящие в России и во всём мире, призывают нас к глубокому изучению того, что происходит в странах «старого» капитализма, в молодых государствах Азии, Африки, Латинской Америки, в арабском мире, государствах, возникших на основе бывших советских республик.

После распада Советского Союза неизбежно встаёт вопрос, было ли неизбежно его крушение и, второе, — возможно ли в той или иной форме его восстановление, ведь государства и системы государств часто возникают на уже проложенных путях и территориях.

Взаимоотношение народов и цивилизаций, борьба и преемственность культур — эта тема очень волнует современное человечество. При этом надо учитывать, что в условиях современного обмена информацией новые концепции распространяются очень быстро. При этом вспоминается и доброе, и злое, что имело место во взаимоотношениях народов, меняется соотношение сил между государствами.

Тезисы не дают возможности обрисовать даже кратко все процессы, происходившие на территории нашей страны; страны, которая достигла максимального

расширения в последний период существования Российской империи и позднее в границах СССР, когда происходило снова «собрание» страны, подгоняемое, с одной стороны, необходимостью собирания сил в связи с предстоящей (вероятной — и затем состоявшейся) войной (Великая отечественная война) и с необходимостью объединения сил для решения хозяйственных задач (построения социализма) — с другой.

История цивилизаций связана не только с прошлым, но и с будущим. Изучение исследований по истории цивилизаций даёт в этом плане очень интересный материал.

Русские историки (С.М. Соловьёв, В.О. Ключевский и другие), безусловно, обращали внимание на проблемы расселения, учитывая не только экономические, но и географические факторы.

В данной работе хочется обратиться к наследию такого историка, как Матвей Кузьмич Любавский (1860-1936) — автора фундаментального труда, в котором исследован процесс расселения русских по Восточно-Европейской равнине¹, названный «колонизацией». На создание этого труда у Любавского ушло несколько десятилетий. Помимо объёмности самой задачи определенное влияние оказал и внешний фактор: М.К. Любавский пострадал по «Академическому делу» 1929 — 1931 гг., был сослан в Башкирию, где и продолжил свою работу. Книга была подготовлена к изданию и вышла в 1996г. усилиями историков нового поколения. Ещё с дореволюционных времён термин «русская колонизация» был принят в исторической науке. Под этим термином понимали процесс расселения русских, хозяйственного освоения огромных пространств, который принимал разные формы под влиянием географических, политических и других факторов, взаимоотношений с соседними государствами.

Что имеется в виду под «колонизацией»? По статье в энциклопедии находим, что колонизация - «процесс заселения и освоения окраинных земель своей страны, а также выведения поселений или основания новых поселений на чужой территории»².

В книге Любавского много интересных наблюдений. Показывая, как создавалась русским народом собственная территория, автор отмечает, что не все области закрепились за Россией. Так, Российская Империя включила путём завоевания Прибалтийский край, т.е. Эстляндию, Лифляндию-Курляндию, в состав ее территорий вошли Закавказье, Среднеазиатские владения. Эти пространства имели достаточно своего населения и не сделались арендой сколько-нибудь значительной русской колонизации, они не стали прочным достоянием³.

Отметим также, что внимание историков привлекает тот период в истории страны, который связан с установлением режима «монголо-татарского ига».

Остановимся на одном из исследований Георгия Владимировича Вернадского (1888 — 1973)⁴. Книга Г.В. Вернадского «Монголы и Русь» в 90-е годы XX в. была переведена на русский язык и вышла в 1997г.⁵ В ней затронуты вопросы, из века в век волновавшие российских исследователей. О содержании её говорят названия глав: «Монгольское завоевание», «Монгольская империя», «Золотая Орда», «Распад золотой Орды и возрождение Руси», «Влияние монголов на Русь».

Подход Вернадского определяется следующим: «Поскольку Русь была частью Монгольской империи и региональным ханством Золотой Орды в течение столетий, ход русской истории в этот период не может быть достаточным образом понят без соответствующего исследования всего монгольского фона. Многие важные политические решения или административные распоряжения, которые глубоко затрагивали Русь, принимались великим ханом, живущим в Монголии или в Китае»⁶. Русские рекруты участвовали в кампаниях хана Золотой Орды, а в 1330г. было организовано подразделение русской гвардии в Пекине⁷.

В кратком обзоре трудно остановиться на всех проблемах, затронутых Г.В. Вернадским в исследовании, проведенном на очень высоком уровне, соответствующим современным дискуссиям о Золотой Орде, — в частности, о роли, которую монгольская администрация играла на Руси, характере требований ордынской администрации.

Остановимся на выводах, к которым пришёл Г.В. Вернадский в главе V «Влияние монголов на Русь». Он приводит известное высказывание Н.И. Карамзина «Москва обязана своим величием ханам». В высказываниях С.М. Соловьёва, В.О. Ключевского и других историков, следует признать, недооценивается влияние монголов на русскую администрацию. Вернадский приводит и подчёркивает высказывание советского историка Б.Д. Грекова: «Русское государство во главе с Москвой было создано не при помощи татар, а в процессе тяжёлой борьбы русского народа против ига Золотой Орды»⁸.

Далее Г. Вернадский заключает, что сравнение государства и общества Киевской и Московской Руси показывает, что «пропасть между этими двумя режимами была поистине бездонной. Совершенно очевидно, что такая перемена не могла произойти за одну ночь»⁹.

«Освобождение Восточной Руси от монгольского правления было результатом совместных усилий московских великих князей, церкви, бояр, дворянства, простых людей — практически всего народа». Можно было ожидать, что после достижения главной цели — обретения независимости, московское правление станет более мягким. Но случилось обратное»¹⁰.

Отмечает Вернадский и заимствование слов и понятий из монгольского и тюркского языков, видя в этом развитие общечеловеческого культурного процесса, а также слова, имена, названия, вошедшие в русский язык. Автор обращает внимание на тот факт, что многие выдающиеся отечественные интеллектуалы имеют татарское происхождение.

В настоящее время наблюдается большой интерес среди учёных к событиям далёкой старины, к изучению и оценке походов Чингисхана, Тамерлана, Батыя и других военачальников на просторы Евразии. В 2012г. отмечается 100-летие со дня рождения Льва Николаевича Гумилёва — автора работ «Этногенез и биосфера Земли», «Древняя Русь и Великая Степь», «От Руси к России», в которых представлена его евразийская историческая концепция.

Историки проявляют большой интерес к истории Золотой Орды, Казанского ханства и другим вопросам. По истории Золотой Орды можно назвать работы Сафаргалиева М.Г., Фёдорова-Давыдова Г.А., Горского А.А., Кульпина Э.С. и др.

Не утихают дискуссии об обстоятельствах распада Золотой Орды и ее гибели как цивилизации.

Так, Э.С. Кульпин выделяет целый ряд внутрисистемных причин: к ним автор относит двадцатилетнюю ордынскую смуту 1360 — 1380 гг., ее пагубные последствия на жизнь степных городов и, как следствие, начавшиеся социально-экономический кризис в Степи и отток интеллигенции на Ближний Восток. Помимо событий на Куликовом поле (1380г.) сыграли свою роль и ряд последующих эпизодов золотоордынского этапа истории, главным из которых Кульпин считает победу Тамерлана в 1395 — 1396 гг.: «Тимур нанёс удар в политическое, экономическое и культурное сердце Золотой Орды. До Тимура ещё не были разрушены города, культура, промышленность и инфраструктура. Степная городская цивилизация как система ещё сохраняла способность к самовосстановлению, но после этого момента начинают развиваться необратимые процессы...»[...].

«Степное городское общество — ещё недавно жизнеспособное, процветающее, развивающееся, цементирующее в политическом, хозяйственном и культурном отношении народы империи исчезло с лица земли. А с ним практически за сто лет до «официального» освобождения Руси от татаро-монгольского ига Золотая Орда как империя, как уникальная степная городская цивилизация перестала существовать»¹¹.

* * *

В заключение хочется сказать, что встреча цивилизаций всё же состоялась. Об этом говорит прекрасная книга «Татары в Санкт-Петербурге. 300 лет истории». СПб, 2003г.

¹ Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996; См. также: Историческая география России в связи с колонизацией. СПб, 2000.

² БРЭ, Т.14. М., 2009. С.524. См. также: «внутренняя колонизация» // БРЭ. Т.5. М., 2006. С.525.

³ БРЭ. Т.5. С. 539.

⁴ Сын акад. Владимира Ивановича Вернадского. С 1920-х гг. жил за рубежом, в 1933 г. принял гражданство США.

⁵ Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь-Москва, 1997.

⁶ Там же. С. 6.

⁷ Там же. С. 7.

⁸ Там же. С.341.

⁹ Там же. С. 345.

¹⁰ Там же. С. 395.

¹¹ Там же.

ЦЕРКОВНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОМ ПАТРИАРХАТЕ И НА БАЛКАНАХ В 1850-1860-е гг. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Церковное направление традиционно занимало важное место во внешней политике Российской империи на Ближнем Востоке и на Балканах. Помощь православию в Османской империи была существенным рычагом для русской политики. Опиралась она на автономию церкви в Турции, основанной на системе миллетов. Православная, равно как и еврейская, армянская, католическая общины пользовались правами внутреннего самоуправления, суда и администрации, что делало возможным влияние на внутренние дела Османской империи через посредство этих общин. В середине XIX в. бытовавшая много столетий система миллетов подвергается реформации. Под давлением Англии и Франции османское правительство предпринимает преобразования (Танзимат), которые должны были демократизировать систему управления, создать светские суды и даровать право свободы совести всем подданным. Эти реформы, провозглашенные в двух официальных постановлениях (Гюльханейский хатт-и-шериф 1839 г. и хатт-и-хумаюн 1856 г.) имели целью ослабление роли России в ближневосточных делах и уменьшение самостоятельности церкви. Конечной целью преобразований была конфискация церковных имуществ, назначение жалования духовенству и превращение церкви в государственную административную единицу. Как непосредственное следствие реформ государственного аппарата в 1859-60 гг. было принято и преобразование системы церковного управления. Вместо несменяемых членов патриаршего Синода в Константинополе (так наз. геронтов) теперь в Синод избирались каждые два года новые митрополиты. Еще важнее было создание второго совещательного органа при патриархе - Смешанного народного совета, - в который входили как архиереи, так и миряне из видных константинопольских греков. Смешанный совет стал проводником, с одной стороны, греческого национализма, а, с другой стороны - враждебных России европейских тенденций. С каждым годом становилось все более ощутимым влияние на Совет со стороны политики Греческого королевства, в свою очередь, управляемой западными Великими державами, прежде всего, Англией.

Россия с поражением в Крымской войне в значительной степени потеряла свои позиции на Ближнем Востоке. Во многом был подорван и ее авторитет в среде единого православного населения Османской империи. Десятилетия после 1856 г. были для нее временем восстановления прежнего влияния. 1850-60е годы - период подъема национально-освободительного движения болгарского народа. Борьба болгар была направлена одновременно против двух врагов - духовной власти греческого духовенства и гражданской османской власти. На первом этапе целью было создание собственной национально- церковной иерархии и введение славянского богослужения. Дело в том, что после падения Константинополя в XV в. центром православного населения стал Константинополь; национальные патриархаты были упразднены, а славянское высшее духовенство было заменено грече-

ским. Константинопольский патриарх соединил в себе функции как духовного, так и гражданского главы православного населения и был ответственен перед султаном за его законопослушность. В больших городах служили греческие священники, и богослужение совершалось на греческом языке. Это привело к потере населением национального самосознания, болгарский язык сохранялся только в начальных приходских школах и в сельских приходах. С конца XVIII в. начинается национальное возрождение болгарского народа, которое к середине XIX столетия приобрело формы борьбы за церковно-национальную самостоятельность. Болгары боролись за независимую от Константинополя церковь, которая стала бы прообразом государственной автономии в будущем, при разделе Османской империи. Константинопольская патриархия ответила ожесточенным сопротивлением и не могла смириться с лишением доходов с обширных балканских епархий. Так начался длившийся много десятилетий греко-болгарский церковный вопрос, церковный по форме и чисто политической по содержанию.

Русская политика в этом вопросе была на стороне болгар: правительство Александра II и, в первую очередь, сам император считали необходимым всемерно поддерживать движение «единоверных и единокровных братьев». В целом эта линия разделялась и МИД в лице министра А. М. Горчакова и послов в Константинополе А. Б. Лобанова-Ростовского и Н. П. Игнатьева. Не таким, было, однако, мнение духовного ведомства. Обер-прокурор Св. Синода А. П. Толстой взял сторону греков как господствующей в восточно-православном мире народности. Его поддерживал настоятель посольской церкви в Константинополе архим. Петр (Троицкий). В полемике между двумя ведомствами среднюю позицию занял митрополит Московский Филарет (Дроздов), главный авторитет по вопросам церковной политики России, на заключение которого препровождались все депеши из Константинополя по церковным вопросам. Филарет считал, что национальное противостояние греков и болгар зашло так далеко, что посредничество России здесь могло бы только повредить ее интересам. Поэтому он настаивал на отстранении русского правительства от всякого не только вмешательства, но и высказывания мнений по греко-болгарскому вопросу. Официальная позиция российского МИД неоднократно заявлялась как нейтральная: Россия стояла за сохранение подлинно вселенского, наднационального характера Вселенского (Константинопольского) патриархата, который должен объединять в себе христиан разных национальностей - греков, славян, арабов. Однако на практике в 1850-70-е годы преобладала славянофильская линия, направленная на однозначную поддержку болгар; это вызывало немалое раздражение со стороны греков, обвинявших, при сочувствии со стороны западных держав, Россию в панславизме и агрессии на Востоке. Пик напряжения пришелся на конец 1860-х годов. Болгары, поддерживаемые русским послом в Константинополе Н. П. Игнатьевым, в 1870 г. добились от Высокой Порты издания фирмана на учреждение независимой Болгарской экзархии. Ответом с греческой стороны был созыв в 1872 г. собора, при участии других греческих патриархов Востока, на котором эта церковь была объявлена раскольнической и провозглашалась болгарская схизма. Россия была поставлена в очень затруднительное положение: с одной стороны, она не могла отвернуться от болгар, на которых в тот момент возлагались большие надежды, с другой - Русская церковь не могла в угоду болгарам

прекратить отношения с Константинополем. Снова пришлось поступить в духе советов тогда уже покойного митрополита Филарета - уклониться от высказывания определенного мнения. Все последующие усилия русской дипломатии вплоть до 1917 г. были направлены на преодоление болгарской схизмы, являвшейся камнем преткновения в балканской политике. Однако схизма не могла быть снята без предварительного политического разграничения. И только после второй мировой войны, когда произошло очередное размежевание на Балканах, при содействии Русской церкви схизма была упразднена.

Болгарский церковный вопрос неоднократно привлекал внимание исследователей: известны монографические исследования З. Марковой, К. Лилуашвили, В. Боневой, И. Ф. Макаровой. Однако огромный объем архивного материала все еще позволяет находить новые нюансы в этой проблеме, документы, не введенные в научный оборот, особенно применительно к участию России в истории греко-болгарского противостояния.

Другой комплекс вопросов, в которых в 1850-60-е годы русская дипломатия принимала непосредственное участие, касался имений восточных патриархатов в Соединенных княжествах Молдавии и Валахии. В XVII-XVIII вв. воеводы Молдавии и Валахии даровали патриархам Востока—Антиохийскому, Иерусалимскому и Александрийскому, а также крупнейшим монастырям—Афонским, Синайскому, Патмосскому - обширные поместья (метохи) на территории княжеств. Эти так называемые «преклоненные» имения занимали до 1/3 территории Молдавии и Валахии. Управлялись они присылавшимися из монастырей и патриархатов игуменами, которые сменялись каждые несколько лет. Доходы с этих имений составляли основной источник существования и обогащения восточных религиозных учреждений. После провозглашения самостоятельности Соединенных княжеств, как и следовало ожидать, статус этих имений должен был измениться. Избранный главой княжеств А. Куза, при поддержке своего правительства, в 1859-1860х годах объявил о конфискации преклоненных имений в пользу государства. Возникшую конфликтную ситуацию была призвана разрешить конференция представителей Великих Держав, заседавшая в течение нескольких лет в Константинополе. Англия и Австрия заняли, по крайней мере, внешне, нейтральную позицию; Франция открыто встала на сторону правительства А. Кузы; и одна только Россия определенно взялась защищать права «законных владельцев» - восточных церквей и монастырей. Протоколы всех заседаний комиссии сохранились в архиве Св. Синода, и по ним можно в деталях проследить подробности этого сюжета. В качестве компромиссного решения предлагалась выплата румынским правительством компенсаций бывшим собственникам; однако встал вопрос о платежеспособности этого правительства и о том, какой банк мог бы взять на себя это ответственное дело. Поскольку ни одна из держав не желала стать поручителем такого рода сделки, она так и не была приведена в исполнение. Другая сложность заключалась в нежелании собственников идти вообще на какие-либо переговоры и, особенно, в их отказе представить документы на владение. Несмотря на всю энергию только что прибывшего в Константинополь посла Н. П. Игнатьева, делавшего все возможное для благоприятного разрешения вопроса, эти документы так и не были представлены. В результате комиссия не приняла никакого положительного решения, а

восточные владельцы, хотя и пытались впоследствии напоминать русскому правительству о своих правах на имения, не получили даже никакой денежной компенсации.

Непосредственно к этому сюжету примыкает другая проблема, касающаяся имений тех же владельцев, оказавшихся на территории России, в Бессарабии. Здесь в первую очередь находились имения болгарского Зографского монастыря - Киприановский монастырь и Кодрицкий скит. Вопрос о статусе этих метохов поднимался еще в 1840-е годы: указывалось на хищническое управление имениями и отсутствие желания со стороны владельцев принимать меры к развитию края; обсуждался вопрос об отчислении части доходов в пользу местного населения, устройства школ, больниц и проч. Решительный шаг со стороны русского правительства был сделан только в 1873 г. как ответ на провозглашение болгарской схизмы, когда указом Александра II имения были секвестированы. Теперь восточные владельцы получали только 2/5 от доходов; остальные суммы поступали в ведение нескольких государственных учреждений. Часть доходов составил так называемый «запасной капитал от бессарабских имений», который расходовался МИД и Св. Синодом на поддержку православных учреждений Востока—разумеется, по своему усмотрению. Средства из этого капитала выделялись для помощи арабам Палестины и Сирии, болгарским церквям и монастырям. Доходы греческим владельцам передавались через русское посольство в Константинополе и консульство в Салониках (ведению которого подлежал Афон). В случае неблагоприятных для России действий со стороны владельцев доходы задерживались, что также служило рычагом политики и средством для достижения тех или иных конкретных целей.

Изучение экономической и политической истории преклоненных имений в Соединенных княжествах и Бессарабии только начинается. Архивные источники находятся в разных хранилищах - АВПРИ и ГАРФ (Москва), РГИА (Санкт-Петербург), в Кишиневе, Яссах, Бухаресте и Афонских монастырях. Полное освещение этой страницы истории России, Румынии и христианского Востока возможно только в результате коллективной работы исследователей разных стран.

На территории Константинопольского патриархата находилась Св. Гора Афон - величайшая святыня восточно-христианского мира, своеобразная монашеская республика, где еще с византийских времен находились монастыри разных православных народов—греков, сербов, болгар, русских, грузин. Афон, таким образом, представлял собой модель православного мира, отражавший все тенденции и противоречия в политике восточноевропейских государств.

Эта ситуация во многом сохранилась и в османский период. С начала, и особенно с середины XIX в., на Афоне усиливается русское монашество, которое сосредотачивалось в трех монастырях - Св. Пантелеймона, и скитах св. Пророка Илии и св. Андрея. Если поначалу увеличение численности русских монахов не вызывала сопротивления у греческого большинства, что во многом обуславливалось богатыми денежными вкладами, которые приносили с собой русские, то к 1860-70-м годам ситуация обострилась. Несомненно, напряженности способствовало общее раздражение греков против славянского элемента и пропаганда настроений против «русского панславизма». Это противостояние вылилось в знаме-

нитый «пантелеймоновский процесс» 1870 г., когда только при давлении со стороны русского посольства Константинопольский патриарх вынес решение в пользу русских. С тех пор монастырь св. Пантелеймона официально стал цитаделью русского монашества на Афоне. История русского Афона в последнее десятилетие много привлекает внимание исследователей. Постоянно публикуются документы, переписка, дневники и воспоминания, которые с разных сторон освещают историю этого уникального культурно-исторического феномена. Нельзя сказать, что все эти исследования соответствуют научным требованиям, но даже публицистические работы приносят свои крупницы в общую картину наших знаний. Более полноценное изучение темы будет возможно только после опубликования документов архива Пантелеймонова монастыря и двух скитов - Ильинского и Андреевского.

Контакты России с Греческим королевством середины XIX в. не отличались большой интенсивностью. В силу того, что Александр I не поддержал греческого восстания 1821 г., развитие молодого государства пошло не в русле русской политики. В период до Крымской войны на политическом горизонте Греции фигурировало несколько политических партий, каждая из которых носила имя в зависимости от своей ориентации на ту или иную великую державу - русская, английская, французская. Независимость Элладской церкви от Константинополя, провозглашенная в 1830 г., была признана Вселенским патриархом только в 1850 г., вскоре после чего произошло и признание ее со стороны российского Св. Синода. В деле церковной организации Элладской церкви большую роль сыграли ответы на различные вопросы канонического характера, полученные из России. В целом политика правительства не благоприятствовала усилению церкви в Греции - напротив, было произведено упразднение ряда монастырей, ограничено число монашествующих, а духовенству было назначено жалование от государства. Тем самым были предприняты шаги к подчинению церкви государству.

В Греческом королевстве Русскую церковь представлял настоятель посольской церкви в Афинах. С 1850 по 1860 г. им был выдающийся ученый-археолог и историк церкви архимандрит Антонин Капустин. Благодаря его статьям и, прежде всего, дневнику, который он вел изо дня в день, мы имеем яркую картину жизни русской колонии в Афинах, а также чрезвычайно ценное детальное описание археологических памятников города. Усилиями Антонина была восстановлена из руин древняя византийская церковь Никодима, которая до сих пор является русским храмом греческой столицы. По дневниковым записям Антонина можно судить о методах реставрации, которые использовались в то время. Древние фрески были сохранены лишь отчасти; баварский живописец Тирш, которому было поручено расписать храм, объявил, что не будет подновлять «мумии», как он называл византийские изображения святых. Посланник Э. И. Персиани, со своей стороны, просил Антонина, чтобы новые фрески были «не в слишком византийском духе». Тем не менее, Антонину удалось сделать акварельные копии первоначального вида храма и отстоять сохранение некоторых фресок и древних архитектурных форм. По его же инициативе совершилось восстановление другой византийской церкви - Св. Пояса Богородицы в Патисии.

По ходатайству Антонина в собственность России было приобретено также подворье Зографского монастыря в Афинах. В Афинах Антонин поддерживал регулярные контакты не только с членами русской миссии, но и с церковными и политическими деятелями, например, с Константином Икономом, известным публицистом русофильского направления. Близким его другом был Константин Питтаки, эфор (попечитель) греческих древностей Афин. Неутомимая деятельность по изучению античных и византийских памятников Афин и Греции, раскопки в подземельях церкви Никодима, где им была обнаружена античная цистерна, контакты с русскими и зарубежными учеными, ученые экспедиции в Палестину, Египет, на Афон, Пелопоннес, в центральную Грецию, - все это нашло отражение на страницах Дневника Антонина. В настоящее время этот важный источник по русско-греческим связям середины XIX в., рукописный оригинал которого хранится в РГИА, а машинописные копии в библиотеке музея религии в Петербурге, готовится к научному изданию.

Несмотря на тяжелые последствия Крымской войны, в 1850-60-е годы Россия продолжает представлять значительную силу на Ближнем Востоке и Балканах. По-прежнему сохраняются старые, унаследованные из Средневековья институты и рычаги политики. Церковная составляющая, что прикрывала собой политические цели, продолжала играть важную роль в отношениях России и Османской империи. Надежда на восстановление былого влияния не оставляла русских политиков, которые теперь видели главную опору для политики страны на Балканах в славянском населении полуострова. Однако даже победоносная русско-турецкая война 1877-78 гг. не смогла восстановить прежнее положение: трудные для балканской политики России 1880-1890-е годы со всей очевидностью показали, что ни одно из независимых государств, возникших на развалинах Османской империи, за исключением маленькой Черногории, не было склонно жить в русле русских интересов. Романтизм русской политики, проявивший себя в славянофильском движении 1850-70-х годов, в последующие десятилетия принял неовизантийское и национально-русское направление.

В.И.Меньковский, К.Б. Уль

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ 1930-X гг. В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Современный мир стал миром глобальным. Это относится не только к сферам высоких технологий, коммуникаций, экономики или снабжения, но и к академической сфере. Академическое сообщество сегодня не разделено государственными границами, континентами или языками. Английский язык стал *lingua franca* мировой науки в целом и исторической науки в частности. Мы обязаны знать достижения не только нашей отечественной историографии, но и тех трудов, которые подготовлены англо-американским академическим сообществом и опубликованы на английском языке.

Предметом авторского рассмотрения стали научные труды англоязычных исследователей по истории Советского Союза, в которых 1930-е гг. рассматриваются как специальный объект изучения или анализируются в контексте других проблем советской и мировой истории. Исследование фокусируется на научной литературе (монографиях, журнальных статьях, сборниках статей), опубликованной на английском языке со времени окончания Второй мировой войны до наших дней. Поскольку, как мы уже отмечали, академическая историография является глобальным феноменом, мы включили в наше исследование работы историков различных стран и различных историографических направлений, подготовленные и опубликованные на английском языке. С нашей точки зрения, практически невозможно, особенно в последнее время, провести четкую грань между англоязычными учеными, пытаясь определить их англо-американские, европейские или российские корни.

1930-е годы в советской истории. Наиболее востребованным англоязычными учеными периодом советской истории стали 1930-е гг. Реконструируя историю англоязычной историографии Советского Союза этих лет, можно понять не только развитие историографии советской истории, но и общие методологические тенденции гуманитарных наук после Второй мировой войны.

1930-е гг. являются идеальным объектом для историографического исследования, поскольку включают в себя целую серию изменений и преобразований. Первый пятилетний план и насильственная коллективизация стали рубежом между периодом новой экономической политики и временем создания централизованной экономической системы. Индустриализация, инициированная государством, мобильность населения, «культурная революция», массовое государственное насилие кардинальным образом изменили социальную структуру советского общества и создали базу для той системы, которая позже получит название «сталинизм». 1930-е гг., как исторический период, начинаются с первого пятилетнего плана в 1928 г. и завершаются германским вторжением 1941 г. Сталинизм как репрессивная система и период советской истории достиг своего пика во время «большого террора» 1936–1938 гг.

Термин «сталинизм» в англоязычной советологии. В англоязычной литературе первым по отношению к политике Сталина это определение употребил В. Дюранти, московский корреспондент газеты «Нью-Йорк Таймс», который использовал его в серии репортажей 1931 г. Широкое распространение термина в академических кругах относится к периоду 1950—1960-х гг. Однако определенные разногласия, связанные с его значением, сохраняются в англо-американских исследованиях и поныне.

Методология англоязычных исследований советской истории. Еще один важный аспект отношения к советологии в академическом мире связан с ее взаимодействием с политическими науками в целом. Советология отличалась собственной техникой исследований, требовала специальных навыков интерпретации, подобных расшифровке тайнописи, которые обычно не использовались в изучении политики открытых систем.

Дискуссии о возможности применения западных обществоведческих дисциплин по отношению к советскому опыту, споры о советской исключительности сопровождали историю всей западной советологии.

«Российские и восточноевропейские исследования» после распада СССР.

Термин «советология» перестал быть соответствующим широкому спектру англоязычной историографии, характерному для периода после 1991 г. Он может употребляться только к узкому направлению в изучении советской истории, базирующемуся на антикоммунистическом идеологизированном подходе периода «холодной войны». Распад советской системы снял необходимость политизации и идеологизации историографии советской истории. Поскольку объект исследования – Советский Союз – перестал существовать, дисциплине потребовалась новая концепция самоидентификации. Вместе с отказом от старых парадигм изучения советской истории, название дисциплины перестало соответствовать реальности и превратилось в анахронизм. Появилась возможность использования новой методологии, т.к. для специалистов стали доступны, ранее засекреченные, партийные и государственные архивные документы советского времени. Были опубликованы многочисленные сборники документов, газетные и журнальные публикации также создавали более благоприятные условия для историков и политологов.

Выводы. В англоязычной историографии было много гипотез и моделей, объяснявших генезис сталинизма, периодизацию сталинского этапа советской истории, взаимодействие общества и государства в 1930-е гг., взаимовлияние политики, экономики и идеологии. В течение длительного периода времени они не были и не могли быть соответствующим образом документированы. Однако и после открытия советских архивов, несмотря на введение в научный оборот новых материалов, остаются нерешенные вопросы, связанные со Сталиным и сталинизмом. Поле деятельности исследователей остается огромным.

В.П. Любин

**РАСПАД «СОВЕТСКОЙ ИМПЕРИИ»:
ПОДХОДЫ ЗАПАДНЫХ ЭКСПЕРТОВ**

*«Был Брестский мир № 1, теперь мы в ситуации Брестского мира № 2.
Если не справимся, нам грозит... что отхватят опять полстраны. ...
Для нас есть еще моральный фактор – реакция советского народа».*
М.С.Горбачев¹

Двадцатилетие распада Советского Союза, отмеченное в 2011 г., вновь привлекло внимание к причинам этого масштабного исторического поворота конца XX века и вызванных им геополитических последствий. Хотя и раньше хватало «объяснений» причин историками и представителями других наук, появились и новые интерпретации.

В воспоминаниях историка Р.Ш. Ганелина уделено место дискуссиям советских историков о причинах революционного кризиса в России начала XX века, и в

этой связи автор приводит цитату из отзыва К.Ф. Шацилло на работу А.Я. Авре-ха, в которой дается оценка политики царизма в отношении Финляндии и Поль-ше, его поддержки настроений антисемитизма среди «истинно русских людей»: «Автор убедительно показывает, как стремление сохранить “единую и недели-мую” при политике “разделяй и властвуй” вело к обострению революционного кризиса и дружной атаке средневековой тюрьмы народов всеми национальностями России во главе с русской». Аврех заключал, что царизм боялся, что реформы бу-дут способствовать «созреванию революционного кризиса». Шацилло отреагиро-вал на это положение следующим образом: «царь и его окружение не видели не-обходимости» в крупных реформах, полагая, что «русский народ верен монарху», и если иногда и бунтует, то «только по наущению растленной интеллигенции и врагов России – инородцев», против которых нужны карательные меры².

В сходной ситуации СССР / Россия оказались в конце начатой М.С. Горба-чевым и его соратниками «перестройки» 1985-1991 гг. Страна не выдержала пе-ренапряжения по линии экономической, социальной и, не менее этого, и нацио-нальной, и, как результат, распалась на пятнадцать составных частей. Единое многонациональное государство, называемое западными экспертами «советской империей», перестало существовать.

Отвечая тем, кто обвиняет в развале СССР непосредственно М.С. Горбаче-ва, его советник, историк А.С.Черняев резонно замечал: «Союз развалили те, кто в августе 91-го организовал путч против Президента СССР. Те, кто в декабре, обманув его, собрался в Беловежской пуще. А начало всему этому положили ор-ганизаторы Компартии РСФСР и коммунисты-депутаты, которые помогли вы-толкнуть Россию из Союза. Тем самым лишили его стержня и спровоцировали парад республиканских суверенитетов. А потом узаконили произвол троих голо-сованием в Верховных Советах. Вот кто виновен в исчезновении Союза, кото-рый Горбачев начал реформировать, чтобы придать ему жизнеспособность в но-вых демократических условиях»³.

Немало копий сломано в научном мире по поводу объяснений двух «геопо-литических катастроф», пережитых Россией/СССР в 1917 и 1991 гг. Ряд иссле-дователей считает, что начатые правителями реформы неизбежно ведут к рево-люционному кризису, кончающемуся, как это произошло в начале в начале XX века, гражданской войной и геополитическими потерями. Еще одна часть анали-тиков полагает, что неприменение силы в конце того же века хотя и позволило избежать большого кровопролития, также привело к большим людским и терри-ториальным потерям.

Каким предстает конец «советской империи» в работах западных авторов? В кратком обзоре будут приведены наиболее распространенные взгляды на при-чины распада «советской империи». По данной тематике опубликовано много работ как российских авторов⁴, руссиеведов из западных стран⁵ (см.: 10-29). На-званные труды - лишь часть литературы по данной тематике. Здесь удастся про-цитировать лишь немногие из названных трудов. Нетрудно заметить, что из ра-боты в работу кочует сходный набор идей, не отличающихся оригинальностью.

«События XX века показали, что функцией коммунизма в России стало при-дать жизнь гигантской больной империи, приговоренной историей, впрыснув в нее

страшный наркотик и заблокировав трудный процесс ее выздоровления, - пишет итальянский историк Э. Чиннелла. - Когда же закончилось действие чудесного и губительного лекарства, которое в конце концов разрушило ткани, больной вернулся к исходной точке, оказавшись еще более неспособным воспринимать нормальное лечение и стремящимся поглощать лишь возбуждающие средства»⁶.

«Приговор», почти единодушный, западных историков: СССР как продолжение Российской империи оказался нежизнеспособным, и все попытки его реформировать были обречены на провал. Это - господствующая в западной литературе точка зрения. Наиболее стройно, она представлена, пожалуй, в работах А. Каппелера. Он, однако, наряду со многими другими, встраивает конец «советской империи» в общую картину распада европейских империй в XX веке. Расширяя рамки российской истории и «имперскости» до нескольких веков, автор замечает: «Октябрьская революция и установление советской власти лишь на несколько десятилетий затормозили распад Российской империи». «Крах Советского Союза, который мы пережили в последнем десятилетии XX в., венчает не только семидесятилетнюю историю многонациональной коммунистической империи: это заключительный акт более чем четырехсотлетней истории России как многонациональной державы». По мнению Каппелера, неверно объяснять развал СССР только кризисом социалистической системы, не принимая во внимание наследие Российской империи. Лишь при учете длительной исторической перспективы, уходящей в прошлое Российской империи, распад Советского Союза можно понять «как часть универсального процесса разрушения, ухода с исторической сцены многонациональных империй, их раскола и дробления на национальные государства – того процесса, который можно было наблюдать в Европе с особенной отчетливостью на примере распада Османской и Габсбургской империй в XIX – XX вв., а также во внеевропейском пространстве в регионах, переживающих деколонизацию, в процессе освобождения бывших колоний»⁷.

Иные подходы демонстрируют немецкие авторы Герхард и Надя Зимоны. Так, сосредоточившись на советском периоде, они отмечают, что уже с конца 1930-х годов в советской идеологии утверждалось, что национальный вопрос окончательно «решен». Тем самым, «оказавшись в самой себе накинутах на глаза шорах, коммунистическая партия не видела действительного положения вещей, став жертвой самообмана»⁸. «В Советском Союзе десятилетиями шел поначалу тихий процесс деколонизации, который лишь в 1980-е годы вошел в активную политическую фазу. Социально-исторический процесс перемен привел к тому, что большинство наций в конце истории Советского Союза предстали более сплоченными в культурном и социально-структурном отношении, равно как и с более ясным самоосознанием, чем это было в начале периода советской власти. Таким образом, партия, которая претендовала на то, чтобы окончательно заменить классовым сознанием национальное сознание, выбросив последнее на помойку истории, вразрез с собственными намерениями, по сути, способствовала созданию наций»⁹.

Французская историк Э. Каррер д'Анкос в работе 1978 г. «Крах империи» предсказывала распад Советского Союза, связывая его напрямую с неурегулированностью национальных чаяний населявших его народов. В книге «Незавершенная Россия» автор замечала, что такое определение стране дал еще Пушкин в

1822 г., имея в виду открытость страны прогрессу. Свои оценки она дополняла словами русского историка В.О. Ключевского о том, что «история России - это история страны, которая не переставала сама себя колонизировать», что развитие колонизации шло «одновременно с расширением территории государства»¹⁰. В опубликованной в 1991 г. книге Каррер д'Анкос пишет о подъеме национального самосознания собственно русской нации, национальных движений в советских республиках, нарастании в них стремления к отделению. Империя, по её словам, подорвалась на требовании независимости со стороны населявших её народов – от балтийских и кавказских республик до Украины и республик Средней Азии. От решения вопроса отношений между бывшими советскими республиками зависело будущее Восточной Европы¹¹. Спустя год тот же автор, приветствуя «отделение» России от СССР и возникновение на этой основе новой, «неизвестной» страны, которой суждено все же опираться на русские традиции, Каррер д'Анкос сравнила это событие с открытием Колумбом Америки, 500-летие которого отмечалось как раз в 1992 г.¹²

Несколько иные подходы демонстрируют американские историографы. Так, в одной из последних статей известный историк Р. Пайпс подчеркнул, что «распад СССР в 1991 г. освободил Россию от “груза” союзных республик и восточноевропейских стран, в которые когда-то вошли войска советской армии». Восточная Европа преуспела больше России в выстраивании отношений с коммунистическим прошлым. «Польша, Венгрия и Чехия были частью западной цивилизации уже в средние века, поэтому для них не составило большого труда отказаться от короткого эпизода “народной демократии”». В отличие от них, Россия не смогла до конца разобраться с прошлым, в нерешительности двигаясь то вперед, то назад, и вот теперь, двадцать лет спустя, остановилась в неуверенности относительно своего будущего»¹³.

Причины этого Пайпс видит в религии – византийство и особый путь, ведущий к изоляции, и географии – слишком обширная территория и потому низкое качество управления и неспособность создать единую гражданскую нацию. Распад советской системы случился бы рано или поздно, пишет Пайпс. Иного было не дано, потому что советская система не поддавалась реформированию: она должна была либо оставаться неизменной, либо рухнуть. Это признавали М.С. Горбачев и А.Н. Яковлев, в 1988 г. придя к выводу о том, что Советский Союз является неререформируемой системой и потому должен быть ликвидирован¹⁴. Как видим, здесь дана иная, отличная от предложенной выше интерпретации А.С. Черняева.

Пайпс всегда полагал, что в конечном итоге Советский Союз распадется на составляющие его республики. Значительная часть американских советологов, считавших, что в стране сформирован новый советский человек - *homo sovieticus*, - и многочисленные этнические меньшинства, как и в Америке, сплывались в единую нацию, не разделяла его мнение (Именно это, по мнению Каррер д'Анкос, предстояло «ампутировать» у себя новой России)¹⁵.

Еще работая над книгой «Образование Советского Союза: коммунизм и национализм» (1954), Пайпс пришел к выводу, что малейшая слабость центральной власти в СССР или любое намерение его реформировать приведут к попытке выхода из него национальных меньшинств, подобно той, какую они делали в годы

революции и гражданской войны. Опрашивая в 1950-е годы эмигрантов из Средней Азии, Пайпс заключал, что никакой ассимиляции в действительности не происходило и сама категория «советский человек» не более, чем миф. Эпоха империй подошла к концу, и трудно было ожидать, что Советский Союз постигнет иная судьба, чем у Британской, Французской или Голландской империй¹⁶.

Хотя считается, пишет Пайпс, что соглашение, подписанное в Беловежской пуще 8 декабря 1991 г. Ельциным и его украинскими и белорусскими партнерами, привело к распаду Советского Союза, на деле, распад был к этому времени уже свершившимся фактом. Все союзные республики, кроме России и Казахстана, уже объявили свою независимость. В опросе, проведенном за месяц до встречи в Беловежской пуще, только 17% российских респондентов верили, что Советский Союз еще существовал¹⁷.

Распад СССР сильно повлиял на русскую душу, считает американский историк. Эта империя отличалась от иных европейских империй нового времени тем, что была построена не после формирования национального государства, а создавалась одновременно с ним. Колонии России, в отличие от британских или испанских колоний, находившихся за океаном, граничили с национальным государством, более напоминая древние империи персов и римлян. «Потеря империи нанесла тяжелую травму русскому сознанию и привела к тому, что русские испытывают ныне большие затруднения при определении собственной национальной идентичности»¹⁸.

¹ Запись А.С.Черняева от 25.01.1990 // Фон Плато А. Объединение Германии – борьба за Европу. М., 2007. С. 176.

² Ганелин Р.Ш. Советские историки: О чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940 – 1970 –х годах. СПб, 2006. С. 276-277.

³ Черняев А.С. 1991 год. Дневник помощника президента СССР. М., 1997. С. 110

⁴ Булдаков В., Гудков Л., Зубов А., Пивоваров Ю., Рыжов Ю., Vooboyer Ph., Luks L., Nivat G., Pipes R., Strada V. Россия на рубеже веков. 1991-2011. М., 2011. 159 с.; Ганелин Р.Ш. Советские историки: О чем они говорили между собой. Страницы воспоминаний о 1940 – 1970 –х годах. СПб, 2006. 408 с.; Двадцать лет без советской власти // Pro et Contra. 2011. № 5. 147 с.; Зенькович Н. ЦК закрыт, все ушли... Очень личная книга. М., 1999. 575 с.; Зенькович Н. Собрание сочинений. Т. I. Тайны ушедшего века.. Власть. Распри. Подоплека. М., 2000. 576 с.; Кустарев А. СССР: дальнейшая дезинтеграция или реинтеграция? // Pro et Contra. 2011. № 5. С. 121-129; Политические системы постсоветских стран // Pro et Contra. 2011. № 3-4. 183 с.; Фон Плато А. Объединение Германии – борьба за Европу. М., 2007. 512 с.; Черняев А.С. 1991 год. Дневник помощника президента СССР. М., 1997. 335 с.

- ⁵ Altrichter H. Russland 1989. Der Untergang des sowjetischen Imperiums. München, 2009. 447 S.; Brown A. The Gorbachev Factor. L.: Oxford Univ. 1997. 444 p.; Brown A. Aufstieg und Fall des Kommunismus. Berlin, 2009. 938 S.; Buttino M. La rivoluzione capovolta. L'Asia centrale tra il crollo dell'impero zarista e la formazione dell'Urss. Napoli, 2003. 488 p. 13a. Рус. перевод: Буттино М. Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. М., 2007. 446 с.; Carrere d'Encausse H. La Gloire des nations ou la fin de l'Empire soviétique. Paris, 1991. 469 p.; Carrere d'Encausse H. Victoriuese Russie. Paris, 1992. 381 p.; Carrere d'Encausse H. La Russie inachevée. Paris, 2000. 285 p.; Cinnella E. La rivoluzione rus-sa. Milano, 2005. 694 p.; Dobbs M. Down with Big Brother: The Fall of the Soviet Empire. N.Y., 2011. 528 p.; а также: 18a. Доббс М. Между Толстым и Карлейлем // Pro et Contra. 2011. № 5. С. 90-97; Hildemeier M. Geschichte der Sowjetunion, 1917-1991. Entstehung und Niedergang des ersten sozialistischen Staates. München, 1998. 1206 S.; Kappeler A., Simon G., Brunner G. Die Muslime in der Sowjetunion und in Jugoslawien. Koeln, 1989. 308 S.; Kappeler A. Russland als Vielvölkerreich. München, 1991. 395 S. (Рус. перев.: Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М, 2000. 344 С.; Meyer K.E. The Dust of Empire. N.Y., 2003. XVIII. 254 p.; Trad. ital.: Meyer K.E. Il polvere dell'impero. Il "Grande gioco" nell'Asia Centrale. Milano, 2004. 363 p.; Motyl A.J. Will the Non-Russians Rebel? State, Ethnicity, and Stability in the USSR. Ithaca, L., 1987. 188 p.; 24. Remnik D. Lenin's Tomb: The Last Days of the Soviet Empire. N.Y., 1993. 576 p.; а также: 24a. Ремник Д. Возвращение истории // Pro et Contra. 2011. № 5. С. 76-89; Romano S. Memorie di un conservatore. Il racconto di un secolo nei ricordi di un testimone. Milano, 2002. 239 p.; Sideri S. La Russia e gli altri. Nuovi equilibri della geopolitica. [Russia and the others. New geopolitical equilibria]. Milano, 2009. XIV. 241 P.; Simon G. und N. Verfall und Untergang des sowjetischen Imperiums. München, 1997. 340 S.; Treisman D. The Return: Russia's Journey from Gorbachev to Medvedev. N.Y., L., 2011. XIII, 523 p.; Zubok V.M. A Failed Empire: The Soviet Union in the Cold War from Stalin to Gorbachev (New Cold War History). Chapel Hill, 2008. 467 p.
- ⁶ Cinnella E. La rivoluzione russa. Milano. 2005. С.8.
- ⁷ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М, 2000. С.7.
- ⁸ Simon G. und N. Verfall und Untergang des sowjetischen Imperiums. München, 1997. С. 130.
- ⁹ Там же. С.129
- ¹⁰ Carrere d'Encausse H. La Russie inachevée. Paris, 2000. С. 7, 47, 234
- ¹¹ Carrere d'Encausse H. La Gloire des nations ou la fin de l'Empire soviétique. Paris, 1991. 469 p.
- ¹² Carrere d'Encausse H. Victoriuese Russie. Paris, 1992. С. 333-344.
- ¹³ Пайпс Р. Россия в борьбе со своим прошлым // Россия на рубеже веков. 1991-2011. М., 2011. С. 37.
- ¹⁴ Там же. С. 140.
- ¹⁵ Carrere d'Encausse H. Victoriuese Russie. Paris, 1992. С. 336.

¹⁶ Россия на рубеже веков. С. 41.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

А.А. Чернобаев

М.Н.ПОКРОВСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ В 1920–е гг

В конце XIX–начале XX в. российская историческая наука заняла достойное место в мировой историографии. Большим авторитетом в кругах международной научной общественности пользовались многие ученые России, занимавшиеся отечественной и всеобщей историей. Так, членом Международной ассоциации академий и Международного социологического института, делегатом первых международных конгрессов историков (МКИН), членом российской делегации на праздновании 100–летия Берлинского университета в 1910 г.¹ был действительный член Петербургской АН А.С.Лаппо–Данилевский (1863–1919). В 1916 г. он был удостоен звания почетного доктора права Кембриджского университета, а незадолго до этого, в 1913 г., на Лондонском конгрессе историков возглавил оргкомитет по подготовке очередного форума историков мира в Петербурге, намеченного на 1918 г. Однако в связи с Первой мировой войной и революцией 1917 г. в России этот конгресс не состоялся.

В первые послереволюционные годы международные связи российских историков фактически прекратились. Многие ученые эмигрировали или были высланы из Советской России и продолжили научную деятельность за границей. В стране утвердилась марксистская идеология в ее большевистской интерпретации. Формируется новое, советское поколение историков. Наряду с ними продолжали трудиться ученые «старой школы». И те, и другие испытывали острую потребность в восстановлении прерванных научных связей со своими зарубежными коллегами.

М.Н.Покровский, ставший после Октябрьской революции не только одним из ведущих советских историков–марксистов, но и крупным государственным деятелем, заместителем наркома просвещения, руководителем ряда научных учреждений, заведующим Центрархивом РСФСР и СССР, редактором нескольких исторических журналов, придавал огромное значение международной кооперации ученых и делал все возможное в тех условиях для ее развития². Следует также отметить, что Покровский – историк с самого начала своей научной деятельности уделял большое внимание исследованию не только российской, но и всеобщей истории, стремился широко использовать труды как отечественных, так и зарубежных ученых. В его 5–томной «Русской истории с древнейших времен», написанной в годы эмиграции во Франции, в других сочинениях, в том числе советской поры, развитие России рассматривалось в контексте мировой истории. Это требовало

глубокого изучения зарубежной историографии. Такой подход Покровского нашел отражение, в частности, в разработанных с его участием учебных программам в Институте красной профессуры и Институте истории РАНИОН, где прошли подготовку многие советские историки первого поколения.

В силу своего служебного положения Покровский в 1920–е – начале 1930–х гг. был широко известен за рубежом. В это время «История России» и сборники его избранных произведений были изданы на английском, немецком и французском языках³. Об этом же свидетельствует обширная, до сих пор практически не изданная и не изученная, переписка Покровского с зарубежными учеными, хранящаяся в Архиве РАН (Ф.1759. Оп. 4). Среди его корреспондентов – президент и генеральный секретарь МКИН Н.Коот (Кут) и М.Леритье, секретарь Комиссии по организации исторических конгрессов О.Брандт, президент Общества истории войны Х.Андре, американские, немецкие, французские и др. иностранные ученые.

Многие письма связаны с подготовкой и участием советских историков в «Русской исторической неделе» в Берлине (Германия) и в VI Международном конгрессе исторических наук в Осло (Норвегия) в 1928 г. Так, в марте этого года нарком просвещения РСФСР А.В.Луначарский сообщал Покровскому, что в Берлине встречался с организаторами «Русской исторической недели» и выставки советских исторических книг и архивных документов в Немецкой АН Гетшем и Ионасом, которые «составили (отчасти тут же со мною) список желательных гостей [из Советской России. – А.Ч.]... Если он приемлем – все ладно, а нет – так пришлите мне *исправленный список* в Женеву через НКВД. Договориться не трудно. За эту «Неделю» они страшно держутся.

Очень важно, чтобы Вы сейчас же: 1) озаботились посылкой им материалов архивного ведомства, 2) циркулярно распорядились по ГИЗ и друг[им] издат[ельствам], а также по институтам, дать широко и щедро исторические и общественно-научные (в узком смысле) книги на их выставку... Хорошо, чтобы они *прислали экспонаты в апреле*. Выставка и “Неделя” будут иметь место в середине июня, стало быть как раз по дороге в Осло»⁴.

Несомненный интерес представляет переписка Покровского с А.М.Коллонтай, полномочным представителем СССР в Норвегии. 7 марта 1928 г. она писала Михаилу Николаевичу: «Ваше сообщение о том, что наши союзные ученые примут участие в международном историческом конгрессе в Осло, меня весьма обрадовало. Это будет полезно во всех смыслах и отношениях. Профессор Кут – сам марксист, политически это человек радикально-левых убеждений, и мы рассчитываем, что Кут в качестве марксиста будет искать сближения и “смычки” с союзными делегатами. Вы бы очень облегчили нам подготовку почвы в этом направлении при переговорах и встречах с проф. Кутом, если бы сообщили нам имена намеченных участников союзной делегации на конгресс, их curriculum vitae и, по возможности, прислали бы их научные труды»⁵.

В ответном письме Покровский сообщал, что высылает в полпредство и Куту тезисы докладов советских делегатов, их будет 15–17 человек, окончательный список «пришлем к 15 мая, как требуется...Едем мы все, конечно, через Берлин. Я туда поеду, вероятно, в июне (“Русская историческая неделя”), проведем в Германии часть лета и уже оттуда попаду в Осло»⁶.

Тезисы были получены в полпредстве и Кутум уже на четвертый день. В ответ на выраженное Покровским беспокойство некоторых советских делегатов по поводу «протокола», принятого на конгрессе, Коллонтай заверила: «Протоколом смущаться нечего, здесь при съездах все предвидено, расписано и организовано. Мы со своей стороны будем сердечно рады быть полезны Вам лично и всем гостям из Союза»⁷.

Известие о приезде на международный конгресс делегации советских историков было положительно встречено многими норвежскими учеными, заинтересованными в научных связях между нашими странами. 19 апреля Коллонтай писала Покровскому: «Ко мне обратился проф. Буль с просьбой сообщить Вам, что Институт сравнительного изучения культуры народов намерен пригласить при Вашем благосклонном содействии двух советских профессоров, могущих прочесть в этом Институте цикл лекций по крестьянскому вопросу. Проф. Буль подчеркнул желательность присылки сюда двух профессоров, которые могли бы импонировать норвежскому ученому миру и оставили бы хорошее впечатление о той творческой научной работе, которая теперь ведется в Союзе»⁸.

В то время решение о направлении советских делегаций за рубеж принималось на самом высоком уровне – в Оргбюро и Политбюро ЦК ВКП(б). Так было и в связи с поездкой советских историков в Германию и Норвегию. 5 марта 1928 г. вопрос «Об организации в Берлине “Русской исторической недели”» и «Об участии СССР на всемирном съезде историков в Осло (Норвегия)» рассмотрело Оргбюро, а 8 марта – Политбюро⁹. 29 марта по докладу Покровского на Политбюро вопрос об организации «Русской исторической недели» в Берлине был решен положительно¹⁰. 10 мая Покровский доложил на заседании Политбюро о составе делегации СССР на всемирном съезде историков в Норвегии (30 апреля этот вопрос рассмотрело Оргбюро)¹¹.

Покровский, назначенный председателем Комиссии по составу советских делегаций на «Русскую историческую неделю» в Германии и на VI Всемирный конгресс историков в Норвегии, стремился, чтобы в нее вошли не только члены ВКП(б), но и беспартийные, известные за рубежом ученые. В частности, он добился в «директивных инстанциях» положительного решения о включении в советскую делегацию в Германию академика С.Ф.Платонова. 24 июня последний счел своим долгом «довести до сведения» Президиума АН СССР, что им «получена за подписью т. Покровского телеграмма с извещением, что Германское общество изучения Восточной Европы просит меня прочесть доклад на русской исторической неделе в Берлине, начало которой – 7 июля. При этом т. Покровский сообщал, что тема доклада представляется моему выбору, и просил, в случае моего согласия, сообщить мою тему т. Воронову по адресу: СНК СССР.

Вследствие этого извещения я телеграфировал сегодня утром т. Воронову предложенную мною тему: “Проблема Русского Севера в русской историографии”...»¹². Несмотря на опасения С.Ф.Платонова, что власти «поведут дело так, что я “опоздаю”» на «Неделю» (об этом он писал Д.Б.Рязанову)¹³, его поездка в Германию состоялась. Выступление известного русского ученого было с интересом встречено западными коллегами.

Подводя итоги «Исторической недели» в Берлине, Покровский писал: «Открытие выставки достижений русской исторической науки за советское десятилетие и серия докладов на тему, возникшие и разрабатывавшиеся в этот период, знаменуют возобновление того научного общения в этой области, которое возникло давно и длилось столетиями»¹⁴.

Успешным было участие советских ученых и на VI Всемирном конгрессе историков, состоявшемся 14-18 августа 1928 г. Один из членов советской делегации С.М.Дубровский много лет спустя вспоминал: «Я был на конгрессе в Осло и в частной обстановке много приходилось встречаться с Покровским. В Осло он делал доклад об экономических предпосылках образования царского самодержавия, а я делал доклад о крестьянском движении 1917 года.

Мы выходили с заседания конгресса и нам вручили карточку: “Министр двора его величества приглашает вас явиться на чашку чая”. Нельзя его обижать, придется поехать к королю, не пообедав. По дороге мы вели дискуссию, целовать ли ему ручку или нет, и решили – нет, не целовать, и достаточно было на него посмотреть, чтобы понять, что наше решение было правильно.

Мы выпили по чашке чая, неудобно было хватать со стола вкусные вещи. Потом М.Ник подошел ко мне и спросил: “Вы, вероятно, тоже не обедали, пойдемте в ресторан и пообедаем”. А, надо сказать, там чудесно готовят лососину, это у них национальное блюдо.

М.Н., смеясь, рассказывал, что король в разговоре с ним восклицал: “Я ведь тоже историк и давно марксист”. Что подразумевал король под этим словом “марксист”, сказать трудно»¹⁵.

Приглашение советских ученых во главе с Покровским в Берлин и Осло имело важное значение, в определенной мере способствовало преодолению изоляции советской исторической науки от развития мировой историографии. В то же время Михаил Николаевич в одном из писем профессору Стэнфордского университета (США) Ф.А.Голдеру выражал опасение, что для международной научной кооперации «пока существует ряд препятствий, устранить которые не зависит ни от Вас, ни от меня, ни вообще от каких бы то ни было ученых в мире»¹⁶. Эти строки свидетельствуют, что он скептически оценивал перспективы сотрудничества советских и зарубежных историков в тот период. Виной тому была быстро ухудшавшаяся идеологическая атмосфера в СССР в условиях утверждения сталинского режима. Одним из ее проявлений стала ожесточенная критика в середине 1930 –х гг. исторической концепции Покровского, объявление ее антиленинской, антибольшевистской, немарксистской.

Покровский–историк был «реабилитирован», да и то частично, только после смерти Сталина. Характерно, что в 1955 г. советские ученые впервые после долгого перерыва приняли участие в международном конгрессе историков в Риме. В последующие годы связи советских и зарубежных ученых неуклонно расширялись. Однако в полной мере интеграция российской исторической мысли в мировую историографию происходит лишь на современном этапе ее развития.

¹ См.: «Праздник просвещения и науки» Приветствие академика А.С.Лаппо-Данилевского к 100–летию Берлинского университета. 1910 г. /Публикатор А.А.Чернобаев // Исторический архив. 1998. № 1. С. 143–146.

² Подробнее см.: Чернобаев А.А. М.Н.Покровский и зарубежная историография // Россия и русистика новейшего времени: Материалы международной конференции памяти А.А.Фурсенко (1927–2008). 4–5 июля 2009 г. СПб, 2010. С. 60–69.

³ См.: Pokrovskii M.N.: 1) Historische Aufsätze. Ein Sammelband. Wien; Berlin, 1928; 2) Pages d'histoire: La méthode du matérialisme historique appliquée à quelques problèmes historique's concrets. Paris, 1929; 3) Geschichte Russland von seiner Entstehung bis zur neuesten Zeit. Leipzig, 1929; 4) History of Russia. N.Y., 1931; 5) Brief History of Russia. N.Y., 1933.

⁴ АРАН. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 248. Л. 19.

⁵ Там же. Д. 238. Л. 4.

⁶ Там же. Д. 46. Л. 1–1об.

⁷ Там же. Д. 238. Л. 8–8об.

⁸ Там же. Л. 1.

⁹ См.: Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б). Повестки дня заседаний. Т. 1. 1919–1929. Каталог. М., 2000. С. 598.

¹⁰ Там же. С. 602. На этом же заседании Политбюро был рассмотрен вопрос «Об участии представителей СССР на конгрессе американистов».

¹¹ Там же. С. 611.

¹² Академик С.Ф.Платонов. Переписка с историками: В 2 т. Т. 1. Письма С.Ф.Платонова, 1883–1930. М., 2003. С. 270.

¹³ См. там же. С. 270–271.

¹⁴ Покровский М.Н. Выставка советских исторических книг и документов в Немецкой Академии Наук // Правда. 1928. 15 июля.

¹⁵ АРАН. Ф. 1759. Оп. 4. Д.

¹⁶ Там же. Д. 25. Л. 25.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ НАРОДОВ РОССИИ

Не отрицая приоритета классового подхода к событиям и фактам истории, сохраняя приверженность формационной концепции развития общества, нельзя не отметить большие различия в исторической судьбе огромного числа племен, народов, наций, стран и целых континентов. Делить народы на «исторические» и «не исторические» начали отнюдь не представители одного из политических движений XX в. Занимались этим и основоположники классового подхода, создатели теории социально-экономических формаций Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Двигало их при этом не стремление принизить роль и значение какой-либо нации в истории, а стремление дать конкретно-исторический анализ той или иной ситуации, складывавшейся на европейском театре взаимодействия и взаимоотношений государств, наций и народностей. Некоторые современные социологи в связи с этим предъявляют К. Марксу и Ф. Энгельсу обвинения в русофобии и, шире, - отрицании позитивной роли славянских народов в истории¹. Исключение делалось, как известно, только для поляков. Да и Ленин, следуя в фарватере идей Маркса, писал не просто об особой роли поляков для развязывания революции в Европе, но об особой революционности польского дворянства - шляхты. Действительно, в работе вожда мирового пролетариата «О праве наций на самоопределение» можно прочесть такие строки: «Известно, что К. Маркс и Фр. Энгельс считали безусловно обязательным для всей западноевропейской демократии, а тем более социал-демократии, активную поддержку требований независимости Польши. Для эпохи 40-х и 60-х годов прошлого века, эпохи буржуазной революции Австрии и Германии, эпохи «крестьянской реформы» в России, эта точка зрения была вполне правильной и единственной последовательно-демократической и пролетарской точкой зрения. Пока народные массы России и большинства славянских стран спали еще непробудным сном, пока в этих странах не было самостоятельных, массовых, демократических движений, шляхетское освободительное движение в Польше приобретало гигантское, первостепенное значение с точки зрения демократии не только всероссийской, не только всеславянской, но и всеевропейской»². Основоположник русско-го марксизма Г.В. Плеханов в годы Первой мировой войны предпочел классовому анализу национально-государственный подход к оценке геополитической ситуации. Г.В. Плеханов в годы войны безоговорочно верил в «вину держав Центральной Европы»³. Ленин и Плеханов, как и прежде Маркс и Энгельс, не боялись упреков в отступлении от «классического марксизма», требующего всегда и везде прибегать к классово-социальному или формационно-прогрессивистскому анализу конкретных ситуаций.

Народы, населявшие гигантские просторы нашей страны, играли в разные периоды ее истории различную роль. Начнем с самого большого, государствообразующего народа – русского. Он, как известно, политиками, государственными деятелями и учеными разделялся на три большие ветви: великороссов, малороссов, белорусов и ряд более мелких субэтносов, таких, например, как русины, жившие в Закарпатье, полешуков, обитавших в украинском и белорусском Полесье и ряд

других. Время от времени относили себя к отдельному субэтносу казаки. Особенно это касалось донского и кубанского казачьих войск и, в меньшей степени, всех прочих. В 1920-1930 гг. в эмиграции оформилось движение «вольное казачество», ставившее задачу создания отдельного казачьего государства на войсковых территориях.

Второй по численности и значению в истории славянской нацией в России всегда были украинцы. Надо сказать, что вплоть до второй половины XIX в. термин «украина», этимологически идентичный термину «окраина» как обозначение территории проживания особого народа, не применялся. Для определения населения той части Российского государства, которая присоединилась (или воссоединилась) Великороссией в 1654 г., использовался термин «малороссы». История той части Древнерусского государства, которая в силу исторических обстоятельств вошла в состав Великого княжества Литовского, а затем в результате ряда уний стала частью Польши, а точнее, Речи Посполитой, всегда рассматривалась русскими историками как история одной из частей русского народа. Идея единства восточнославянских народов сохранялась не только в «великодержавной» Москве, но и в Киеве, Львове и других городах Западной Руси. Большинство населения этих территорий продолжало исповедовать православие. Церковные иерархи продолжали считать главой церкви Московского патриарха. Более того, церковно-культурный обмен идеями и кадрами был весьма интенсивен. Причем, выходцы с Украины играли важную роль в формировании идейной базы Русского православия. Достаточно вспомнить Феофана Прокоповича. Выходцы из Западной Руси очень часто становились основателями новых монастырей и обителей.

Создание после революции 1917 г. независимого Украинского государства также прошло несколько стадий. Была, как известно, Украинская народная республика, гетманская власть П. Скоропадского и Украинская советская республика. Возникшая и вошедшая в состав СССР на правах учредителя-основателя в СССР Украинская советская социалистическая республика включала в себя так называемый Новороссийский край – территорию, вошедшую в состав России в результате русско-турецких войн XVIII в. с Одессой, и Молдавскую автономную социалистическую республику. Более 20 млн. украинцев оставались за пределами своего государства в Польше вплоть до осени 1939 г. Украина в границах 1991 г., когда распался СССР, была далека как от исторических границ обитания восточнославянских народов, объявивших себя украинцами, так и от территориальных притязаний выразителей интересов украинского народа, создавших в 1917 г. УНР. Ни Новороссия, ни Крым никогда не включались украинскими националистами в состав своего государства. Зато они претендовали на Кубань и часть Воронежской и Белгородской областей. Та страна, которая называлась Украинской советской социалистической республикой, была создана советской властью, украинской и российской властью. Она включила в свой состав как исконно украинские земли Левобережья, так и часть земель, входивших в состав Всевеликого войска Донского, Новороссийский край с Одессой, населенный не только украинцами, но и этническими русскими. Была включена в состав Советской Украины после войны и Закарпатская область, населенная венграми и русинами, не считающими себя украинцами.

Ликвидация Польского государства в конце XVIII в. и вхождение значительной части ее территории в Российскую империю привело к появлению помимо «польского» еще и так называемого «еврейского» вопроса. В результате раздела Польши между тремя монархиями значительная часть восточноевропейского населения стала подданными России. Надо сказать, что это обстоятельство добавило головной боли российским властям, как местным, так и центральным. Власти, отметим, относились к еврейскому вопросу весьма серьезно⁴. Коснулся этой темы и А.И. Солженицын⁵. Книга описывает историю еврейского народа в Российском государстве. Часть I охватывает период с 1795 по 1916. Соответственно, вторая часть посвящена послереволюционной истории взаимоотношений русского и еврейского народов. Проблема эта весьма сложная и осложнена массой приводящих обстоятельств. Последний польский передел в 1795 году привел под православные своды России уже почти миллионное еврейское население Литвы, Подолии и Волыни. Постепенно для обеих общин вопрос встал так: произойдет их "великое скрещение" или нет?

Уже на нашей памяти, СССР был первой в мире страной по численности еврейского населения, на втором месте шли США и только на третьем - Израиль. Эти соотношения поколеблены лишь в самом конце XX века. Постфактум приходится признать, что на целых два столетия России выпало не просто дать приют народу-изгнаннику, а взять на себя ответственность за сохранение его великой древней культуры, национальной и религиозной идентичности, - точь-в-точь, как когда-то эта роль выпадала Египту, Ассирии и Вавилону, затем, поочередно, Испании, Германии с Польшей. Справилась ли Россия с этой исторической миссией?

Солженицын отвечает цифрами. За 114 лет, с 1800-го по 1914-й, еврейство под русской короной выросло от 820 тысяч до свыше 5 миллионов, при этом отдав эмиграции (в США) более полутора миллионов, - итак, восьмикратный рост. За 90 лет XX века численность еврейского населения в России опять «наверстала» эти утраченные полтора миллиона, то есть, фактически, всю "американскую эмиграцию" перед Первой мировой войной, и достигла 5 миллионов 250 тысяч. Итак, рост - в 3,5 раза. Притом, что население СССР даже с приобретением новых областей выросло только в 2,5 раза. Так какой же "тюрьмой народов" была царская и даже Советская Россия? Солженицын опровергает этот гуляющий по мировой историографии термин, я бы сказал, именно "по-солженицынски", насколько не смягчая своих критических оценок и старой, русской, и бывлой, советской, и нынешней, российской национальной политики. Подсчеты А.И. Вдовина и А.С. Барсенкова, помещенные в их учебнике, лишь уточняют некоторые особенности (а у какого народа их нет?), положения еврейского населения в СССР. Напомним, что профессора МГУ привели данные о процентном соотношении числа евреев среди жителей в стране и их процента в органах государственной власти⁶.

По численности, второй в России после славян в России была группа тюркоязычных народов. Крупнейшим тюрко-язычным народом современной России продолжают оставаться татары. В свое время, вплоть до революции 1917 г., практически все тюрко-язычные народы Европейской России и Кавказа имели наименование «татары». Среднеазиатские тюрки имели свои особые этнонимы. Так, например, современные казахи назывались киргизами и только впоследствии полу-

чили свое нынешнее название казахи. В истории взаимоотношений татарского и русского народов, татар, как Казанских, так и Крымских, и Астраханских, и Сибирских, и Российского государства были в прошлом весьма непростые моменты. Сначала, как мы знаем, северо-восточная Русь входила в состав татарского государства – Золотую орду. При этом русский народ испытывал всю тяжесть феодальной эксплуатации и национального порабощения. Нельзя при этом не отметить, что завоеватели с Востока принесли на Русь элементы более высокого уровня организации экономической жизни. Название многих денежных единиц, да и само слово «деньги» происходят от тюркских прототипов. Этот факт является свидетельством более высокого уровня развития товарно-денежных отношений в Золотой орде, нежели в Древнерусском государстве. В Киевской Руси деньги в форме чеканных монет «златники» и «сребреники» играли скорее пропагандистскую роль, нежели служили реальным средством обмена. Вместе с татарами на Русь пришли упорядоченное налогообложение, которому предшествовала непростая по тем временам операция – всеобщая перепись населения. С этого времени в политическом арсенале русских правителей появляется такое действенное средство, как маневрирование между Востоком и Западом.

За освобождением Руси от так называемого «монголо-татарского ига» последовала своеобразная реконкиста, то есть теперь уже завоевание частей распавшегося татарского государства, присоединение его осколков: Казанского, Астраханского, а затем и Сибирского ханств к Российскому государству. Свои государства некоторые части татарского этноса получили только после революции 1917 г., правда, в форме автономных, а не союзных республик. В СССР существовали две татарские автономии: Татарская автономная социалистическая республика со столицей в Казани и Крымская автономная республика в составе РСФСР. Последняя была скорее русской, нежели татарской автономией, поскольку большинство населения Крыма было русским. В 1944 г. татарское население Крыма было депортировано в Среднюю Азию. В 1954 г. Крымская автономия была ликвидирована, а полуостров вошел в состав Украинской Советской Социалистической республики в качестве Крымской области со столицей в Симферополе. Сейчас автономия Крыма в составе Украины восстановлена, а татарское население возвращается и энергично заявляет о своих исторических правах.

Крупнейшим из западноевропейских народов, живших и отчасти еще продолжающих жить на территории России, были немцы. Российских немцев можно разделить на несколько групп, различающихся по их роли в истории, времени появления на территории Российского государства, сословной и классовой принадлежности. В столице Российского государства Москве издавна существовало компактное поселение иностранцев – так называемая Немецкая слобода. Следует, однако, отметить, что вплоть до XVIII в. немцами в России называли всех западноевропейцев, а не только выходцев из Германии. При Петре I Российский правящий класс был существенно пополнен немцами, как в широком, так и в узком смысле этого слова. Воцарение Анны Иоанновны, герцогини Курляндской, ознаменовалось большим притоком Прибалтийских немцев, потомков тевтонских рыцарей, а в рассматриваемое время, в большинстве своем, помещиков средней руки, нещадно эксплуатировавших крестьян, местных жителей, то есть латышей и эстонцев.

Служба при Петербургском дворе сулила гораздо больше выгод, нежели прозябание в собственных «мызах» или служба при дворах немецких властителей: курфюрстов и даже королей. Процент прибалтийских немцев был высок среди российской правящей бюрократии на всем протяжении существования Российской империи. Среди выходцев из Прибалтики было и немало отважных путешественников, военачальников, ученых, педагогов и т.п. Достаточно вспомнить Крузенштерна, Беллинсгаузена, Врангеля. Немало было на русской службе как военной, так и гражданской, выходцев из собственно Германии. Стоит вспомнить, что одним из наиболее прославляемых монархов была Екатерина II, чистокровная немка, до замужества София, принцесса Ангальт-Цербская. Именно в ее царствование в разных частях России стали появляться немецкие колонии, населенные крестьянами и ремесленниками. Наиболее крупные из них располагались на Средней Волге, Украине и Северном Кавказе. После революции немцы были первым народом России, получившим статус национальной автономии в форме Коммуны Немцев Поволжья. Произошло это в 1918 г. В 1924 г. была создана автономная республика Немцев Поволжья. Ликвидирована она была в августе 1941 г. Все ее граждане были переселены в восточные районы СССР – Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию. К сожалению, попытки воссоздать автономию на Волге, предпринимавшиеся в 1990-е годы, успехом не увенчались. Это обстоятельство явилось одной и немаловажной причиной массового отъезда российских немцев на историческую родину в Германию. Отъезд этот, несомненно, ухудшил качественный состав граждан Российской Федерации.

¹ См., например, Кара-Мурза С.Г. Маркс против русской революции. М., 2008.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.25. С. 297.

³ Бэрон С.Х. Г.В. Плеханов – основоположник русского марксизма. СПб, 1998. С. 408.

⁴ Миндлин А.Б. Правительственные комитеты, комиссии и совещания по еврейскому вопросу в России в XIX- начале XX в.// Вопросы истории. 2000. № 8.

⁵ Солженицын А.И. Двести лет вместе. 1795-1995. М., 2001.

⁶ История России. 1917-2009.

В.С. Волков

СОТРУДНИЧЕСТВО СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК КАК ПРЕДПОСЫЛКА И УСЛОВИЕ УСПЕШНОГО ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В СССР (1920-1930-е гг.)

Уровень социально-культурного развития народов, вошедших в 1922 г. в состав СССР, был очень разным. Прямое сопоставление уровня культуры отдельных народов некорректно, так как в разных цивилизациях структура и качество культуры неодинаковы. Сравнение допустимо лишь по некоторым универсальным показателям (наличие письменности на родном языке, уровень образования, количество специалистов коренной национальности и их доля в составе этноса и др.)

В Российской империи сложились некоторые традиции использования единого государственно-политического пространства в интересах распространения образования народов страны, хотя и имевшие на себе следы русификаторской политики (использование только русского языка в государственных учебных заведениях профессионального обучения, преподавание гуманитарных дисциплин с упором на историю русского народа, русскую культуру и т.д.). Вследствие этого представители нерусских народов, получавших, хотя и в небольшом количестве, светское высшее и среднее специальное образование, были, как правило, носителями двух культур – своей национальной и русской. Это помогало им осуществлять посредническую миссию в культурном взаимодействии народов России, в том числе и в развитии образования. В среде демократической интеллигенции дореволюционной России утвердились нормы межнациональной толерантности, негативное отношение к проявлениям национализма, которые тоже имели место в этой среде.

Установление в результате Октябрьской революции советской власти, рабоче-крестьянской по своей сути, создание советского многонационального государства, вначале РСФСР, а затем СССР, коренным образом изменило взаимодействие народов страны. Оно формировалось под определяющим воздействием национальной политики правящей Коммунистической партии и советского государства. Для нее были характерны нацеленность на достижение фактического равенства наций, на всемерное развитие национальных культур, в том числе всех звеньев образования, на использование возможностей единого централизованного государства, его экономического и культурного потенциала в интересах всех народов, развитие их сотрудничества и взаимной помощи, а также мобилизация возможностей русского народа, прежде всего, русской интеллигенции, на оказание помощи другим народам. Экономической основой такой политики была государственная собственность на средства производства, а правовой – конституционные нормы советского многонационального государства. Главным инструментом реализации политики сотрудничества народов был партийно-государственный аппарат, который в последние десятилетия нередко именуют административно-командной системой. В тех условиях, в которых налаживалось сотрудничество советских республик (отсутствие у многих народов достаточно количества образованной молодежи, способной самостоятельно поступить в высшие и средние специальные учебные заведения в крупных городах, языковой барьер, затворничество женщин у некоторых народов, нехватка средств у родителей, недостаточное количество преподавателей, особенно коренных национальностей и т.д.), использование административно-командных методов решения проблемы национальных кадров было вынужденным, но оправдавшим себя. В тоже время их нельзя абсолютизировать, идеализировать, с одной стороны, и демонизировать, с другой стороны.

Советская власть использовала разные формы и методы организации сотрудничества народов СССР в развитии высшего и среднего специального образования и формирования национальной интеллигенции. Этому служило рациональное, с точки зрения социально-экономической и национальной политики, размещение по республикам создаваемых вновь и расширение созданных ранее учебных заведений. В 1920-х годах новые высшие и средние учебные заведения в ранее отстававших регионах создавались с помощью правительства РСФСР и научно-педа-

гогических кадров Российской Федерации. Налаживалось сотрудничество союзных и автономных республик между собою. Так, в связи с отсутствием возможности создать в Белоруссии институт искусств в Москве был создан институт для белорусской молодежи, в Ленинграде – институт киноискусства. Окрепнув, они перебазировались в Минск. По просьбе правительства Туркменистана на территории Узбекистана были созданы Туркменский институт просвещения и сельскохозяйственный техникум. В столице Узбекистана – Ташкенте был образован Таджикский институт просвещения, а в 1927 г. он был передан правительству Таджикской АССР с условием готовить учителей и для таджикских школ в Узбекистане.

Были созданы межреспубликанские по своему назначению учебные заведения с национальными отделениями – Среднеазиатский университет в Ташкенте, Восточно-педагогический институт в Казани, Азербайджанский нефтяной институт в Баку и другие вузы. В РСФСР и на Украине получили распространение национальные отделения при вузах и рабфаках с преподаванием на языках других народов, помимо русского и украинского. Так, в 1926-1927 учебном году только при рабфаках в РСФСР действовало 31 национальное отделение. Набор в крупные учебные заведения союзного и межреспубликанского значения осуществлялся на основе разверстки мест между республиками и бронирования мест для молодежи разных национальностей с предоставлением общежития. Это открывало ей путь к профессиональному образованию. Широко использовался обмен преподавательскими кадрами между республиками. Большие заслуги в подготовке национальных кадров имели посланцы Москвы и Ленинграда.

Положительные результаты сотрудничества народов СССР в подготовке специалистов были достигнуты уже в первое десятилетие советской власти. В 1927 г. в техникумах и вузах соответственно обучалось русских 105,1 тыс. и 94,5 тыс., украинцев – 21 тыс. и 24,6 тыс., белорусов – 4,5 тыс. и 4,9 тыс., узбеков – 3,6 тыс. и 0,5 тыс., казахов – 2,5 тыс. и 0,3 тыс., грузин – 5,7 тыс. и 4 тыс., азербайджанцев – 5,7 тыс. и 1,9 тыс., киргизов – 0,4 тыс. и 0,1 тыс., таджиков – 0,3 тыс. и 0,1 тыс., армян – 3,6 тыс. и 3,4 тыс., туркмен – 0,6 тыс. и 0,1 тыс., молдаван – 0,1 тыс. и 0,2 тыс.¹ В составе студентов были представлены также и народы автономных республик и областей РСФСР. Так, в 1928 г. в техникумах и вузах в РСФСР обучалось соответственно: башкир – 881 и 81, бурят – 174 и 69, удмуртов – 871 и 168, евреев – 6896 и 14061, калмыков – 153 и 32, коми – 341 и 240, марийцев – 867 и 115, немцев – 999 и 719, татар – 5691 и 239, чувашей – 1726 и 619, якутов – 442 и 41, горцев Кавказа – 709 и 601.²

В годы первой и второй пятилеток масштабы подготовки специалистов во всех республиках резко выросли, а сотрудничество их стало более эффективным. В 1937 г. в стране обучалось в вузах 547244 человек, в техникумах – 862450 человек.³ На этом фундаменте в последующие десятилетия у каждого народа сформировалась своя, национальная интеллигенция. В 1975 г. из 22796 тыс. дипломированных специалистов, занятых в народном хозяйстве, насчитывалось 14017,5 тыс. русских, 3587,4 тыс. украинцев, 758 тыс. белорусов, 450,7 тыс. узбеков, 312,4 тыс. казахов, 337,6 тыс. грузин, 287,6 тыс. азербайджанцев, 240,8 тыс. литовцев, 128,6 тыс. молдаван, 127,3 тыс. латышей, 73,2 тыс. киргизов,

80,8 тыс. таджиков, 317,5 тыс. армян, 71 тыс. туркмен, 104,4 тыс. эстонцев, а также представители всех других наций и народностей СССР.⁴

Возникновение крупных отрядов национальной интеллигенции было показателем движения народов СССР к фактическому равенству. Но в каждой республике состав специалистов был многонациональным. Их объединенный интеллектуальный потенциал стал достоянием всех народов СССР, и они использовали его на общее благо.

Наличие национальной интеллектуальной элиты позволило бывшим советским республикам после 1991 г. сравнительно быстро создать свои суверенные государства. В рамках СНГ ряд государств, заинтересованных в объединении усилий, стремятся создать общее образовательное и культурное пространство на основе модельных законов, принятых межпарламентской ассамблеей СНГ. Лучшим агитатором за объединение их усилий служит опыт СССР в организации сотрудничества народов, подсказывающий правильные решения и предостерегающий от повторения ошибок.

¹ Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах. Стат. сб. М., 1957. С.283

² Там же.

³ Культурное строительство СССР. Стат. сб. М., 1940. – С.119, 129.

⁴ Народное образование, наука и культура СССР. Стат. сб. М., 1977. С.296.

Т.М. Смирнова

ГУМАНИТАРНЫЕ АСПЕКТЫ АДАПТАЦИИ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ В РФ

Проблема адаптации мигрантов в инокультурной городской среде вырвалась на авансцену социально-политической жизни в начале XXI в. как в Европе, так и в РФ, в ходе процессов глобализации. На постсоветском пространстве эта проблема актуализирована также в связи с системными последствиями распада СССР. Жупел миграционной угрозы используется, прежде всего, в политических целях, но основан на распространенных в обществе предрассудках, негативных стереотипах и страхах, связанных с ксенофобией разной степени тяжести, а также на усиливающихся этнонационализме и идеологическом напоре РПЦ. В то же время необходимо признать, что наплыв трудовых мигрантов представляет реальный вызов этнокультурному пространству русскоязычных территорий и городов, прежде всего, по языку, конфессиональной принадлежности и бытовым традициям.

Опасение утраты культурной идентичности неадекватно ситуации, но настолько непривычно, что вызывает повышенную этническую мобилизацию. Неурегулированность вытекающих из этого обстоятельства коллизий, вкупе с социально-экономическими проблемами (демпинговая оплата труда мигрантов, криминогенность и коррумпированность псевдыки бизнес – трудовая миграция, уровень за-

болеваемости среди мигрантов) и политическими манипуляциями по канализации социального недовольства, усиливают агрессивный настрой российского общества в отношении «чужих». И одновременно отвлекают внимание общества от самого факта необходимости принятия мер по разрешению существующих противоречий.

Общество находится в ситуации «двойной ловушки» – несовместимости декларируемых официально толерантных норм и реальной политики в разных сферах социальной жизни. Несомненная необходимость в привлечении мигрантов (трудовых и переселенцев) в связи с негативными демографическими процессами, с одной стороны, и неприятие обществом их инакости, да и их самих – в качестве равноправных субъектов российского социума, с другой, – вот то непримиримое противоречие, которое питает сегодня этноконфессиональную напряженность в РФ.

Государство не ратифицирует Международную конвенцию о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (принята Генеральной Ассамблеей ООН 18 декабря 1990 г.), закрепляя, таким образом, второсортность трудовых мигрантов на законодательном уровне. Законы РФ не предусматривают для мигрантов страховых выплат по болезни, пособий по беременности и родам и др. социальных пособий. Создавая часть ВВП, мигранты не могут рассчитывать на пенсионное обеспечение в РФ. Эти легальные формы дискриминации еще более укрепляют мнение о мигрантах как людях «второго сорта». Власти не обеспечивают мигрантам защиту от злоупотреблений со стороны работодателей, агентств по трудоустройству и полиции. Российское общество в целом принимает эти формы эксплуатации трудовых мигрантов: «понаехали», «а что они хотели?» Такой циничный подход к людям, в труде которых объективно нуждается страна, способствует разложению общественной морали, как важнейшего стресса человеческого общежития.

Несомненно, РФ в настоящее время остается экономически притягательной для многих постсоветских стран. Но жизнь показала, что одного экономического магнита мало для решения комплекса социокультурных проблем на постсоветском пространстве. Нужна культурная совместимость, следует ликвидировать уже возникший цивилизационный разрыв. Сохранение культурной притягательности, не говоря уже о культурном доминировании, требует культурной экспансии. Стратегическим решением этой проблемы является всемерное культурное сотрудничество РФ со всеми государствами на постсоветском пространстве, независимо от их членства в СНГ, продвижение русского языка и оказание помощи в его изучении, привлечение молодежи в российские высшие учебные заведения. Образование – это воспитание друзей нашей страны, проводников российского культурно-исторического кода. Необходимо сохранить исторически сложившиеся цивилизационные и гуманитарные связи для нового сближения стран и народов.

Не менее важным является адаптация в социокультурном пространстве РФ как для трудовых мигрантов, так и для постоянного нового населения. Для этого необходимы курсы «ликбеза» по основным параметрам истории, культуры и законов страны. Претендующие на получение российского гражданства должны подтвердить знание этих основополагающих реалий. Однако требование сдавать экзамены по русскому языку и литературе, истории, основам государства и права России, лицам, всего лишь временно работающим в РФ, является чрезмерным, не-

обоснованным и утопичным. Немногие «коренные» граждане РФ сдадут удовлетворительно все эти экзамены;

Иммигранты – переселенцы, новое население – являются важным демографическим ресурсом РФ, мотивированы на аккультурацию и адаптацию, для чего им необходимо оказывать всевозможное содействие на *государственном* уровне. Одной из важнейших задач в этом процессе является овладение русским языком. Необходимо разработать и неуклонно внедрять систему обучения русскому языку инофонов – детей и взрослых. Обучение должно быть обязательным, бесплатным, доступным, научно обоснованным и методически оправданным. Нужны учебники для детей и взрослых, специальная подготовка учителей, дополнительная учебная работа с детьми в детских садах и школах.

Обучение русскому языку трудовых мигрантов должно стать общим делом государств выхода и РФ, как принимающей стороны. Рассчитывать в этом деле на работодателей – значит заранее обрекать его на провал. Уровень обязательного овладения русским языком должен быть определен, исходя из реальных условий пребывания трудовых мигрантов в РФ, а не завышен до степени носителей языка и тем более – до уровня знания классической русской литературы.

Но не менее важным и необходимым является адекватное восприятие мигрантов российским обществом. Мигрант – не раб и не враг, а участник нашей экономической жизни. Недостойно великому народу, заслужившему славу отзывчивого на чужую беду, самоутверждаться за счет слабого, вымещать свои обиды на зависимом. Так недалеко и до появления комплекса неполноценности. Следует все же выйти из «двойной ловушки», когда и хочется, и колется. Реальный путь – сотрудничество, прежде всего, в культурном гуманитарном пространстве.

О.К. Цапиева

ТРАНСФОРМАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ДАГЕСТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕПЯТСТВИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ

Основные генетические признаки и текущие значения параметров региональной системы по-разному оказывают влияние на ее устойчивость. Генетические признаки региональной системы, включающие, по мнению автора, исторические и национально-культурные, трудовые традиции народа, экономические отношения (действующие длительное время и, следовательно, представляющие инерционную структуру экономики) являются фундаментом устойчивости. Разрушение части данных параметров может привести к частичному или полному разрушению устойчивости.

В настоящее время все более необходимым становится комплексное решение проблемы снижения социальной напряженности и обеспечения условий для устойчивого развития на основе обеспечения развития гуманитарного, культурного развития человека и использования исторически традиционных свойств трудовых ресурсов в сочетании с модернизацией.

Вопросы трансформационной модернизации поведения этнических групп населения, самоорганизующихся и через традиционные, и через рыночные институты, влияние этих групп на гуманитарное, социальное, политическое и экономическое развитие региона являются одной из самых актуальных проблем современного Дагестана.

Трансформирующееся общество в Республике Дагестан можно охарактеризовать следующим образом.

Во-первых, его характеризует неустойчивость. Во всякой системе в процессе функционирования постоянно происходят различные изменения. Но они выступают в качестве своеобразных средств реализации целей, свойственной данному обществу, способов приведения ее в устойчивое, т.е. равновесное состояние. Переходные процессы часто не просто временно нарушают устойчивость системы с тем, чтобы через другие изменения система вернулась в равновесное, устойчивое состояние. Изменения развития носят "безвозвратный" характер и призваны усилить неустойчивость существующей системы с тем, чтобы итогом постоянно происходящих изменений стало постепенное замещение старой системы новой.

Во-вторых, для трансформирующегося общества важнейшим свойством является альтернативность. Альтернативность вытекает из самой природы трансформации, где перемешаны элементы старого и нового состояний, а также множество факторов, воздействующих на процесс развития в этот период. Вследствие этого, итоги развития переходных систем могут быть различны. Альтернативный характер перехода в особенности крайне важно учитывать в случаях, когда общество имеет возможность оказать то или иное влияние на процесс перехода, с тем, чтобы попытаться обеспечить наиболее благоприятный, оптимальный для него вариант.

В-третьих, для трансформирующегося общества характерно появление и функционирование особых форм и особых противоречий. Данные противоречия - это противоречия не функционирования, а развития, т.е. противоречия старого и нового, противоречия различных отношений, разных этносов, социальных слоев и т.д.

Ведущую роль в трансформирующихся переходных процессах занимают неэкономические факторы развития. Реализация той или иной программы реформ заключается в определенном регулировании переходных процессов в заранее заданном направлении на основе сознательно разработанных программ реформирования общества. Качественные изменения осуществляются на объективной основе, но субъективными методами.

Трансформация общественных отношений во многом зависит от национальной окраски трансформационных процессов. На выбор той или иной модели трансформации оказывают сильное влияние интересы и цели, которые ставят местные элиты.

Устойчивые стереотипы трудового поведения дагестанцев сложились в прошлом в процессе постоянного регулирования земельных отношений многими поколениями дагестанцев. Долгое время неотъемлемой частью образа жизни жителей Дагестана являлись аграрно-производственные традиции. Они складывались на протяжении веков под воздействием социально-экономических,

культурно-религиозных, демографических факторов и находили свое выражение в обыденном сознании в качестве стереотипов трудового поведения через обычаи, обряды, ритуалы, аграрные праздники, институты социализации и взаимопомощи.

Состояние хозяйства и его отраслей зависели не только от географического окружения поселения, не только от ландшафта конфигурации, но и от юридического права на обладание окрестной территорией, от конфигурации политической карты каждой общины или союза общин. Территориальный принцип был незыблем. Столкновения между джамаатами (общинами) и их союзами из-за перехода скота на чужую территорию были едва ли не самой распространенной причиной межаульных, часто кровавых столкновений, переписки с апелляцией к старейшинам и духовным лицам и т.д. Характерно, что не материальный урон, прежде всего, имелся в виду при нарушениях правил пограничной пастьбы, а принципиальный запрет на переход границы.

Агрокультурное террасирование индивидуализирует труд по каждому из объектов. Но индивидуализация здесь неотделима от кооперации, но более высокого порядка, чем непосредственная корпорация совместного труда¹.

Под влиянием указанных хозяйственных факторов в целом сложились такие особенности поведения дагестанцев как необычное сочетание индивидуализма и корпоративности. Стремление к свободе, защите традиционных ценностей, к успеху в индивидуальном труде выработали установку к личному преуспеянию в освоении сфер экономической деятельности и создали личность, находящуюся в творческом поиске. С другой стороны, опора на общество, на выработанные определенным коллективом правила поведения, на родственные связи - все это породило необходимость органических связей с определенным коллективом. Эту особенность личности дагестанца необходимо обязательно учитывать в характеристике современных отношений.

Несмотря на большое значение сельского хозяйства в жизни населения республики, вопросы земельных, аграрных отношений остаются неурегулированными, постоянно порождая угрозу возникновения территориальных конфликтов, которые могут выражаться в форме межнациональных. В нескольких случаях такие конфликты становились реальностью. Конфликты были погашены совместными усилиями органов государственной власти, местной администрации и представителей национальных движений. Однако нет гарантий, что территориальные споры вновь не повторятся.

Значительная часть их связана с отсутствием и неурегулированностью механизмов взаимоотношений землевладельцев и землепользователей, нерешенностью задач привлечения к этому органов местного самоуправления.

Дагестан в силу определенных исторических, социально-политических и культурных обстоятельств, представляет собой наиболее традиционалистский регион в составе Российской Федерации. Традиционность региона становится все более очевидной в контексте мировых процессов глобализации и тех масштабных модернизационных задач, которые ставит сегодня перед собой Россия. Многие коренные проблемы современного Дагестана - клановость, низкий уровень промышленного производства, стратегическая ставка на вливания из федерального бюджета - во многом обусловлены преобладанием традиционалистских практик.

Если большинство российских регионов, пусть и не без осложнений, но постепенно интегрируются в новую модернизационную модель развития, то Дагестан, как и Северный Кавказ, стоит в этом смысле особняком.

На наш взгляд, вполне допустимо использовать имеющийся в мировой и отечественной науке вопрос о модернизации традиционалистского, прежде всего, исламского мира в условиях глобализации для анализа соотношения модернизма и традиционализма в развитии Дагестана в начале первого десятилетия XXI века.

Проблемам модернизации в указанном контексте существенное внимание уделяет С. Хантингтон. По его мнению, отторжение традиционалистских обществ от всех тех интегрирующих и унифицирующих тенденций, которыми изобилуют глобализационные процессы, «связано с безнадежной задачей изолировать общество от охватывающего его современного мира». С другой стороны, абсолютная модернизация связана «с одной и болезненной задачей уничтожения культуры, которая просуществовала на протяжении веков, и установления на ее месте совершенно новой культуры, импортированной из другой цивилизации». Наконец, «третий выбор - попытка скомбинировать модернизацию с сохранением центральных ценностей, практик и институтов родной культуры общества»².

Крупный исследователь данной проблемы Б. Ерасов выделяет три основных варианта взаимодействия традиционности и модернизации. Первый вариант - это «симбиоз прежнего достояния и заимствований», предполагающий минимальное воздействие, при котором поддерживается относительно независимое сосуществование традиционного и современного. Второй вариант предполагает ситуация противостояния между модернизацией и традиционностью, в результате чего происходит распад традиционности кризис традиционной культуры под воздействием имитаторской модернизации, вызывающей ответную реакцию протеста. Третий вариант - это «синтез наследия и заимствований», предполагающий сочетание лучшего из обоих миров³.

По нашему мнению, на сегодняшний день Дагестан еще не выбрал ни один из этих путей. Но следует подчеркнуть, что происходит не распад традиционности, напротив, еще большая ее консервация. Усиливается приверженность к местной культуре.

Традиционность как идеальное воплощение реальной исторической действительности относится к прошлому, по этой причине все последующее историческое развитие Западом рассматривается как деградация, а сама идея развития (модернизации) воспринимается негативно (хотя и происходит использование ее результатов в жизненной практике), так как предполагается, что чем дольше будет развиваться история, тем больше деструктивных элементов будет имплантировано в идеальную качественную определенность традиционности.

Можно констатировать наличие вялотекущего процесса интеграции северокавказского региона в модернизирующееся российское социокультурное и цивилизационное пространство, отставание Дагестана от многих других регионов по включенности в модернизационные процессы. Понимание ключевых проблем Да-

гестана, причин хронической неудачи модернизационного развития региона невозможно без учета общих тенденций и противоречий эволюции современного глобализирующегося мира. Знаковой тенденцией эпохи стало противоречие между современным и традиционным, секулярным и религиозным.

В Дагестане традиции не только не сдаются, но становятся еще более значимыми. Религиозный компонент социокультурного пространства не только не находится в состоянии кризиса, но его значение возрастает с каждым годом. Коллективные формы идентичности не только не распадаются, но происходит их упрочение. Движение в противоположные стороны, очевидная асимметрия и дисгармония в развитии, углубляющиеся культурно-цивилизационные провалы становятся все более заметными.

Тем не менее, современность заставляет традиционалистские общества в значительной степени учитывать фактор развития. Определенная часть дагестанцев, искренне желая сохранить свои традиции, сделали ставку на современность, инновационный тип развития и понимают необходимость тем или иным образом усваивать новые формы, неизбежно привносимые модернизационным развитием. Особенно это характерно для жителей городов и сельских территорий, сохранивших рыночное поведение.

Стоять на позиции тотального неприятия перемен не представляется возможным, поскольку мир, становясь все более взаимозависимым и взаимосвязанным, предполагает в качестве важнейшего момента своего бытия конкуренцию между различными культурно-цивилизационными системами. В этой борьбе сохраниться могут только те сообщества, что обладают всей совокупностью новейших технологий и средств жизнедеятельности. Становится все более очевидным, что без модернизации в современном мире обойтись невозможно, понимание чего и в исламском мире присутствует достаточно отчетливо.

Существенным моментом традиционализма дагестанцев является приверженность к исламу. Постепенная модернизация исламских традиционалистских обществ, могла бы пойти достаточно далеко, если бы не откровенно провокационная и делающая ставку на различные формы насилия политика современной западной цивилизации по отношению к ряду государств исламского мира.

Все больше обращает на себя внимание то обстоятельство, что общие проблемы непростого взаимодействия Запада и исламского мира накладывают серьезный отпечаток на взаимоотношения России и Дагестана, в которых Россия все чаще мыслится как часть западного культурно-цивилизационного ареала, а Дагестан - как часть исламского мира.

На наш взгляд, вполне допустимо использовать имеющийся в мировой и отечественной науке вопрос о модернизации традиционалистского, прежде всего, исламского мира в условиях глобализации для анализа соотношения модернизма и традиционализма в развитии Дагестана в начале первого десятилетия XXI века.

Столкнувшись с откровенно западноцентричным вариантом построения нового мирового порядка, традиционалистские цивилизации и общества начинают

видеть в процессах модернизации непосредственную угрозу своим принципам и ценностям и собственному бытию как таковому. В частности, мусульмане полагают, что модернизация неизбежно ведет к утрате ими конфессионально-культурной идентичности, к тотальной зависимости от Запада. Такого же мнения придерживаются и дагестанцы. Однако, не смотря на существенные препятствия, в Дагестане возможен вариант модернизации как «симбиоз прежнего достояния и заимствований», предполагающий минимальное воздействие, при котором поддерживается относительно независимое сосуществование традиционного и современного. Одним из существенных обстоятельств такого варианта развития является наличие существенных слоев светского общества, позволяющего поддержать и сохранить непреходящие духовные ценности, которые составляют суть человеческой и национальной культуры.

Шансы на реализацию подобной модели были бы достаточно высоки, если бы не провокационная, откровенно делающая ставку на грубую силу внешняя политика США и ряда других стран западного мира. В итоге, в исламском мире (это касается также и Дагестана и Северного Кавказа), господствует восприятие модернизационных процессов как насильственной экспансии враждебной западной цивилизации в идеальный порядок исламского мира, что активно используется радикалами-исламистами для решения своих политических задач. В частности, идеология ваххабизма, являющаяся основой деятельности террористического подполья на Северном Кавказе, концентрируется на моменте глобального противостояния «подлинных мусульман» и «безбожного Запада», понимаемого как «абсолютное зло». Подобные идеологемы находят отклик у населения, что существенно искажает социокультурное пространство.

Республика Дагестан к началу периода демократических преобразований унаследовала от прошлого целый комплекс противоречий и конфликтов в сфере межэтнических отношений. В процессе распада СССР и реформирования социально - экономической системы многие конфликты из латентного состояния переросли в открытые, возникли новые зоны противостояния и напряженности. У людей усилился социально-психологический дискомфорт, что привело к усилению внутринациональных связей, появлению и активизации народных движений по этническому признаку.

Возникновение и функционирование ряда общественно-политических и национальных движений стало фактом этнополитической действительности. Заметным фактором стала консолидация на этнокорпоративной основе, что является признаком политизации кланов, тухумов и социальных групп.

В условиях, когда у всех народов республики оказались беспокоящие их проблемы, снизить накал противоречий в межэтнических отношениях и стабилизировать общественно-политическую ситуацию в республике можно было бы на путях мирного и согласованного разрешения существующих проблем. Этнополитических конфликтов в чистом виде, как правило, бывает мало. Но вместе с тем этнический компонент присутствует во многих разновидностях конфликтов,

потенциал его «переливается» из одной конфликтности в другую. В Дагестане развитие конфликтов и их разрешение в таком русле и происходило. В советский период они зародились как социальные, а затем переросли в этнополитические. Работа государственных органов и общественности в этот период была построена с учетом реальных возможностей разрешения конфликтов.

Интересы сохранения гражданского мира, политической стабильности, государственного единства Республики Дагестан требуют проведения продуманной национальной политики, учитывающей потребности и запросы всех народов Дагестана.

¹ Агларов М.А. Сельская община в нагорном Дагестане в XVII-начале XIX веков. М., 1988. С. 240

² С.Хаттингтон. Столкновение цивилизаций. М., 2003

³ Ерасов Б.С. Цивилизация: универсальность и самобытность. М., 2002.

М.А. Агларов

ДАГЕСТАН КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ ОБЛАСТЬ КАВКАЗА

В экстремальных условиях обезлесения и эрозии почв следствия «неолитической революции», которая документирована на Восточном Кавказе Чохским поселением¹, «борьба за жизнь» означала «борьбу за землю», которая в Дагестане будет продолжаться все последующие восемь тысячелетий, то есть вплоть до нашего времени. Освоенная и перестроенная непрерывной деятельностью человека территория, стала фактором формирования нового сознания горца. Она становится собственностью общин «более высокого порядка»¹.

Хозяйственная деятельность населения в течение многих тысячелетий видоизменила ландшафт Горного Дагестана. Террасирование полей приняло повсеместный характер и огромные масштабы. Территория стала собственностью общин, и союзов общин. Она, в правосознании обладателей больше существовала как юридическое свойство, укрепляла гражданское сознание каждого из ее совладельцев. Одновременно такие естественно-культурные комплексы, как террасированный «*мегъ*», будучи результатом деятельности общины, в то же время диктовали, закрепляли и консервировали структуру общины, превратив последнюю в по-своему законченную, отработанную, но мало податливую новым переменам систему. огромные пространства в единый организм, функционирование которого всецело зависело от взаимосвязанной оросительной сети². Разрушение ее какого-нибудь звена могло привести и приводило к кризису всей системы гидравлики, включая и саму цивилизацию. Напротив, горное и горно-долинное орошение и террасирование полей были пространственно разграниченными, а оросительные системы – автономными и адаптированными к техногенному ландшафту. Общест-

венные структуры были также «запрограммированы» на автономность. Это особо важный момент, отличающий Средиземноморье и Кавказ от Восточных цивилизаций. Дуальная структура территории (частные и общие земли, рукотворные и естественные объекты, их пространственное взаиморасположение), методы эксплуатации, диктуемые дуализмом, отражались в социальном и культурном «бытии», в правосознании, на структурных связях внутри обществ.

Античная форма собственности на землю (дуализм: общественная – частная), как исходное состояние, корнями своими восходящее к эпохе бронзы и сложившиеся на этой базе автономные общественно-политические мини-образования, оттеснили этничность на «край ареала», что привело к разрыву древних этнических полей. В албанский период и в последующем, вплоть до нового времени, в Дагестане не были известны крупные этносы, как современные лезгины, даргинцы или аварцы. Но все они делились на множество мини-политических образований, с полным набором составляющих и свойств, присущих автономным политиям или гражданским общинам. Даргинцы делились на конфедерации: Акуша-дарго, федерации Каба-дарго, Уцмий-дарго, и город-государство Кубачи. Ранним этническим названием даргинцев, похоже, было *сирхи* или *сюреги* по одноименному обществу. Во всяком случае, таковыми они были известны соседним народам еще в начале XV века⁴.

Этнический фактор как субъект «исторической активности» перестал существовать, предположительно, еще в начале нашей эры, после возвышения и укрепления гражданских общин и их союзов, как доминантных форм политических устройств в Дагестане. Речь идет о разрушении первичных этнических полей гражданскими новообразованиями типа джамаатов, их союзов и конфедераций. В новых условиях неизбежно перемещение сознания идентичности и его новая архитектура, соответствующей административному федерализму и правовому строю. Разрывы общедагестанского этнического поля с потерей его древнего этнонима *леги*, если на начальных этапах и происходило, как принято полагать, в условиях пространственного разобщения и межплеменной инфоизоляции, то решающим фактором этноязыковой дифференциации в последнее тысячелетие становятся возвысившиеся общины и их союзы. Отражением данного процесса можно считать смену древней формы *этноидентичности* как субъекта, скажем, исторической активности, на нейтральную в этом плане, *лингвоидентичность*.

При исключительном малоземелье и множественности этнических образований, вооруженности, известной воинственности горцев, межэтнические конфликты, казалось, были бы не только неизбежными, но должны были бы стать печальной повседневною. В действительности мы имеем обратную ситуацию межнациональной толерантности. Ни один народ в Дагестане не вел войны против другого народа. Этнический фактор как субъект «исторической активности» перестал существовать, предположительно, еще в начале нашей эры, после возвышения и укрепления гражданских общин и их союзов, как доминантных форм политических устройств в Дагестане. Речь идет о разрушении первичных этнических полей *гражданскими новообразованиями типа джамаатов, их союзов и конфедераций. В новых условиях неизбежно перемещение сознания идентичности и его новая архи-*

текстура, соответствующей административному федерализму и территориальному и правовому строю.

Отсутствие этнических территорий и национальных границ «компенсировалось», так сказать, наличием территориальных владений на правах собственности конкретных обществ и их союзов, куда и переместился полигон конфликтов, что могло стать угрозой «войны всех против всех». Соответственно, конфликтные ситуации возникали не между этносами, *а между конкретными обладателями территорий - между теми или иными сельскими общинами, независимо от их этнической принадлежности.* Полигон конфликтов из этнических полей, которые как говорилось выше, были разрушены (расстроены) возвысившимися гражданскими общинами, переместился в межобщинные пограничные зоны. Конфликты между общинами возникали постоянно и повсеместно из-за взаимных «пограничных» претензий на владения или нарушения границ пастбищ скота на чужой территории. Но не только, многие бывшие отселки совместно с другими владевшие территорией отпочковывались, образуя свои территориальные владения. Стремление к равенству не только граждан, но и статута общин по отношению друг к другу было характерно локальным сообществам, они стремились к сепарации, что также приводило к конфликтным ситуациям (передел территорий ит.д.). Формы и механизмы разрешения конфликтов, как и факторы, порождавшие их, были за пределами обычной бытовой культуры и этнической солидарности, а в сфере законов, соглашений и установок, что оговорено в ряде старинных кодексов. Конфликты, особенно военные действия одних обществ против других, пересекались санкциями общинного права. Сказанное не значит, что конфликты были прекращены. Речь о том, что решение конфликтов было переведено на правовое поле.

Соблюдение границ и владение территориями (де-факто) в Дагестане оставалось и неизменным при всех самых радикальных социально-экономических политических переменах и реформах за последние два столетия принципом. В имамате Шамиля территориальные владения обществ были защищены местными законами. Шамиль оставил территориальные владения общин в неприкосновенности. Он создавал государственные земли *байтулмал* из других источников. Российские власти также оставили положение вещей неизменным, хотя умалчивали право общин на территории, в то же время не оспаривали его. Они также создавали казенные земли из отдельных источников. За общинами, по-прежнему, оставались их территории. Советы, хотя и все земли были объявлены государственными, также отказались от попыток перераспределения земель и изменения территориальных границ по экономической целесообразности и социальной справедливости, так как любые попытки изменить границы вызывало протесты сельчан вплоть до восстаний. *Современное углубление реформ по муниципальному праву на территории происходит и, можно прогнозировать, будет происходить, при сохранении статус-кво на границы традиционных территориальных владений.*

Исторические корни межэтнической толерантности в Дагестане, таким образом, находят себе фундаментальное объяснение в «территориальной устроенности» и соответственной правовой защищенности реалий и полной индифферентности этнического фактора в территориальном и в правовом обустройстве старо-дагестанского общества.

¹ Амирханов Х. А. Чохское поселение: человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. М., 1987

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч.1. С. 465

³ Wittfogel K. Oriental Despotism. New Haven, 1957.

⁴ Tardy L. The Caucasian Peoples and Their Neighbors in 1404 // Acta Orient. Hung. T. XXXII. Faze 1. Budapest, 1978. С. 110.

Т.К.Муслимов, Н.Т.Муслимова

ЕДИНСТВО ДАГЕСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В истории Дагестана не известен ни один факт межэтнических войн или стремления этносов доминировать друг над другом. Здесь на территории в 30 тыс. кв. км. представлявшей в основном горы, проживало более чем 30 народностей со своими языками и диалектами, принадлежавшие к кавказской, тюркской и индоевропейской языковым семьям. В феодальную эпоху тут было около 30 феодальных образований, более 60 «вольных обществ». ¹ Феодальные образования воевали друг с другом, совершались набеги, но эти столкновения не перерастали в межэтнические войны, многочисленные разные этносы вели себя как единый народ.

Единство, при всей сложности межэтнического общения в условиях гор, при очень слабых коммуникациях реально проявлялось в ходе борьбы с иноземными нашествиями хазар, арабов, Тамерлана, турок, Надиршаха. Последний, прозванный «Грозой вселенной», проявлял по отношению к Дагестану особую агрессивность. Лично возглавлял неоднократные походы. И здесь он в 1742 году был разбит со своей сотысячной армией, где все население тогда составляло около 400 тысяч человек. К единству дагестанские народы склоняла национальная черта - непокорность чужеземному игу.

Единой представляла эта земля и ее люди еще перед древними греческими и арабскими путешественниками, они называли ее страной гор (Дагестан) и горой языков. Видный русский историк и ученый В.Л. Величко писал: «Если человеку с сердцем симпатичны мусульмане-азербайджанцы, то жители Дагестана еще более вызывают сочувствие. В них много истинного благородства: мужество, верность слову, редкая прямота. Самый поверхностный взгляд на дагестанцев убеждает в том, что они – люди с достоинством». ²

Есть ли научное объяснение феномену дагестанского единства, который многих удивляет? Да, есть.

Фундаментальные основы дагестанского единства состоят в следующем:

1. Дагестанские народы живут, в горных условиях. Согласно общепризнанной теории Л.Н. Гумилева: у этносов вырабатывается стереотип поведения, адаптированный к ландшафту проживания. У дагестанских этносов, живущих с древности в горах выработался общий, единый стереотип поведения, в результате которого они ощущали себя близкими друг другу. Внутри такого сообщества войны исключаются. *Организационной формой адаптации дагестанских народов повсеместно явились самоуправляемые джамааты.* ³ *Джамааты явились* столь адекватной адаптацией, что они себя сохранили и функционируют до сих пор, пройдя через феодализм, социализм и капитализм. Джамааты объединялись отчасти в «вольные общества» функционировали везде и в феодальных образованиях. Джамааты явились доминантой фундаментальных основ единства. Они выработали также единую для всех этносов *социально-экономическую и коммуникационно-информационную систему-самоуправление, куначество и гостеприимство.* ⁴

2. Общность происхождения.

3. Общность исторических судеб.

4. Распространенность межнациональных браков. Еще в феодальную эпоху такие браки были распространены. Повсеместно правители в политико-экономических целях прибегали к заключению междинастических браков, что также сближало феодальные сообщества.

5. Население в феодальных образованиях не было мононациональным: смешанное проживание для Дагестана было характерно с давних пор.

На почве фундаментальных основ у дагестанских народов выработался общий менталитет, отличающийся привлекательностью. Это сближало с горцами те народы, которые проживали на равнине. Л. Гумилев называет это комплиментарностью (ощущение подсознательной взаимной симпатии).

Благодаря естественноисторическому единству малочисленные дагестанцы отражали агрессии великих держав.

В 20 веке было проведено 2 съезда народов Дагестана. На первом съезде в 1920 году дагестанцы создали единую автономную республику; на втором съезде в 1992 году сформулировали принципы совместного проживания в условиях смены общественного строя: «Дагестан - един и неделим»; «Дагестан - в составе России»; «У народов Дагестана есть проблемы, решать их надо совместно». На основе этих принципов был сохранен мир, единство и согласие в республике.

Третий съезд (2010 г.) продемонстрировал единство народов перед возникшей угрозой экстремизма и терроризма.

Сегодня важнейшей задачей современного дагестанского общества является сохранение и укрепление фундаментальных основ единства, выработанные предками. То, что мы едины, что «мы - дагестанцы», не только по географии, а по этнонациональной сути, в своих научных сочинениях доказали наши видные ученые А.Н. Дибиров, А.А. Магомедов, М.М. Магомедханов, М. А. Абдуллаев и другие.

В предисловии к монографии «Народы Дагестана» директор Института этнологии и антропологии РАН академик В.А. Тишков дал следующую характеристику Дагестану: «Республика Дагестан – один из самых уникальных регионов не только России, но и всего мира с точки зрения этнокультурного многообразия проживающего здесь населения, сложности как историко-генетических, так и современных этнополитических проблем. При всем богатстве и уникальности культурной мозаики Дагестана, представленной в данной работе, можно в равной сте-

пени сказать, что это труд и о народе Дагестана, ибо в нем отражено внутреннее историческое, духовное и политическое единство населения этого региона.⁵ Полностью созвучна со сказанным и оценка нашего земляка профессора Р.Г. Абдулатипова: «Народы Дагестана не столько классические нации, сколько культурно-языковые составляющие единого дагестанского народа. Различий между нами меньше, чем общих, характерных, для всех черт. У нас, бесспорно, есть различные языки и элементы культуры, но при «едином миропонимании вещей». Это уже философское, психологическое, сущностное составляющее народа, нации в целом.⁶

Сейчас дагестанское общество подвергается трем разнонаправленным геополитическим влияниям: в духовном плане – возрождение ислама, влияние мусульманских стран; в экономическом – влияние Запада; в политическом и культурном – влияние федерального центра.

Важно определиться: какой вектор нам важен: исламский Дагестан с шариатским устройством, либеральный Дагестан с неясной политической определенностью или светский Дагестан в политическом, экономическом и культурном поле России. На наш взгляд, академик В.А.Тишков верно отмечает наиболее существенные черты современного Дагестана: «Со стороны может показаться парадоксальным, но это факт. Дагестан имеет сегодня больше всего мечетей и дает 80% паломников России, выезжающих в Мекку. И в то же время здесь сильны установки в пользу российской государственности».⁷ Что будет дальше? Это, наверное, зависит не только от Дагестана, но и от России.

¹ «Вольные общества» - союзы джамаатов

² Величко В.А. Кавказ: русское дело и межплеменные вопросы. С. Петербург. 1904. С.180.

³ Джамаат – модель гражданской общины в базисной части, то есть в земельно-правовых отношениях. Каждый джамаат располагал своей непременно обозначенной границами территорией, которая была ни просто пространством жизнеобеспечения, а являлась сформировавшейся в юридическом смысле собственностью джамаата. Свободный член гражданской общины был собственником своего земельного участка и одновременно являлся совладельцем всей территории (общинных пастбищ, сенокосов, лесов, имущества), на основании чего он из членов общины превращался в одного из ее суверенных правителей.

⁴ Кунаки – в условиях отсутствия гостиниц, учреждений общественного питания, горцы имели в каждом селе региона, где они вращались, постоянных гостей, которые по адату отвечали за безопасность кунака как члена семьи. В случае отсутствия кунака, старшина определял гостя к кому-нибудь из жителей.

⁵ Народы Дагестана. Под редакцией акад. Тишкова. М. 2006. С.5.

⁶ Дагестан на рубеже веков. М.2006. С.4-5.

⁷ Народы Дагестана. Под редакцией акад. Тишкова. М. 2006. С.6.

НЕМЕЦКИЕ КРЕСТЬЯНЕ В СИБИРИ: СТОЛКНОВЕНИЕ КУЛЬТУР И БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ

Поселившиеся на территории Нижнего Поволжья иностранные поселенцы (немецкие колонисты), начиная с 1875 г., были призваны Екатериной II не только ввести в хозяйственный оборот огромные территории на юге и востоке страны, но и остановить набеги кочевников. Силой судьбы вырванные из привычной социально-культурной системы, помещенные в инонациональное, инокультурное, инорелигиозное пространство России, они испытали на прочность собственную культуру и ее способность к взаимодействию с другими культурами.

Этническая, религиозная и культурная мозаичность Поволжья, складывавшаяся веками, объективно подталкивала к диалогу, и сегодня она диктует необходимость диалога культур, в основе которого лежит постоянное стремление понять себя, свою культуру путем познания другой культуры.

Первоначально контакты немцев с местным населением были очень редкими – сказывалось наличие языкового барьера, иные традиции и обычаи. В «Полном географическом описании нашего Отечества» В.П. Семенова отмечается, что «население поволжских колоний представляет как бы государство в государстве – совершенно особый и самодовлеющий мир, резко отличающийся от окружающего его русского населения по вере, языку, типу людей. По характеру построек, по одежде, по всему житейскому строю»¹. Более активное взаимодействие немецкого и русского этносов стало заметно в пореформенный период. Сыграло роль развитие торгово-экономических связей, распространение на немцев всеобщей воинской повинности. Главенствующее место в системе духовных ценностей народа и сохранении национальной идентичности отводилось школе, которая была конфессиональной и являлась ступенью к конфирмации².

Первой новацией колонистов было введение в сельскохозяйственный оборот, помимо известных в Поволжье сельскохозяйственных культур, таких как рожь, пшеница, выращивание подсолнечника, проса и т.д., широкое использование сложных сельскохозяйственных орудий.

Конец XIX – начало XX вв. был ознаменован кризисом сельского хозяйства в стране. Этот кризис коснулся и поволжских немцев: происходит дальнейшее обезземеливание и растет эмиграция.

К концу XIX в. в Саратовской губернии все острее чувствовался земельный голод, побуждавший брать землю в аренду, среди немецких колонистов распространяются эмигрантские настроения. Поэтому, как никогда, кстати пришлось начинание П.А. Столыпина, бывшего в период с 1904-1906 гг. губернатором Саратовской области. В это время окончательно сформировалась основная идея аграрной реформы – создание крепких единоличных хозяйств путем выделения их из общины. 9 ноября 1906 г. был издан указ о разрешении выхода крестьян из общины. Согласно ему, крестьяне в обществах могли в любой момент заявить об укреплении земель, которыми на тот момент они распоряжались в соответствии с последним переделом. Дополнением к закону 14 июня 1910 года был принятый обеими палатами 29 мая 1911 года закон о землеустройстве. В соответствии с ним

для проведения землеустройства не требовалось предварительного укрепления земли за дворохозяевами. Селения, где были проведены землеустроительные работы, автоматически объявлялись перешедшими к наследственно-подворному владению. Землеустроительные комиссии были наделены широкими полномочиями, и они использовались, чтобы насадить как можно больше хуторов и отрубов.

В первые годы проведения столыпинской реформы поселяне-немцы Поволжья отнеслись к ней достаточно инертно. Многие сельские общества предпочитали новому порядку традиционные формы хозяйствования. Лишь несколько селений рискнули перейти к наследственному владению землей, укрепив ее в личную собственность за всеми домохозяевами, но чересполосица при этом оставалась. Вместе с тем, и серьезной агитации против проведения реформы не отмечалось. Колонисты начали участвовать в землеустроительных работах с 1909 г. и стали активными проводниками реформы. Так, в Камышинском уезде показатели, характеризующие проведение реформы в уезде, складывались в основном из участвовавших в реформе немецких обществ. Первое укрепление земли, например, в Ротгаммеле состоялось 21 июля 1908 г.³ Пик реформы пришелся на 1909-1910 гг., когда 49 домохозяев укрепили свои земли. Из 250 хозяев на 1 сентября 1914 г. было принято 108 заявлений об укреплении земли, из которых 98 были удовлетворены⁴. В Вальтере укрепление земли шло не такими интенсивными темпами. Всего 22 человека получили укрепительные удостоверения. Перелом наступил в 1910 г., когда буквально в течение двух лет семь из восьми селений Илавлинской волости Камышинского уезда полностью перешли к отрубному хозяйству. В Линево-Озёрском обществе за 1906-1910 годы уехало в Акмолинскую область и Томскую губернию 119 мужчин и 114 женщин, а возвратилось назад 43 мужчины и 44 женщины, т.е. приблизительно 1/4 часть уехавших. В 1911 г. уже никто из села не собирался уезжать в Сибирь⁵. Прошение 74 семей немецких крестьян на имя полтавского губернатора рисует картину, которую увидели переселенцы, приехав на новое место в Кустанайский уезд Тургайской области: «...мы прибыли в июле и нашли наш участок без колодцев и необмежеванным, причем все сено было скошено местными киргизами, у которых нам и пришлось его покупать, в то время как заработков никаких нет, и мы проживаем свое состояние»⁶. На обращение к заведующему водворением был получен ответ, что гидротехнические работы проводятся по порядку. В итоге, на момент написания прошения – октябрь 1908 г. «разрешения строиться нет, пособий не будет до весны, наступают холода и мы, не образовав поселок, завели кладбище»⁷.

Вскоре поток переселенцев на восток России заметно уменьшился. Так, в 1914 г. желание переселиться изъявило только 176 семей из всей Саратовской губернии. Из Аткарского уезда 29 семей, Балашовского - 66, Петровского - 40, Саратовского - 74, Царицынского и Камышинского - по 7, Сердобского - 20⁸.

Во время проведения столыпинской реформы активизировалось переселение крестьян в Сибирь. Причинами его были: для государства – необходимость развития региона, для крестьян – экстенсивный характер развития земледелия, а также недостаток земельных площадей в европейской части России. Сами крестьяне рассматривали данный шаг как один из шансов улучшить условия жизни. Это понимал и П.А.Столыпин. В записке П.А.Столыпина и А.В.Кривошеина о результатах

поездки в Сибирь и Поволжье подчеркивалось, что «...как не велико государственное значение переселения в смысле охраны границ, подъема жизнедеятельности окраин, вовлечения их в общий хозяйственный оборот страны, смягчения аграрных затруднений в Европейской России – но люди, живые люди, делающие в массе своей переселенческое дело, идут в Сибирь, ломая старую жизнь и строя новую, каждый в отдельности, не для того, конечно, чтобы облегчить аграрные затруднения или послужить оплотом русской государственности на окраинах; их цель – выгоднее, лучше устроиться в Сибири, чем жилось им на родине»⁹.

Оторванное от привычной социокультурной среды, оказавшись в незнакомом краю, в иных природно-климатических условиях, вынужденное существенно скорректировать свои хозяйственные занятия, славянское население обостренно ощутило свою русскость. Оказавшись вдали от родины, русские переселенцы, как и в европейских заокеанских колониях, спешили закрепить за собой новое пространство, обозначая его привычными именами православных святых, русских героев, а то и просто перенося старые названия на новые места (Новокиевки, Полтавки, Черниговки, Московки и т.д.)¹⁰. Идентичное поведение продемонстрировали и немецкие крестьяне. Для них Родиной были поселения на Волге, Крыму. На новых местах выходцы из Саратовской, Самарской, Полтавской губерний предпочитали называть основанные ими поселки названиями своих прежних поселений. В целом анализ географических названий сибирских селений абсолютно безошибочно показывает их прежние места расселений.

После переезда в Сибирь немецкие крестьяне придерживались традиционных методов хозяйствования, опробованных еще их предками. Немецкие крестьяне, приехавшие из Поволжья, привезли с собой общинную систему земледользования, а из южных губерний – хуторскую, отрубную¹¹.

Поволжские крестьяне поначалу не придерживались определенной системы земледользования, а пахали землю свободно по захвату. Но через некоторое время, с увеличением количества жителей, они пришли к мысли о необходимости нормировать землевладение. Обычно на одну душу мужского пола приходилось 5 дес. земли. Пашенные угодья, как правило, разбивались на несколько частей, в зависимости от качества земель, их удаленности от поселений. Эти части в свою очередь разбивались на полосы по количеству наделных душ. В результате пашня одного хозяина оказывалась в нескольких полях. Благодаря этому удавалось достигнуть определенного равноправия в наделении землей¹².

Немцы в Сибири устроились немного лучше, чем русские и украинцы. Хельмут Ангер, посетивший немецкие поселения Сибири в 1926 г., так описал типичную немецкую деревню Шиллинг: «широкие прямые улицы, частично покрытые травой с маленькими деревянными или глиняными домами. Все хозяйства имеют сарай или конюшню, или и то и другое. Сено было сложено большой копной под крышей, чтоб к нему не добрался скот. Перед многими домами были небольшие садики с деревьями и цветами»¹³.

Таким образом, все группы переселенцев с переездом в Сибирь увеличили обеспеченность землей. Надо заметить, что еще на родине немцы были лучше обеспечены землей, чем русские и украинцы. Эта тенденция сохранилась и в Сибири, более того, выравнился социальный состав немецких переселенцев. Если на

родине 16 % немецких крестьян вообще не имели земли, то в Сибири таких хозяйств стало в 5 раз меньше. При этом возросло количество хозяйств, имевших свыше 6 дес. пашенной земли. Если на родине их было 42,4 %, а в Сибири эти показатели равнялись 67,95 %. Кроме того, данная таблица показывает, что основная масса тех, кто выехал с родины и устроился в Сибири, составляли крестьяне малоземельные или безземельные (у русских – 85,7 % всех устроившихся, у украинцев – 87 %, у немцев – 55,9%). Это отражает общую тенденцию увеличения удельного веса сельской бедноты среди переселенцев. При этом основная масса их имела хоть какие-то наделы, а не являлась безземельной¹⁴. Как заметило земство Полтавской губернии, изучая переселения крестьян во второй половине XIX в. «Переселение идет не оттуда, где нужда велика, а где от нее могут бежать, продав свою землю, что возможно лишь при размерах 3-9 десятин на двор»¹⁵.

Обеспеченность переселенческих хозяйств скотом также показывает схожую тенденцию в немецких хозяйствах по сравнению со всеми остальными. Так, у русских крестьян на одно хозяйство приходилось 10,4 голов скота, у украинцев – 12,62, немцев – 14,43 голов скота. 98,5 % немецких переселенцев через 4-7 лет имели собственный дом.

Сельскохозяйственные машины имели 13,51 % немецких хозяйств в Сибири. Эти показатели также были выше, чем у других национальных групп: у русских – 3,9 %, украинцев – 6,83 % хозяйств.

Немецких переселенцев отличал более высокий уровень бытовой и производственной культуры. Русские чиновники отмечали, что почти во всех селах были школы, построенные за счет самих переселенцев, во многих - хлебозапасные магазины, на общественные деньги общества содержали учителей и фельдшеров¹⁶.

Сибирский исследователь П.П.Вибе выделяет следующие факторы, позволившие немецким переселенцам лучше устроиться в Сибири:

- более высокая материальная обеспеченность немецких переселенцев (русская семья при переселении обычно имела – 75,92 руб., украинская – 115,22 руб., немецкая – 159,59 руб.);

- наличие крупного рогатого скота;
- рациональное использование трудовых и денежных ресурсов;
- национальные черты немецких переселенцев – трудолюбие, бережливость, аккуратность.

В этом же ряду можно назвать и более высокий уровень грамотности среди переселяющихся немецких крестьян по сравнению с другими национальностями. Это позволяло переселенцам использовать новые достижения в сельскохозяйственном производстве. Показателем хозяйственной активности стало развитие кредитной и сельскохозяйственной кооперации в немецких колониях Поволжья¹⁷ и перенесение этой практики в сибирские районы.

При этом необходимо учитывать, что немецкие крестьяне были готовы занимать неудобные для земледелия земли. В телеграмме заведующего переселенческим делом в Акмолинском районе фон Штейна Степному генерал-губернатору от 16 августа 1908 г. с просьбой о разрешении занять участки Сулу-куль и Ащи-куль

в Омском уезде, прямо говорилось: «никто более не соглашается занять эти отдаленные степные, с легкими почвами участки»¹⁸.

Еще более наглядный пример представляло собой заселение немцами Кулундинской степи. Так, в записке ГУЗиЗ по поводу заселения этой территории было сказано: «В самом начале заселения Кулундинской степи земский агент Вашкевич в статье, написанной в Известиях областной земской переселенческой организации, указал на непригодность Кулунды для заселения. По мнению Вашкевича, Кулундинская степь по климатическим и по почвенным условиям должна была занять «самое незавидное место среди других частей Алтайского округа»... Вся громадная площадь до 700000 десятин была буквально расхватаана переселенцами, причем часть её в виду отрицательного отношения к Кулунде учреждений, направляющих ходачество по отзывам земской агентуры, попала в руки не русских крестьян из малоземельных местностей, а немцев-колонистов – из Екатеринославского и Таврической губерний»¹⁹.

Умение немецких крестьян лучше устраиваться на новом месте, было замечено чиновниками, занимающимися переселением крестьян. Так, при описании немецких переселенческих поселков в Кулундинской степи прямо указывалось, что наиболее «культурную и зажиточную часть населения Кулундинской степи представляют немцы, особенно, меннониты...»²⁰.

Столыпинская реформа в немецких обществах имела несколько особенностей: пик активности немецких крестьян пришелся на 1910-1914 гг., т.е. тот период, когда в русских селениях реформа притормозилась; более широкий охват населения среди колонистов по сравнению с русским населением; немецкие крестьяне в отличие от русских выходили на отруба и хутора целыми селениями, среди русских крестьян только отдельные домохозяева изъявляли желание выделить свою наделную землю.

Причины этого видятся в наличии более устойчивого хозяйства немецких крестьян по сравнению с русскими.

Правительство считало, что бывшие колонисты не нуждаются в помощи Крестьянского поземельного банка, т.к. достаточно обеспечены и землями, и деньгами для покупки земель. В связи с этим были введены неофициальные ограничения на покупку колонистами земель из банковских имений и при содействии самого банка. Для каждого такого случая требовалось специальное разрешение управления Крестьянского банка и министерства внутренних дел. Но, подобное настороженное отношение к колонистам было характерно в изучаемый период для верхних эшелонов власти. На местах же часто власти ходатайствовали о разрешении колонистам приобретать земли при содействии банка. С началом Первой мировой войны процесс переселения немецких крестьян прекращается.

Таким образом, в целом движение немецких крестьян в Сибирь было напрямую связано с крестьянской колонизацией окраин Российской империи. Немецкие крестьяне начали переселяться за Урал еще в конце XIX в. В то время они арендовали земли у Сибирского казачьего войска. В годы Столыпинской аграрной реформы это движение усилилось, но теперь крестьяне поселялись на казенных землях. Всего немецкие крестьяне основали в Сибири около 300 населенных пунктов. Разные группы немцев, привезли в Сибирь не только деньги, скот, но и свое пони-

мание ведения сельского хозяйства, свои традиции в обработке земель и землепользовании. Колонисты из Поволжья и в Сибири сохранили общину. Меннониты же, у которых на юге было подворное землевладение, в Сибири также придерживались этого вида землепользования. Немецкие крестьяне сумели лучше устроиться на новом месте по сравнению с русскими и украинцами.

Оказавшись в незнакомом крае, люди воспринимали свое прежнее место проживания как родину. Стремясь хоть как-то закрепить свою связь с родиной, а также идентифицировать себя на новом месте, немцы часто называли новые поселения названиями тех населенных пунктов, откуда они прибыли.

Немецкие крестьяне сумели лучше устроиться на новом месте по сравнению с русскими и украинцами. Они не только улучшили свое экономическое положение по сравнению с местом выхода, но и сравнивали его. Этому было несколько причин: более высокая материальная обеспеченность немецких переселенцев, высокий уровень грамотности, национальные черты. Все вместе это позволило им достаточно быстро, в течение жизни одного поколения, основать экономически сильные фермерские хозяйства, ориентированные на товарные отношения и специализировавшиеся на определенных, главным образом, зерновых культурах.

¹ Россия [под ред. В.П. Семенова]. СПб, 1901. Т.6. С. 158.

² Вашкау Н.Э. Школа в немецких колониях Поволжья 1764-1917 гг. Волгоград, 1998.

³ Список домохозяев, заявивших ходатайство об укреплении своих земельных наделов со времени издания указа 9 ноября 1906 г. по 1 января 1912 г. // Государственный архив Волгоградской области (далее-ГАВО). Ф.212. Оп.1. Д.164. Л.20.

⁴ Сведения об укреплении земли в личную собственность за время издания указ 9 ноября 1906 г. по 1 сентября 1914 г. // ГАВО. Ф.212. Оп.1. Д.164. Л.33.

⁵ Донесение волостного правления в Камышинскую землеустроительную комиссию от 1 февраля 1911 г. № 120. - ГАВО. Ф.220. Оп.1. Д.486. Л.9об.

⁶ Прощение Полтавскому губернатору от переселенцев Полтавской губернии. Копия [октябрь 1908 г.] Объединенный государственный архив Челябинской области (далее-ОГАЧО). Ф.И-13. Оп.1. Д.490. Л.376, 376об.

⁷ Там же.

⁸ Телеграмма Саратовского губернатора в Переселенческое Управление о желающих переселиться в 1914 году. (Общая цифра из телеграммы и подсчет по уездам не совпадают - Е.Р.). Государственный архив Саратовской области (далее - ГАСО. Ф.400. Оп.1. Д.817. Листы не пронумерованы.

⁹ Поездка в Сибирь и Поволжье. Записка П.А.Столыпина и А.В.Кривошеина. СПб, 1911. С.17.

¹⁰ Ремнев А. Вдвинуть Россию в Сибирь. Империя и русская колонизация второй половины XIX- XX вв. // Ab Imperio. 2003. № 3. С.150.

¹¹ См. подробнее: Малиновский Л.В. Социальная и хозяйственная история немецких колонистов в южной России (1762-1917). Барнаул, 2010. С. 189-193.

¹² Бетхер А.Р. Система землепользования у немцев-выходцев из Поволжья в Западной Сибири в конце XIX – начале XX века. // Немцы России в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности. М., 1999. С.82.

¹³ Anger H. Die Deutschen in Sibirien. Reise durch die deutschen Dörfer Westsibiriens. Königsberg Pr. 1930. S.14-15.

¹⁴ Розина Е.К. Столыпинская аграрная реформа в немецких колониях Саратовской губернии. Волгоград, 2005. С.140.

¹⁵ Цит. по: Якименко Н.А. О социальном составе крестьян-переселенцев в России 80-х годов XIX – начала XX века. // Отечественная история. 1993. № 1. С.179.

¹⁶ Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. Томск. 1913. Вып. 1. С. 168.

¹⁷ См. подробнее: Фурман Е.Л. Кооперативное движение в немецких колониях Поволжья. 1906-начало 1930-х годов. 2 изд., доп. Волгоград, 2011.

¹⁸ Немцы в Сибири. Сборник документов и материалов по истории немцев в Сибири 1895-1917. Составитель П.П. Вибе. Омск. 2000. С.108.

¹⁹ О заселении Кулундинской степи. 1911 г. // Немцы в Сибири. Сборник документов... С.167-168.

²⁰ Описание немецких переселенческих поселков в Кулундинской степи. 1913 г. // Немцы в Сибири. Сборник документов. С.188.

В.Ф. Солдатенко

СЪЕЗД НАРОДОВ В КИЕВЕ (8-15 СЕНТЯБРЯ 1917 Г.) И ПОИСК ПУТЕЙ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ В ФЕДЕРАТИВНОЕ ГОСУДАРСТВО

Съезд стал важной вехой в теоретическом обосновании планов превращения России, являвшейся в эпоху самодержавия централизованным государством и во многом остававшейся таковой до осени 1917 г., в федеративную демократическую республику.

Идея проведения такого форума принадлежала Украинскому национальному конгрессу (6-8 апреля 1917 г.), выработавшему концепцию Украинской национально-демократической революции¹. Избранный главой Центральной Рады М.С. Грушевский к этому моменту выдвинул и достаточно обстоятельно обосновал (хотя по форме это было сделано максимально популярно) в целом ряде научно-публицистических трудов концепцию достижения Украиной статуса широкой национально-территориальной автономии в будущей России, которая, по замыслу, должна была превратиться в демократическое государство.

Естественно, что даже с формальной точки зрения, какими бы убедительными и перспективными не представлялись абстрактно-теоретические планы переустройства России, без согласования позиций с другими народами, нациями, населяющими страну, они оставались бы лишь благими пожеланиями одной стороны. Поэтому вполне логичной явилась специальная резолюция конгресса, поручавшая Центральной Раде озаботиться консолидацией усилий в этом направлении.

После конгресса Центральная Рада не один раз в своих сессиях поднимала вопросы, касающиеся подготовки съезда народов². В первой же декларации Генерального Секретариата (правительства) от 26 июня 1917 г. выдвигалась задача «объединить работу всех национальностей России для борьбы за автономно-федералистический строй российского государства и для взаимопонимания украинцев на этих основаниях с другими национальностями. На первом плане стоит созыв съезда представителей народов и областей России и подготовка материалов для этого съезда»³.

Украинские политики предпочли бы созвать форум в Петрограде или Москве, однако после июльских событий и корниловщины пригласили желающих собраться в Киеве. Представительство оказалось следующим. Из 89 делегатов с правом решающего голоса было зарегистрировано 7 белорусов, 2 грузина, 11 евреев, 9 казаков (от Терского, донского, Амурского, Кубанского, Уральско-го, Забайкальского, оренбургского войск), 10 латышей, 9 литовцев, 6 молдаван, 3 россиянина, 10 татар, 5 турок, 5 тюрков (закавказских и закаспийских мусульман), 8 украинцев, 4 эстонец. С правом совещательного голоса на съезде присутствовали 6 поляков, отстаивающих идею независимости Польши⁴.

Согласно данным П. Милюкова, армяне, якуты, башкиры, калмыки, горские народы Кавказа и Дагестана прислали приветствия и наперед присоединились к решениям съезда⁵. В Киев прибыл представитель Временного правительства — председатель Комиссии по разработке областной реформы М. Славинский, а также многочисленные гости.

Тон на съезде задавали представители Украины, которые к тому моменту, очевидно, больше других поработали над теоретическими планами автономистско-федеративного переустройства России. Избранный почетным главой форума М. Грушевский в приветственной речи при открытии собрания подчеркнул: «Украинская общественность не представляет нового свободного устройства государства без федерации и никогда от этого лозунга не отступит», и «что идея федерации впредь будет служить народам путеводным компасом»⁶.

Согласно замыслу организаторов, съезд больше напоминал научно-теоретическую конференцию, нежели политическую акцию. На пленарное заседание были вынесены доклады, посвященные разным аспектам и проблемам федеративного развития: «Федерация в свете государственного права» (С. Гаевский), «О будущем федеративном устройстве России» (А. Вольдемар), «Об экономическом обосновании необходимости федерации» (Б. Борохов), «О кооперации центральных и краевых властей в будущей российской республике» (И. Маевский), «О государственном и национальном языке» (Б. Борохов), «Об обеспечении национальных меньшинств» (М. Шац-Анин), «О национально-территориальной автономии» (Н. Сиркин), «О принципах и проекте раздела России на страны (штаты)» (М. Кушнир), «Об отношении отдельных стран (штатов) к центральным органам федерации» (Ф. Лещенко)⁷.

В результате предметного обсуждения представленных докладов делегаты съезда пришли к практически единому мнению (это, в частности, засвидетельствовало голосование за резолюции) в главном, основном: дальнейший общественный прогресс каждого народа, не имеющего до переживаемого момента своей государ-

ственности, и всех их вместе зависит от превращения России в добровольную, демократическую федерацию.

В резолюции «О федеративном устройстве Российского государства» сохранились положения: «... Главным недостатком государственного устройства России как при старом строе, так и после революции, является чрезмерное сосредоточение законодательной и исполнительной власти... Республиканский строй может упрочиться только в федеративном государстве... Поскольку Россия состоит из многих народов, которые имеют большее или меньшее национальное самосознание, национальную культуру, историческое прошлое и в экономическом отношении они составляют отдельные своеобразные общности, единственной формой федерации является такая, которая создается на национальной основе... Россия должна быть федеративной демократической республикой»⁸. Для таких распыленных наций, как еврейская, предусматривалось право на экстерриториально-персональную автономию.

Отдельным постановлением съезд обосновал принцип национально-персональной автономии. Были приняты и решения относительно отдельных народов. Было признано необходимым издание Временным правительством актов об автономии Белоруссии и Латвии в их этнографических границах и о признании Литвы суверенным государством. Делегаты согласились с принципом особости казачества со всеми правами на его независимое существование.

Высказавшись за полную свободу всем языкам в частных отношениях, признав, что в автономных частях федерации должны определяться один или несколько краевых языков, а русский язык стал бы общегосударственным для сношения центральных органов и федеративных единиц, а также между автономными субъектами. Относительно школы, церкви и суда. Общегосударственный язык не должен иметь никаких преимуществ над краевыми языками⁹.

С целью завершения войны и заключения почетного мира съезд признал целесообразным реорганизовать специальные конференции по краевым реформам в специальный Совет национальностей при Временном правительстве для защиты интересов народов. Делегаты также высказались за созыв наряду со Всероссийским краевых Учредительных собраний.

Для разработки и воплощения в жизнь автономно-федеративного строительства было решено создать Совет народов (его председателем стал М.С. Грушевский), в состав которого вошли по 4 представителя от каждого народа, представители которого приняли участие в съезде. Этому органу разрешалось пополнить свой состав представителями других народов с наделением их всеми правами действительных членов Совета. Постоянным местом пребывания Совета народов был определен Киев, а печатным органом стал журнал «Свободный Союз» (в ноябре 1917 г. вышел его единственный номер).

Подытоживая, можно резюмировать.

Съезд народов явился довольно яркой и убедительной демонстрацией стремления угнетенных ранее народов искать совместный путь достижения взаимопонимания, сотрудничества, налаживания общей жизни на новых, федеративных началах. Думается, в данном случае есть определенные основания для того, чтобы считать съезд проявлением зарождающейся тенденции, которой суждено будет

позднее вылиться в объединительное движение, завершившееся созданием Союза ССР.

При общей оценке результатов работы форума, как преимущественно научно-теоретического феномена, нельзя не признать, что принятые им решения существенно повлияли на практику развития межнациональных отношений в постоктябрьский период, которые, в свою очередь, могут измеряться как на положительном, так и на отрицательном срезе, что составляет предмет отдельного разговора.

¹ Украинская Центральная Рада. Документы и материалы. В 2-х т. — Т. 1. — К., 1996. — С. 61.

² Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦДАВО України). — Ф. 1115. — Оп. 1. — Д. 13. — Л. 98; Д. 16. — Л. 13 об. и др.

³ 1917 год на Киевщине. Хроника событий. — Харьков, 1928. — С. 487.

⁴ Украинская Центральная Рада. Документы и материалы. — Т. 1. — С. 303-304.

⁵ Милуков П. История второй русской революции. — София, 1922. — Т. 1. — Вып. 3. — С. 100.

⁶ Украинская Центральная Рада. Документы и материалы. — Т. 1. — С. 289.

⁷ Солдатенко В.Ф. Українська революція. Історичний нарис. — К., 1999. — С. 304.

⁸ Украинская Центральная Рада. Документы и материалы. — Т. 1. — С. 307-308.

⁹ Там же. — С. 308-309.

Л.О. Кустова

**ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ШКОЛ НА СОХРАНЕНИЕ
ЭТНИЧЕСКОГО СВОЕОБРАЗИЯ МАЛЫХ НАРОДОВ И
НАЦИОНАЛЬНЫХ ГРУПП В СОВЕТСКОЙ РОССИИ В УСЛОВИЯХ
МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО РЕГИОНА. 1917 – середина 1930-х гг.
(на материалах Ленинградской области)**

Сохранение этнической самобытности каждого народа относится к числу важнейших общечеловеческих ценностей. Эта проблема всегда была актуальна в России, т.к. с момента возникновения государства у восточных славян оно функционировало в полиэтнической среде. Русское государство не ставило целью полную ассимиляцию народов, находившихся под его властью, напротив, предоставляло возможность им сохранять свою этническую самобытность, хотя всемерно поддерживало миссионерскую деятельность Русской православной церкви, насаждавшей православие среди нерусских народов, а в новое и новейшее время, вплоть до 1917 г. русификаторскую политику. На утрату самобытности народов влияли и объективные факторы: миграция населения, интернационализация общественной жизни, межнациональные браки и т.д.

Проблема сохранения малых народов была унаследована от императорской России советской властью. Но она продемонстрировала, особенно в 1920—начале 1930 гг., принципиально новый подход к ее решению. Рассмотрим судьбу малых народов и национальных групп в многонациональном регионе на материалах Ленинградской области, в основном в ее современных границах.

Население Ленинградской области было чрезвычайно пестро в национальном отношении. К моменту ее образования в 1927 г. на данной территории (по данным переписи населения 1926 г.) проживало около 6 млн. 400 тыс. чел., из них русских почти 5 млн. 800 тыс., а 605 тыс. чел. составляли представители более 30 различных нерусских национальностей.¹ Таким образом, почти десятая часть населения области (9,5 %) относилась к национальным меньшинствам. При этом в Ленинграде проживали около 223 тыс. чел. представителей разных этнических групп, а вне Ленинграда - 382 тыс. чел., или 35 % и 65 % соответственно. В области преобладающая часть национального населения — 307 тыс. чел. - была сельскими жителями, из них 257 тыс. чел. (83,6 %) считали родным язык своей национальности.

Самой многочисленной национальной группой Ленинградской области (после русских) были финны — 128 тыс. чел. по переписи 1926 г. Затем шли евреи — 115 тыс., эстонцы — 87 тыс., белорусы — 52 тыс., поляки — 51 тыс., латыши — 39 тыс., немцы — 30,5 тыс., вепсы — около 25 тыс., ижоры — более 16 тыс., украинцы — 15 тыс., татары — 11 тыс., литовцы — 8 тыс., карелы — 5,5 тыс., зыряне — более 2 тыс., лопари (саами) — 1,7 тыс. и ненцы — 109 чел. Вне Ленинграда, непосредственно в сельских районах Ленинградской области, проживали почти все вепсы, ижоры и другие малочисленные народы².

Другие национальные меньшинства в основном тяготели к Ленинграду, и в области проживали только 33 % всех поляков Ленинградской области (17 тыс. чел.), 31 % литовцев (около 2,5 тыс. чел.), 27 % евреев (31 тыс. чел.). Чуть меньше половины всех немцев Ленинградской области — 44 %, то есть 10,5 тыс. чел. — жили колониями в области.³

Естественно, каждый народ стремился сохранить свое этническое своеобразие, воспитать молодое поколение на национальных традициях, передать ему родной язык, культуру, верования и обычаи. Важнейшими факторами сохранения этнической самобытности выступали семейное воспитание, деятельность соответствующих религиозных организаций, совместная социально-культурная и хозяйственная деятельность соплеменников, обучение в национальной школе. После Октябрьской революции и установления советской власти резко усилилось влияние политического фактора на этнический облик народов страны. Таким фактором, прежде всего, была национальная политика советского государства и правящей Коммунистической партии, которая была направлена на преодоление прежнего неравенства в уровнях культуры разных национальностей, формирование социалистических национальных культур всех народов страны.

Одним из средств реализации такой политики была деятельность национальных школ.

До середины 1930-х гг. в Ленинградской области (вместе с Ленинградом) количество национальных школ практически непрерывно росло: в 1929 г. их было 484, в 1931 — 521, в 1935 — 576. В 1937 г. в связи с выводом из Ленинградской

области 23 районов количество школ национальных меньшинств уменьшилось до 350 с числом учащихся около 19 тыс. чел.⁴

Влияние советской национальной школы на облик учащихся было разноплановым. С одной стороны, педагоги решали главную задачу, поставленную властью перед школой, — социализация учащихся, т. е. включение их в жизнь общества, которую правящая Коммунистическая партия стремилась преобразовать в соответствии с социалистическими принципами, для чего было необходимо осуществлять и соответствующее воспитание. Эту задачу решали все школы страны, в том числе и национальные. Таким образом, происходила «интернационализация» учащихся, приобщение их к кругу знаний и нравственных качеств, не зависимо от их национальности. С другой стороны, некоторые элементы учебного процесса, воспитательной работы способствовали сохранению и обогащению этнического своеобразия учащихся национальных школ. Таким образом, в деятельности национальных школ наблюдалась определенная противоречивость.

В 1930—31 уч. году в Ленинградской области было введено всеобщее начальное обучение среди национальных меньшинств, дети которых были охвачены всеобучем в среднем на 95 %. (немцы на 97 %, финны на 96 %, латыши на 94 %). Количественно школьная сеть вполне обеспечивала нужды национальных меньшинств. Однако не все дети учились в национальных школах, прежде всего из-за разбросанности населения. Финны и немцы, как наиболее компактно проживающие, почти полностью обслуживались сетью школ родного языка, в то время как латыши, татары и отчасти эстонцы, как и остальные дети, посещали русские школы⁵.

Большинство школ национальных меньшинств Ленинградской области были начальными, четырехлетними, с приемом детей один раз в два года и одним учителем. Школы повышенного типа — неполные средние (семилетки) и средние (девятилетки) — обслуживали большие территории, поэтому при них создавались стационарные интернаты для детей.

Семилетки были двух видов — общеобразовательные и школы крестьянской (впоследствии колхозной) молодежи. Именно эти школы пользовались наибольшей популярностью среди национального крестьянства и колонистов, так как давали одновременно неполное среднее образование и сельскохозяйственную специальность. Обучение грамоте во всех национальных школах велось на родном языке, а со второго класса начиналось также изучение русского языка. Постепенно осуществлялся перевод преподавания основных (иногда - даже всех) предметов на родной язык. В середине 30-х гг. такая «коренизация» школы была в основном завершена в финских, эстонских, латышских, немецких, еврейских и татарских начальных и повышенного типа школах области.

В 1932 г. получили алфавит и первые книги для чтения на родном языке вепсы, ижоры, карелы, саами, зыряне. В том же году началось обучение грамоте на родном языке в школах этих малочисленных коренных народов. Работали 53 вепские школы, в которых обучалось 7,5 тыс. детей, и 18 ижорских с более чем 1,5 тыс. учащихся.⁶

В 1933 г. в школах национальных меньшинств Ленинградской области работали 645 учителей, из них 364 имели специальное педагогическое образование на

родном языке. Для подготовки национальных кадров в начале 1930-х гг. в Ленинграде и области работали 7 национальных педтехникумов — 3 финских.

Педагогическое и культурно-просветительное образование можно было получить также в совпартшколах.

В середине 1930-х гг. в Ленинградской области учились 16 тыс. финских школьников, более 4 тыс. эстонских, 2 тыс. ижорских, более 4 тыс. — вепсских⁷.

Одним из средств приобщения учащихся к традициям и укладу жизни их этносов была система связи школы с жизнью, обучения с производственным трудом и участия школьников в общественно-политической деятельности по месту жительства. В это же время приобрела необычайно широкий размах краеведческая работа в школах. Краеведение развивалось в процессе восстановления разрушенного Первой мировой и гражданской войнами хозяйства, по мере того, как все больше и больше выявлялась потребность в изучении ресурсов и условий нового строительства на местах, появилось увлечение «производственным» краеведением, когда все внимание сосредотачивалось на изучении естественных производительных сил края и местной экономики. Это способствовало приобщению школьников национальных школ к традициям, истории и культуре своего народа.

Школы, в том числе и национальные, в 1920—1930-х гг. были основными очагами художественной самодеятельности детей и подростков. Поэтому наряду с традиционными народными формами проведения досуга (танцы, игры и т. п.) школьная художественная самодеятельность была средством приобщения детей к культуре своего народа.

В середине 1930-х гг. национальная политика советского государства была свернута административным путем, на это повлиял процесс деформации **социализма**, связанный с культом личности И. В. Сталина. Под влиянием объективных условий в деятельности национальных школ молодое поколение нерусского населения сохраняло свои этнические черты и в то же время у них развивались качества советского народа.

¹ Национальные меньшинства Ленинградской области: Сб. материалов. Л., 1929. С.6.

² Там же. С.7.

³ Там же.

⁴ Сакс Г. Работа среди национальных меньшинств. Опыт Ленинградской области. Л., 1931. С.5.

⁵ Смирнова Т. М. Культурное строительство среди национальных меньшинств Петрограда – Ленинграда в 1917 – 1938 гг. // Русская культура вне границ: информ.-аналит. сб. Вып.3. М., 1996. С.34 - 40.

⁶ Ленинградская область: исторический очерк. Л., 1986.

⁷ Мы живем на одной земле: население Петербурга и Ленинградской области. Л., 1992.

АССИМИЛЯЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЕВРЕЙСКОМ КУПЕЧЕСТВЕ ПЕТЕРБУРГА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Во второй половине XIX – начале XX в. в Петербурге сформировалась крупная еврейская община, которая значительно отличалась от еврейского населения, проживавшего в пределах черты оседлости. Связано это было, главным образом, с законодательной политикой правительства в отношении евреев, следствием которой было то, что еврейское население Петербурга состояло преимущественно из купцов, ремесленников и лиц с высшим образованием, т.е. предприимчивых, квалифицированных и образованных людей. В то же время в Петербурге практически отсутствовали евреи, занимавшиеся неквалифицированным трудом.

Значительные изменения в положении евреев произошли в эпоху Великих реформ, отмеченных, в том числе, и либерализацией законов, касающихся их гражданских прав. Именно в этот период в Петербурге появляется значительная группа еврейских купцов (с 1859 г. евреям-купцам 1-й гильдии разрешено селиться вне черты оседлости). Эта представители этой группы стремились дать своим детям, помимо традиционного религиозного, также и светское образование. С этой целью в 1863 г. купец 1-й гильдии Евзель Гаврилович Гинзбург (глава еврейской общины Петербурга) учредил «Общество для распространения просвещения между евреями в России» и почти полностью его субсидировал. Подавляющее большинство еврейских купцов, приехавших в Петербург из черты оседлости, имело домашнее образование, тогда как еврейские купцы проживающие в Петербурге во втором поколении зачастую получали образование в средних и высших заведениях столицы, в редких случаях за границей.

Следует отметить, что правительство, начиная с эпохи Николая I, не раз поднимало вопрос о мерах к возможному ослаблению общественной связи евреев и к распространению в их среде светского образования. «Противодействовать ей (замкнутости евреев) должно, по-видимому, такими мерами, которые, сколь можно более, содействовали бы самостоятельному развитию в среде евреев отдельных личностей путем общего образования и вместе с тем, расширяли бы круг деятельности для частных интересов»¹. Наибольший интерес для правительства, прежде всего министерства финансов, представляли еврей-предприниматели, ассимиляция которых могла принести значительные выгоды для экономики «внутренних» губерний России.

Еврейское купечество Петербурга, как и большинство ашкеназских евреев, придерживалось идеи приобщения евреев к европейской культуре, что выражалось, главным образом, в необходимости просвещения на языке страны проживания. результате такого подхода уже к концу XIX в. в Петербурге сформировалась русскоязычная еврейская община. Под воздействием социально-экономических условий еврейская община постепенно утрачивала свой чисто религиозный характер. Этому так же способствовал тот факт, что часть еврейских купцов подвергалась эмансипации, так как закон давал возможность купцам 1-й гильдии быть

уравненными в правах с остальным населением империи (для этого купец должен был состоять в купечестве 1-й гильдии в течение 10 лет вне черты оседлости).

Ассимиляционные тенденции в среде еврейских купцов усиливались под действием идеологического и юридического давления, которое особо стало ощущаться в годы правления Александра III. Этому процессу способствовала также весьма активная интеграция евреев в русскую культуру. Редкие их представители отказывались от своей традиционной религии, однако они массово изучали русский язык и воспринимали русскую бытовую культуру.

Во второй половине XIX в. наблюдался постепенный переход петербургских евреев от употребления в быту идиша к русскому языку, который они использовали как разговорный и светский язык. Иврит оставался для них языком религии и национальной традиции. В 1869 г. родным русский язык считало 2% евреев, в 1890 г. – 29%, в 1910 г. – 42%. «Процесс языковой ассимиляции петербургских евреев происходил значительно быстрее, чем у других национальностей (исключение составляли только украинцы и белорусы)»².

«Справочная книга о лицах Петербургского купечества...», ежегодно издававшаяся с 1865 г., дает ценный материал об именах еврейских купцов и членов их семей. Сопоставляя эти данные, можно сказать, что первоначально, в 1860-е гг., в еврейских купеческих семьях преобладали еврейские имена: Моисей, Исаак, Абрам, Сара и т.д. Однако к концу XIX в. в этой среде появляется большое количество русских и полиэтнических имен: Александр, Михаил, Лев, Анна, Любовь, Елизавета и т.д. Таким образом, происходит вытеснение ряда традиционных еврейских имен, главным образом у младшего поколения, и замена их на русские. При этом следует отметить, что в быту носители русских имен могли использовать и традиционные еврейские имена.

Процесс ассимиляции еврейских купцов демонстрирует их расселение в столице. Во второй половине XIX в. нерусские этнические группы столицы равномерно расселялись по территории Петербурга. Однако некоторые из них концентрировались преимущественно в определенных районах. В целом же для петербургского купечества наиболее привлекательной была Московская часть, где в 1898 г. проживало 20,7% всех купцов³. Можно утверждать, что для еврейского купечества первоначально, в 60-70-е гг. XIX в., наиболее привлекательной частью города была Спасская часть (в 1865 г. здесь проживало 30% евреев-купцов, а в 1898 г. – 16%). Если рассмотреть отдельно расселение купцов 2-й гильдии, то это предпочтение выглядит еще более очевидно (1870 г. – 52%, 1898 – 16%)⁴. Спасская часть была привлекательна не только для купцов, но и для значительной массы еврейского населения Петербурга. Такое компактное расселение обусловлено сильными этническими, религиозными, земляческими и родственными связями на первых порах пребывания в Петербурге. Кроме этого, именно Спасская часть являлась торгово-ремесленным центром столицы и играла важную роль в предпринимательской деятельности еврейского купечества, что особенно касалось купцов 2-й гильдии. В рамках этой части наибольшая концентрация еврейского населения отмечалась в 4 участке, ограниченным Екатерининским каналом, Забалканским проспектом, рекой Фонтанкой и Лермонтовским проспектом. Этот «Еврейский» район Петербурга был расположен в кварталах, прилежащих к Садовой улице ме-

жду Санным и Никольским рынками. К концу XIX в. значительная часть еврейских купцов расселяется в Московской (в 1898 г. – 16%) и Литейной (12%) частях. В начале XX в. сформировался еще один район компактного проживания еврейских купцов – 1-й участок Рождественской части – Староневский проспект, который был привлекателен для евреев, прежде всего как торгово-ремесленный район. В остальных частях Петербурга они селились тоже, особенно этот процесс усилился на рубеже XIX и XX столетий, однако проживали они там рассеяно и в значительно меньшем количестве.

Таким образом, к началу XX в. в Петербурге вообще и в столичном купечестве, в частности, наблюдалось формирование новой субэтнической группы, основными чертами которой стали: иудаизм как религия; русский язык как разговорный и светский; иврит, использовавшийся в качестве языка религии и национальной традиции и частично вытеснивший идиш; сочетание русской и еврейской бытовых культур. Однако этому процессу ассимиляции пытались противостоять некоторые еврейские общественные деятели, выступавшие за национальное возрождение.

¹ РГИА. Ф. 821. Оп. 9 Д. 103. Л.80.

² Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга: вторая половина XIX - начало XX века. Л., 1984. С. 210

³ Османов А.И. Купцы Петербурга. СПб, 2010. С.19

⁴ Подсчитано по «Справочным книгам о лицах, получивших купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдии»

В.В. Кнорринг

ИНТЕГРАЦИЯ ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИЙСКУЮ: ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЕ И ВЗАИМООБОГАЩЕНИЕ ДВУХ КУЛЬТУР НА ПРИМЕРЕ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Подобные сообщения принято начинать с дефиниций. В данном случае имело бы смысл пояснить, что подразумевается под еврейской культурой, поскольку русская едва ли нуждается в каком-либо пояснении. Однако понятие «еврейская культура» чрезвычайно широкое – оно включает в себя и культуру древнего Израиля, и наследие Золотого века испанских евреев, и все то, что привнес хасидизм, и многое другое. Дать единое определение всем ее неоднородным составляющим невозможно. Поэтому ограничимся лишь необходимыми замечаниями.

Прежде всего оговорим, что здесь мы имеем в виду культуру ашкеназов, т. е. евреев Восточной Европы. До середины XVIII в. эта культура была абсолютно монолитной, самодостаточной и базировалась на религиозной традиции. Далее она испытала влияние движения Гаскалá (Просвещение – иврит). Его начало было положено берлинским философом Моисеем Мендельсоном. Приверженцы Гаскалы стремились приобщить евреев к европейской культуре и преодолеть вековую изо-

ляцию еврейства. Наиболее радикальные из них мечтали о полной ассимиляции евреев, полагая, что это положит конец их преследованиям. Несмотря на сопротивление ортодоксов, идеи Гаскалы распространились по всей Восточной Европе. К началу XIX в они проникли и в Россию.

Основная канва дальнейших событий общеизвестна, поскольку наиболее значимые факты изложены и в книге А. И. Солженицына «Двести лет вместе», и в трудах других авторов. Главным же результатом стало то, что к концу XIX в. в нашей стране появилась русско-еврейская интеллигенция, столкнувшаяся с рядом сложных проблем. Языковой вопрос: все больше выходцев из местечек овладевало европейскими языками или хотя бы русским, но большинство евреев оставались двуязычными. Родным для них был идиш, но и иврит нельзя было назвать «мертвым»: в качестве богослужебного он проникал во все сферы жизни и имел почетный статус единственно литературного. Это двуязычие влияло на все сферы жизни общества, начиная с политических и кончая чисто культурными. Другая проблема касалась будущего российских евреев. Не все разделяли идеи сионизма, утверждавшего необходимость строительства нового еврейского государства в Палестине. Иные были готовы бороться за равноправие евреев в России и мечтали о жизни в демократическом обществе. Сионисты и ортодоксы делали ставку на возрождение иврита и превращение его в язык повседневного общения. Коммунисты и социалисты возражали, что у еврейских народных масс и так есть язык повседневного общения – идиш. Те и другие были достаточно активны, и дискуссии по языковой проблеме, имевшие явную политическую подоплеку, приобрели острейший характер. Но все сходились том: что важнейшая роль в формировании еврейской культуры принадлежит народному просвещению, и в первую очередь – школьному образованию.

Универсального ответа на вопрос, какой должна быть еврейская школа будущего, не существовало. Одни видели ее ориентированной на традицию, с соответствующим набором предметов и преподаванием на иврите. Другие хотели, чтобы школа имела светский характер, а преподавание велось на родном языке учащихся – идише. Такая модель школы являлась совершенно новаторской, аналогов у нее не было. Но множество энтузиастов-учителей готовы были ее построить. Вот только отсутствовали готовые дидактические материалы: не было ни учебников, ни книжек для чтения...

Это и предопределило появление еврейской детской литературы. Книжек для чтения не было не только на идише, но и на иврите. Но, во-первых, литература для маленьких на иврите расцвела гораздо позже и не в России. Во-вторых, после победы Октябрьской революции большевики принялись рьяно искоренять иврит, как «орудие клерикалов». Устройство школьного обучения на этом языке, как и литературное творчество, были обречены на провал.

Итак, есть детская литература на иврите и на идише. Эта последняя давно уже стала неотъемлемым элементом еврейской культуры. Русская и еврейская культуры испытывали взаимовлияние, при этом значительно обогатив друг друга. Доказать этот тезис можно, рассмотрев содержательные аспекты детских книг на русском и еврейском языках, а также сравнив особенности их оформления. Материалом для данного сообщения послужили издания, хранящиеся в фондах Российской

национальной библиотеки, поэтому важно подчеркнуть: предметом анализа будут не столько тексты, сколько книги в целом. Прежде всего целесообразно привести краткий очерк истории издания этих книг.

Детская книга на идише появилась в начале XX в. В 1910 г. в Кишиневе начало работу первое в мире специализированное издательство под названием «Для наших детей». Оно выпускало произведения Шолом-Алейхема, М. Спектора, И.-Л. Переца. Через два года к работе этого издательства подключилось предприятие Б. А. Клецкина в Вильне. Это сразу же сказалось на улучшении полиграфического оформления книг и изменении репертуара – в него вошли переводные произведения. Еврейские дети впервые получили возможность познакомиться с шедеврами мировой детской литературы. Количество изданий многократно выросло. Кроме того, Клецкин впервые в истории печати стал выпускать детский литературный журнал на идише «Зеленые деревца».

С началом Первой мировой войны важнейшие центры еврейского книгопечатания (Варшава, Вильно) оказались оккупированными. Ведущая роль издательского центра детской литературы перешла к Одессе, где книги на идише печатало педагогическое объединение «Цветочки» и издательство «Мория». В июле 1916 г. вышел приказ высшего военного командования о тотальном запрете печати на еврейских языках в интересах борьбы со шпионажем. Несмотря на это, некоторые издания для детей все же продолжали выходить в Одессе с разрешающим штампом военной цензуры (!) Б.А. Клецкин, чье издательство к этому времени уже стало крупнейшим в мире, бежал из Вильно и наладил полулегальный выпуск детских книг в Петрограде и Москве.

С приближением конца войны деятели еврейской культуры принялись строить далеко идущие планы развития детского книгоиздания. Планировалось усилить внимание к оформлению книг, привлечь для этого лучших художников. Одновременно предполагалось оптимизировать и содержание детской литературы.

Как ни удивительно, но в 1917–1918 гг., в условиях революций и разрухи, часть этих планов все же осуществилась. Вышли в свет детские книги, оформленные М. Шагалом, С. Юдовиныным и другими признанными мастерами. Но издательскую деятельность на идише в столице с начала 1918 г. строго контролировал большевистский комиссариат по еврейским делам, который занимался выпуском детских книг от случая к случаю. Правда, он даже какое-то время продолжал выпуск журнала «Зеленые деревца».

С конца 1918 г. центром выпуска детской литературы стал Киев. В охваченной гражданской войной и погромами Украине действовали «Издательство по искусству» и национально ориентированные «Киевское» и «Народное» издательства, которые выпускали как скромные издания, так и чрезвычайно интересные с точки зрения оформления и содержания книги. Огромную роль в развитии детской литературы сыграло объединение «Культур-лига», созданное в 1918 г. Вокруг него группировались деятели искусства и просто интеллигенция, в большей или меньшей степени разделявшая идеалы Октябрьской революции. Писатели и поэты, входившие в «Культур-лигу», сочиняли детские книжки, а художники оформляли их. Эта работа продолжилась и после формального роспуска «Культур-лиги».

Советская детская книга на идише была прежде всего советской, а затем уже

еврейской. У нее было очень много сходных черт с аналогичной книгой на других национальных языках. Но это отнюдь не означало ущербности еврейских детских книг в тот короткий период времени, что оставался до начала изменений в национальной политике, а затем и репрессий. Напротив, возникали новые книжные серии. Переводилась русская и мировая классика. Выходили оригинальные произведения еврейских писателей. Чудесные детские книги издавались на Украине, в Белоруссии, а центром еврейского детского книгоиздания во всесоюзном масштабе стала Москва.

Выпуск детской литературы на идише не был прекращен даже в годы Великой Отечественной войны. Однако в послевоенные годы массовое производство таких книг продолжалось только до 1947 г., затем было практически прервано. После начала оттепели еврейская книга московского издания ориентировалась преимущественно на взрослых. В Биробиджане издавали лишь буквари и учебники.

Несколько симпатичных детских книг на идише вышли в Москве после начала перестройки. А в последние годы центром выпуска еврейской детской литературы снова стал Петербург. Здесь началось переиздание шедевров этого жанра: вышли в свет книги, оформленные И. Рыбаком и Э. Лисицким. Их подготовили специалисты центра «Петербургская иудаика», поэтому все они сопровождаются теоретическими статьями, позволяющими лучше понять их смысл и красоту.

Итак, детская литература на идише зародилась за несколько лет до начала Первой мировой войны и революционных потрясений. Но в этот период она существовала относительно автономно, а далее подчинилась общим принципам советской издательской практики. Ее «золотым веком» стали 1920–1930-е годы: это было время расцвета советской детской литературы вообще, и национальная политика в СССР была в тот период благоприятна, как никогда. Она же способствовала культурным обменам: так, известны случаи, когда одни и те же книги одновременно выходили на разных языках народов СССР. При этом было неважно, на каком языке они создавались исходно.

В послевоенные годы в издании детских книг на идише наблюдается резкий спад, и вплоть до сегодняшнего дня их появление можно считать эпизодическим. Это закономерный итог исчезновения читательской аудитории – в нашей стране сегодня на идише почти некому читать. Поэтому тенденция к превращению детской книги из массовой, повседневной в элитарную и библиофильскую возникла не случайно.

Теперь рассмотрим и сравним некоторые содержательные аспекты детской литературы на русском и еврейском языках.

Уже на заре своего существования еврейская детская книга развивалась в русле демократической русской литературы, впитав в себя ее нравственные идеалы и подходы к изображению действительности. Ранняя еврейская беллетристика по содержанию была вполне самобытна, ведь ее авторами были такие классики литературы на идише, как Шолом-Алейхем и И.-Л. Перец. Но издавалась и научно-популярная литература, блестяще адаптированная для восприятия маленьких читателей. В этой области влияние российской культуры и русского менталитета как раз проявилось сполна.

Что же касается переводной литературы, то в дореволюционных изданиях она

была представлена произведениями преимущественно современных отечественных авторов. Чаще всего переводили книги Н. А. Рубакина. Из жанров художественной литературы преобладали сказки (к примеру, Мамина-Сибиряка). Надо заметить, что выбор сочинений для перевода подчас был случайным. Это объяснялось экстремальными условиями подготовки детских книг к изданию: шла война, свирепствовала цензура.

Полноценное взаимовлияние двух литератур началось уже в пореволюционное время. И сильнее всего оно проявилось как раз в переводах: русские читатели смогли познакомиться с некоторыми произведениями еврейской литературы, а еврейские дети – узнать не только русскую, но и мировую классику, а также литературные новинки. Стали разнообразнее и жанры детской книги: теперь это была не только художественная и научно-популярная, но и общественно-политическая литература. За счет этого к началу 1920-х гг. оригинальные произведения составляли чуть меньше половины всей детской литературы на идише – и это при том, что как раз тогда творили замечательные мастера еврейского слова!

К сожалению, русские читатели не имеют возможности ознакомиться с этим творчеством в полном объеме – не так уж много опубликовано переводов с идиша, особенно детских книг. Приведем пример: на идише вышло около восьмидесяти произведений поэта, прозаика и переводчика Ицика Кипниса. Большинство из них – детские. На русском же издано восемь книг этого автора, включая пять детских. Среди них – рассказ «Постное масло», один из первых переводов с еврейского (1928), оформленный замечательными художниками Меиром Аксельродом и Менделем Горшманом, а также три переиздания очаровательной сказки «Котенок, который забыл, как надо просить есть» с рисунками Владимира Сутеева. Кстати, с идиша ее перевела поэтесса Рахиль Баумволь, которая и сама написала немало детских книг – почти все по-русски. Какой-либо национальный колорит в них отсутствует, а еврейские стихи Баумволь для детей на русский не переводились. Так же обстоит дело и с сочинениями Ханы Левин (Левиной) – на русском изданы одна небольшая сказка, да две инсценировки, а множество книг на идише еще ждут своего переводчика. Это добротные и качественные детские книги, несмотря на то, что созданы они писателями «не первого ряда».

Однако еврейская среда выдвинула и такого писателя, чьи сочинения вошли в золотой фонд детской литературы – Лейб (Лев Моисеевич) Квитко (1890–1952).. Его произведения в русском переводе выдержали больше изданий, нежели оригинальные.

Первый поэтический сборник Квитко на идише, адресованный взрослым, вышел в свет в 1917 г. Но уже через два года были изданы его первые детские книжки, а массовый их выпуск начался в 1920-е гг. Первые русские переводы появились достаточно поздно, в 1937 г., зато с этого времени стали выходить по 6-7 в год – примерно вдвое больше, чем в оригинале. Поэзия Квитко оказалась более чем востребованной: ее не перестали издавать даже в годы Великой Отечественной войны. В Москве, а также в тылу (Алма-Ата, Челябинск) вышло шесть его книжек (для сравнения: на идише в это же время – три). Но самое удивительное началось после войны, когда наступили трудные времена для еврейской культуры. Тем не менее, детские книжки Квитко и в эти годы продолжали непрерывно выхо-

дять! Даже после расстрела членов Еврейского антифашистского комитета, когда любые упоминания о погибших были запрещены, книги Квитко в русских переводах издавались с указанием имени автора – случай совершенно уникальнейший. С наступлением же «оттепели» они стали выходить миллионными тиражами и чуть ли не ежегодно. Так продолжалось до конца 1970-х, после чего наступил некоторый спад, а в постперестроечные времена стихи Квитко и вовсе перестали издаваться.

Над книгами Квитко работало в общей сложности несколько десятков художников. Более четверти его русских изданий оформил Владимир Михайлович Конашевич (1888–1963). Он одним из первых, с 1918 г. стал работать над детской книгой а к середине 1930-х уже стал признанным мастером этого жанра. Особый стиль, которым и оформлены книжки Квитко, сложился постепенно, поскольку художник работал над ними всю жизнь. Бытует мнение, будто в зрелые годы художник изменил свою манеру рисунка, сделав ее более академичной, нежели в предвоенное время. Но главные читатели книжек Квитко – дети. Они всегда будут с удовольствием рассматривать добрые, умные и веселые картинки.

В центре внимания Конашевича всегда люди, а остальное второстепенно: так, например, героиня стихотворения «В лес» бабушка Мирл и добрая, и хлопотливая, и внучек – под стать ей. Напрашивается сравнение с рисунками к этому же стихотворению другого автора – малоизвестного, но талантливого художника Г.А. Туганова (1902–1941). Ему лучше всего удался сам лес: вековые деревья и малые травинки, птицы и букашки. Бабушка Мирл здесь – маленькая, согбенная старушка, а внучек – крошечный, почти игрушечный мальчик. В итоге у Туганова получилась задумчивая, немного таинственная сказка, а у Конашевича – бытовая, хотя и веселая зарисовка.

Множество переизданий выдержали стихотворения Квитко, отразившие «дух эпохи» – «Колыбельная», «Письмо Ворошилову», «Когда я вырасту». Их оформляли различные художники: вот, например, «Письмо Ворошилову» с рисунками Михаила Семеновича Родионова (1885–1956). Эти рисунки выполнены в лучших традициях отечественного реалистического искусства, но главное – их одухотворенность. Кажущаяся простота иллюстраций несет в себе мощный смысловой заряд, подчеркивающий выразительность и искренность стихотворения. Совсем иначе выглядит «Колыбельная» с рисунками Менделя (Михаила Ефимовича) Горшмана (1902–1972). Эту книгу никак нельзя отнести к творческим достижениям художника: картинки выглядят дешевой олеографией и только выпячивают навязчивый рефрен стиха – гимн Сталину.

Было немало и таких изданий Квитко, где рисунки подчеркнуто строги и лапидарны. Таковы, например, книги, оформленные Софьей Михайловной Закржевской (1899–1985). Такой подход был вполне оправдан в годы войны, но законы жанра иллюстрации детской книги все же предполагают юмор и игровой элемент, если, конечно, содержание текста допускает то и другое.

Примером вполне гармоничного оформления книжек Квитко могут служить иллюстрации Андрея Андреевича Брея. Он оформил четыре сборника Квитко. Ему одинаково хорошо удались как образы зверей, так и людей, особенно – детей. Мастерство Брея тем удивительнее, что большинство его рисунков черно-белые.

Давид Соломонович Хайкин (1927–2008), автор оформления книжек, изданных в конце 1950-х – «Лошадка» и «Анна-Ванна бригадир», – работал в той же манере. Его рисунки дышат жизнелюбием, радостью, оптимизмом.

Марина Евгеньевна Успенская (род. в 1925) оформила две книжки Квитко – «Лошадка» и «Скрипочка, но ее рисунки выглядят невыразительными. Александр Зиновьевич Иткин (род. в 1931) также оформил два издания – «Я сам» и сборник «Моим друзьям». Творческая удача Иткина в данном случае тем больше, его соавтором был сам Конашевич. Молодой график не подражал признанному мэтру, не занимался стилизацией. Перед нами случай полной гармонии рисунков обоих художников между собою и текстом. У Иткина сильнее акцентированы характеры персонажей и чувствуется, что молодость художника пришлось на легендарную эпоху «шестидесятников».

Упомянутая эпоха «оттепели» породила совершенно новый стиль оформления детских изданий: яркие, красочные книжки большого формата, которые во всем, вплоть до мельчайших деталей, несут на себе отпечаток своего времени. Это не только одежда или прически героев, но и сама композиция.

Квитко продолжали издавать и после того, как канули в вечность шестидесятые. Но современные издания не могут конкурировать со старой книжкой советских времен. Что-то в этих старых, но не устаревших книгах создавалось благодаря, а что-то – вопреки советским реалиям, только все они дышат любовью к детям и высокой культурой.

Теперь обратимся к оформлению оригинальных изданий Квитко. В 1919 г. Киевское издательство выпустило «Арбузик» и «Кошечку» с иллюстрациями О. Рошаля и «Лемеле-лакомку», оформленную И. Чайковым. Все три книжки отличаются ярким национальный колорит и то особое настроение, без которого неммыслима детская книга.

Наибольший интерес представляет работа Иосифа Чайкова (1888–1979). Его мировоззрение и стиль не раз менялись; в конце жизни Чайков состоялся как советский скульптор и даже был удостоен звания «Народный деятель искусств России», но его книжная графика еще недостаточно известна. Чайков оформлял исключительно книги на идише. Приверженность художника пластическим искусствам особенно хорошо прослеживается в текстовых элементах оформления. Шрифты, выполненные им, одновременно чеканно-четки и текуче-пластичны. Но в «Лемеле-лакомке» художник изменил своей обычной творческой манере: иллюстрации к ней скорее напоминают шарж.

«Золотой век» для детских стихов Квитко наступил во второй половине 1920-х гг., в Харькове, Киеве и в Одессе, что ни год, выпускалось по книге. Три из них оформил знаменитый художник Иссахар-Бер Рыбак (1897–1935). Это «Карл и Мизра», «За это исключают» и «Звено в звено», изданные в 1927–1929 гг. в серии «Книжка пионеров». Творческая манера художника отличается разнообразием, но его рисунки для детей чаще всего имитируют примитивизм. В них напрочь отсутствует не только юмор, но и доброта, казалось бы, обязательная для детских рисунков. Причины кроются в биографии художника, семья которого жестоко пострадала от погромов на Украине. Но графика в книгах Квитко отнюдь не примитивна, она сразу же выдает большого мастера. Черно-белое оформление усиливает

выразительность, так же, как и излюбленный прием Рыбака – волнистые линии, очерчивающие композиции. Пожалуй, интереснее всего оформлена «Карл и Мизра». Художник тонко передал не только нюансы содержания, но и настроение.

Среди харьковских изданий выделяются книги с рисунками Георгия Ивановича Фишера (1901–?). О нем известно очень мало: уроженец Харькова, он там же получил художественное образование, занимался книжной графикой, позже работал в Москве. Его зрелые работы неброски, но отличаются высоким профессионализмом. Иллюстрации же Фишера к детским книжкам Квитко, на наш взгляд, – шедевр, оставшийся непревзойденным. Таких книг пять: «Жучок», «Дудочка», «Скрипочка», «Детская площадка» и «Бабка Шлак и ее кабак» (все вышли в 1928 г.). Рисунки в них выполнены в излюбленной манере художника: один-два контрастных цвета (красный – черный – зеленый или желтый), линия смелая, композиции несколько схематичны, но исполнены динамики. Настроение сдержанное, однако рисункам Фишера свойственна одна черта – художник исподволь учит видеть прекрасное в самых обыденных явлениях.

В Одессе вышли: «Буц и санитары», иллюстрированная Борисом Марковичем Фридкиным, редактором сатирического журнала «Червоный Перец» и карикатуристом; знаменитые «Поросята», которых нарисовал профессор Киевского художественного института С. Н. Ержиковский (1895–1989) и «Сказка о девочке в красном платочке», оформленная А. М. Довгалем (1904–1961). Работы этого мастера выделялись своей публицистической направленностью, и книга Квитко – не исключение. Надо упомянуть и работы Михаила Яковлевича Головатинского (1896–1973), хотя он в основном известен как художник кино («Небесный тихоход», «Два капитана», «Укротительница тигров» оформлены именно им). Это «Лесная считалка» Н. Забины и «Что их спасло» В. Полищука. Обе перевел на идиш Квитко, а рисунки сделали издания по-настоящему удачными. Четыре книжки Квитко оформил Иосиф Абрамович Дайц (1897–1954). Его лирические иллюстрации к детским книжкам при всем своем реализме очень трогательны.

В 1935 г. в Киеве вышла книга «Друзья» с иллюстрациями Иллариона Николаевича Плещинского (1892–1961). Ученик И. Я. Билибина и Н. Рериха, Плещинский работал в технике графики сухой иглой и в самой что ни на есть академической манере, но она, как ни странно, прекрасно подходила к детским книжкам.

В Москве книги Квитко на идише начинают издаваться со второй половины 1930-х гг. Оформление сразу становится более сдержанным, но в то же время – аристократичным. Буйство красок и форм уступает место лаконичной графике. Ведущую роль теперь играют такие мастера, как В. Я. Тарасова и А. Д. Короткин.

Вере Яковлевне Тарасовой (1896–1988) принадлежат рисунки к «Колыбельной», «Ахахи» и «Как Михась искупался». О художнице известно немного. Она была человеком высочайшей культуры, знала несколько языков, дружила с писателями и поэтами, в частности, с А. А. Ахматовой. Еврейская культура была ей близка, коль скоро она была художницей ГОСЕТа. Учителем В. Я. Тарасовой был П. П. Чистяков, что и предопределило творческую манеру художницы. Это – реалистичная, но в то же время исполненная поэзии карандашная графика, от которой веет легкой печалью. Очень редко Тарасова позволяла себе улыбку (например, в «Школе Дурова» И. Кипниса). Тем не менее, книжная графика Тарасовой была

очень востребованной. Но время оказалось к ней беспощадно. Невысокое качество полиграфической продукции дало себя знать: большинство рисунков выцвело, потеряло контрастность, и в наши дни уже нелегко понять все их очарование.

Александр Давыдович Короткин (1908–1958) также оформил три книги Квитко: «Для детей», «У диких зверей» и «Десять сказок». Биографические сведения о Короткине скудны. Родился в бедной семье в Белоруссии. Воевал. Много работал как книжный график, но этой областью не ограничивался. Художник работал в классической манере, но его сдержанный рисунок полон скрытой иронии. Особенно хорошо это заметно в книжке «Десять сказок», где на одной стороне листа в колонтитуле черно-белый орнамент, на другой – большая картинка. В стихотворении «Санитары» в орнамент, явно стилизованный под резьбу на мацевей (традиционное еврейское надгробие), органично вписана... ванна с купальщиком.

В Москве перед самой войной вышла книга Квитко «Пир» с рисунками выдающегося художника Герша Ингера (1910–1995), который в молодости был активистом киевской Культур-Лиги, затем состоялся как книжный график, и наиболее успешен был именно в иллюстрации детских книг. Их внешняя простота не должна вводить в заблуждение: Ингеру удалось постичь и передать детское восприятие мира.

В 1947 г. издательство «Дер Эмес» выпустило последнюю перед многолетним перерывом детскую книжку Квитко на идише: «Алфавит» в стихах. Рисунки выполнил Михаил Ио (псевдоним Мейера Иоффе (1895–1960)). Он родился в Витебске, трудовую жизнь начал в Риге. Там же окончил художественную школу, после чего подвизался в театре. В годы Великой Отечественной войны его пригласил в свой коллектив С. Михоэлс. За это художник заплатил страшную цену – ссылку в воркутинские лагеря, и после реабилитации в 1956 г. прожил недолго. М. Ио был еврейским художником по самой сути своего таланта, о чем свидетельствуют и его рисунки в книге Квитко. Черно-белые инициалы словно сошли со страниц старинных манускриптов, но их торжественность неуловимо смягчена добрым юмором.

Последние две детские книги Квитко на идише вышли в 1991 г. И если в случае с русскими переводами еще можно надеяться на появление новых изданий, то на идише – едва ли. Электронные копии нескольких книг Квитко сегодня доступны на сайте РНБ.

Думается, что сказанного достаточно для подтверждения исходного тезиса о плодотворном взаимовлиянии русской и еврейской культур. Русские переводы Квитко выполнили замечательные поэты, поэтому не пропала музыка стиха, льющегося, как еврейская народная песня. В свою очередь, эти стихи вдохновили лучших художников – мастеров детской книги, чье творчество – плоть от плоти русской культуры.

Однако при более пристальном взгляде нельзя не заметить, что многие оригинальные книги Квитко так и остались неизвестными широкому читателю. А ведь они проиллюстрированы художниками, чье творчество неотделимо от еврейской культуры и традиции. Здесь содержание и оформление изданий полностью гармонируют между собой. Но несмотря на то, что имеются переводы многих стихотворений Квитко, вошедших в эти книги, рисунки Чайкова, Рыбака, Фишера, Дайца и других в русских изданиях не воспроизводились. Это – повод задуматься о новых

путях интеграции национальных культур: в этой области предстоит еще много работы, направленной на лучшее взаимопонимание и взаимообогащение духовного мира.

Последний тезис еще лучше доказывает история издания книг Ицика Кипниса (1896–1974). Молодость писателя пришлось на время расцвета киевской Культур-Лиги, объединявшей писателей и художников. В книгах Кипниса такое объединение произошло в буквальном смысле слова: их иллюстрировали Марк Эпштейн (1897–1949) и Сара Шор (1897–1981). Об этом подробно говорится в монографии Г. Казовского, посвященной Культур-Лиге¹. Именно из этого источника сегодня проще всего ознакомиться с упомянутыми шедеврами детского книгоиздания, хотя все они сохранились в фондах Российской национальной библиотеки. Для русского читателя может оказаться непреодолимым языковой барьер, а без ясного понимания содержания невозможно оценить красоту оформления. В данном случае интеграция культур стала возможной благодаря прекрасной искусствоведческой работе Гиллеля Казовского, поскольку отечественные ценители искусства все же смогли получить целостное представление о доселе неизвестных у нас художниках.

А вот сказочка Кипниса, «Забывчивый котенок» оформлена одним из лучших русских мастеров детского рисунка – Владимиром Григорьевичем Сутеевым (1903–1993). Рисунки Сутеева сразу вводят простые и добрые сказки Ицика Кипниса в родной и близкий ребенку мир. Вот лучший пример пользы интеграции культур...

Детские книги – один из важнейших факторов формирования личности. Чем они интереснее по содержанию, чем гармоничнее по оформлению, тем богаче становится духовный мир их читателя. Взаимопроникновение культур – один из путей к умножению этого богатства. В случае с российской и еврейской культурами можно констатировать, что их интеграция частично осуществилась, однако у этого процесса еще немало перспектив. Хотелось бы сделать все возможное для того, чтобы подобные перспективы приносили как можно больше пользы нашим детям.

¹ Казовский Г. Художники Культур-Лиги. М.; Иерусалим, 2003

Т.В. Котюкова

ВЫБОРНОЕ ГОРОДСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЯ В ТУРКЕСТАНЕ. 1877-1917 гг.

Присоединение во второй половине XIX в. Туркестана к Российской империи, коренным образом изменило все систему жизни в регионе. Одной из ключевых перспективных задач России в Туркестане была интеграция края в общееимперское пространство. Для ее решения требовалось время. Поэтому в отношении края, особенно в вопросах управления, использовался «особый режим» распространения и применения законодательных норм. Не было сделано исключения и для системы городского самоуправления.

После образования в 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства, вся полнота военной и гражданской власти была сконцентрирована в руках генерал-губернатора. Первый генерал-губернатор Туркестана К.П. фон Кауфман пользовался почти неограниченными полномочиями. Наглядным примером того, как фон Кауфман мог волевым решением вносить, как ему представлялось, необходимые изменения «в уклад жизни края», стало введение в городах Ташкенте и Верном в 1877 г. Городового положения 16 июня 1870 г.¹ Выбор Ташкента и Верного в качестве своеобразной экспериментальной площадки, в первую очередь, объяснялся тем, что именно в этих городах проживало наибольшее число русского (европейского) населения, и была сконцентрирована краевая власть². В настоящем докладе мы ограничимся рассмотрением выборного городского самоуправления в Ташкенте.

Принятию решения предшествовали длительный период сомнений и определенная работа по выработке собственной, с учетом особенностей Туркестана, системы городского управления.

До 1877 г. управление в городах Туркестана осуществляла выборная местная администрация. 30 августа 1866 г. для рассмотрения вопросов административного характера и разбора различных дел коренного населения в столице Туркестанского генерал-губернаторства Ташкенте было создано специальное учреждение – махкама («Городское управление»). По составу населения, город (как и все старые города Туркестана) разделили на «новую» (русскую) и «старую» (туземную) части. Старогородская часть, кроме общегородской начальника, управлялась wybranными на 3 года аксакалами. Кандидатуры аксакалов утверждались генерал-губернатором. Такой подход зачастую порождал несогласованность действий и не всегда должным образом мог удовлетворить нужды города и его жителей³, так как многие статьи расходов и источники доходов были общими⁴.

С укреплением русской власти, институт махкамы уступил место хозяйственному общественному управлению. В «новой» части Ташкента оно было открыто в 1870 г., во главе с начальником города и состояло из 9 человек, назначаемых военным губернатором.

В 1871 г. встал вопрос об организации в городах Туркестана дум на началах Городового положения 1870 г. В 1872 г. Общее присутствие Сырдарьинского областного правления выработало проект применения Городового положения 1870 г. (с изменениями и дополнениями) к городу Ташкенту.

9 августа 1877 г. туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман издал указ, в котором признал необходимым и своевременным ввод в действие городского положения от 16 июня 1870 г. в городе Ташкенте⁵. В нем отмечалось, что проведение подготовительных работ возлагается на временную комиссию, образованную 27 июня 1877 г. под председательством помощника военного губернатора Сырдарьинской области. Генерал-губернатором Кауфманом были также утверждены правила применения Городового положения к городу Ташкенту. В них говорилось, что действие утвержденного 16 июня 1870 г. Городового положения распространяется на город Ташкент с некоторыми оговорками. Введение Кауфманом волевым решением Городового положения в Ташкенте и Верном означало образование в этих городах единого городского общественного управления.

30 августа 1877 г. генерал Кауфман попытался объяснить военному министру причины, побудившие его к принятию такого решения: «С приростом населения расширилась территория русской части города, увеличились общественные потребности и расходы, а вместе с тем увеличился и круг действий общественного управления. При этом выяснилось, что многие из предметов городского хозяйства и статей расхода, настолько общие для обеих частей города, что выделить их в заведывание того или другого управления, не представляется никакой возможности»⁶.

Генерал-губернатор отмечал и еще один существенный момент – разделением управлений и интересов двух частей одного и того же города, по сути, искусственно поддерживалась рознь между русским и коренным населением, тем самым «задерживалось столь желательное слияние этих двух народностей»⁷.

14 июля 1880 г. Военное министерство направило для внесения на обсуждение в Кабинет Министров, представление военного министра «О введении городского положения в Ташкенте и Верном»⁸. Согласно выписке из журнала заседаний Кабинета Министров, вопрос рассмотрели 2 сентября 1880 г. и приняли решение, согласно которому, туркестанский генерал-губернатор мог поступать по собственному усмотрению, но законодательного утверждения, предложенные им изменения в Городовое положение 1870 г., не получили⁹.

В 1886 г. было принято новое Положение об управлении Туркестанским краем, согласно которому городское общественное управление в Ташкенте не было предусмотрено. При этом Правительствующий Сенат решил сохранить в Ташкенте существовавшее городское управление до окончательного решения этого вопроса в законодательном порядке.

5 декабря 1888 г. (спустя 11 лет после своего реального существования) правила применения Городового положения к городу Ташкенту официально были утверждены царским указом. 31 января 1889 г. последовал официальный указ правительства о распространении на Ташкент Городового положения 1870 г. с некоторыми изменениями и дополнениями. В частности, городской голова должен был назначаться властями с последующим утверждением военным министром¹⁰.

В соответствии со ст. 11 Городового положения, для надзора за деятельностью Думы было образовано Сырдарьинское областное по городским делам присутствие, под председательством исполняющего должность военного губернатора области¹¹.

Постоянным исполнительным органом Думы являлась городская Управа. Она состояла из членов Управы и кандидатов. Во главе ее стоял городской голова. Управа имела свою структуру, которая состояла из двух хозяйственных отделов, распорядительного и счетного отделений. Каждое отделение работало самостоятельно, однако вмешательство администрации допускалось в случае невыполнения обязанностей.

Со временем добавлялись новые отделы. Был создан технический отдел, который включал архитектора, техника, чертежника, а также городского землемера, переводчика, журналиста, заведующего уличным освещением. В годы Первой мировой войны при ней были образованы новые отделы: отдел призрения беженцев и оценочно-статистическое бюро¹².

Дума могла назначать должностных лиц по общественному управлению в состав городской Управы и определять им содержание, устанавливать и уменьшать размеры городских налогов и сборов, определять городские расходы и утверждать городские сметы, рассмотрения и утверждения отчетов об употреблении городского бюджета, о заведовании городским имуществом, о действии Управы и т.д.

Специальные разделы «Положения» оговаривали условия выборов в Думу, проводившихся по куриальной системе. Для участия в выборах, как и в других городах империи, вводился имущественный ценз. Несмотря на то, что русское и вообще европейское население составляло крайне незначительную часть ташкентского населения, ему предоставлялось в Думе 2/3 мест.

Несправедливость такого соотношения была отмечена в отчете ревизовавшего в 1882-1883 гг. Туркестан, тайного советника Ф.К. Гирса, отметившего, что многие вопросы разрешаются «весьма часто к невыгоде азиатской части города»; что «более или менее справедливое соотношение представительства двух частей города в Думе не только может принести пользу в смысле соединения двух народностей, но, вместе с тем, и гарантировать правильное и равноправное самоуправление»¹³.

Число гласных определялось в количестве не более 72 человек: от европейского населения 48 и от местного, коренного населения 24 гласных.

Первые выборы в состав Ташкентской городской думы были проведены с 16 августа по 15 сентября 1877 г. В них приняли участие около 400 европейцев и около 200 человек из числа коренных жителей. В 1877-1881 гг. в Ташкентской городской думе насчитывался 71 гласный: 14 офицеров, 40 купцов и 17 человек различных профессий (врач, инженер, священник, архитектор и др.). Из общего числа гласных ташкентского городского самоуправления, представителей местного населения было 20 человек. Это были богатые купцы и землевладельцы¹⁴. Такое положение сохранялось практически весь период существования Думы. В 1913г. в городской Думе из 72 гласных насчитывалось 30 фабрикантов и заводчиков, 12 купцов, 8 домовладельцев, 22 лица свободных профессий¹⁵. Открытие Ташкентской городской Думы и ее первое заседание состоялось 1 сентября 1877 г.

Две трети членов городской Управы, как и члены Думы, избирались населением ново-городской части Ташкента и одна треть населением старогородской части сроком на 4 года¹⁶. Избиравшиеся в городскую Управу от местного населения гласные должны были обязательно знать русский язык¹⁷.

Количественный состав членов Управы оставался неизменным до 1 июля 1907 г.¹⁸, при этом его качественный состав был не очень высок. Как отмечали непосредственные свидетели, описывавшие жизнь Ташкента тех лет, членами городской Управы за 33 года ее существования состояло не менее 40 человек, в основном, – люди случайные, не подготовленные к ведению городского хозяйства. В их числе много бывших чиновников и офицеров с сомнительной репутацией в прошлом. Из них не более четверти соответствовало своему назначению, а остальные «больше суетились и аккуратнo получали содержание»¹⁹.

Отмечены случаи, когда члены Управы привлекались к судебной ответственности за бездействие и превышение власти.

На должность Ташкентского городского головы назначалось лицо, избранное генерал-губернатором и им же утвержденное²⁰. В городах же Центральной России должность городского головы замещалась по выбору городской Думы.

9 августа 1877 г. был назначен городской голова, которым стал начальник города (с сохранением этой должности) Эммануил Платонович Пукалов²¹. Такое совмещение должностей, генерал-губернатор К.П. Кауфман объяснял необходимостью избежать избрания на эту должность лица, случайного, а главное «ввиду политического положения города, значительное большинство жителей которого состоит из недавно покоренных мусульман»²².

Таким образом, должность городского головы в Ташкенте совмещал начальник города, он же являлся председателем Думы, следствием чего почти вся власть оказалась в его руках. Это обстоятельство значительно ограничивало права городского общественного управления. В январе 1905 г. туркестанский генерал-губернатор Н.Н. Тевяшов, резко критикуя состояние городского хозяйства в Ташкенте, высказался за разделение должности начальника города и городского головы. «Я уверен, – писал Тевяшов, – что ... каждый будет бессилен вполне исправно выполнить одновременно функции городского головы и начальника города, а потому я нахожу необходимым ныне же разделить эти две должности»²³. В 1905 г. должность начальника города и городского головы были разделены и последний стал избираться, а не назначаться²⁴.

В течение 40 лет существования Ташкентской городской думы на этой должности состояло 9 человек: Пукалов Э.П., Максимович К.М., Путинцев С.Р., Твертинов А.П., Ладыженский И.А., Киселев В.Ф., Рыбушкин В.Н., Малицкий Н.Г., Мулла Саид Махмуд Хан Мухитдин Ханов.

Дольше всех (10 лет) выборным городским головой Ташкента оставался Николай Гурьевич Малицкий²⁵. Его значимость для истории Ташкента и Средней Азии в целом переоценить очень сложно. Выпускник историко-филологического факультета Петербургского университета, в 1895 г. работу в Туркестане он начал в качестве преподавателя истории и географии в Туркестанской учительской семинарии и в Ташкентской мужской гимназии. Ему потребовалось немного времени, чтобы овладеть местными языками в такой степени, чтобы свободно читать на них лекции. В 1901-1906 гг. он возглавлял главную краевую газету – «Туркестанские ведомости». Малицкий серьезно занимался научными исследованиями, был председателем Туркестанского отделения Русского Императорского Географического Общества. 9 января 1907 г. Малицкий стал Ташкентским городским головой. За время его пребывания на этом посту в жизни Ташкента произошли серьезные изменения: были начаты работы по благоустройству города, в 1913 г. – пущен электрический трамвай, расширилась телефонная сеть, большое внимание стало уделяться содержанию больниц и санитарному надзору.

11 июня 1892 г. в России было принято новое Городовое положение, явившееся по своей сути контрреформой в области городского управления, значительно ущемлявшей самостоятельность органов городского самоуправления. Согласно высочайшему указу Правительствующего Сената от 11 июня 1892 г., новое Городовое положение вводилось во всех городах империи, за исключением Туркестанского края, Закаспийской области и тех городов Кавказа, к которым не было при-

менено прежнее Городовое положение. При этом определение срока введения нового положения на территориях, подчиненных военному министерству, оставалось за последним²⁶.

Военное министерство обратилось с запросом к туркестанскому генерал-губернатору барону А.Б. Вревскому. 21 июня 1893 г. Последний направил подготовленную им записку военному министру, в которой подробно изложил не только свою личную позицию, но и предысторию вопроса. Основные тезисы, содержащиеся в записке, сводились к следующему: «туземная» часть города продолжает жить обособленной и самостоятельной жизнью; гласные от коренного населения лишены инициативы и индифферентны; в городе до сих пор нет городской больницы; объединение должностей городского головы и начальника города – мера непродуктивная²⁷. Вывод генерал-губернатора: Городовое положение 1870 г. не дало благоприятных результатов ни с точки зрения благоустройства города, ни в отношении слияния «туземной» и русской части.

Генерал-губернатор Туркестана барон А.Б. Вревский ходатайствовал об упразднении или хотя бы о замене Городового положения 1870 г. более консервативным положением 1892 г. По его мнению, все звенья управления должны были быть сосредоточены в руках генерал-губернатора и его аппарата. Само существование городского самоуправления рассматривалось генералом Вревским как явление, ущемлявшее его и вверенного ему аппарата неограниченную власть и недопустимый демократизм. Генерал-губернатора беспокоила возможность «развращающего влияния самоуправления на умы местного населения»²⁸.

В 1892 г. в Ташкенте произошло восстание коренного населения, вошедшее в историю под названием «Холерный бунт». Оно произошло на фоне эпидемии холеры, пришедшей из Афганистана. Вревский напоминал, что недавно вышедшее из-под контроля коренное население «не признает власти, которая не повелевает, а совещается, особенно если это завоеватели»²⁹.

Консультации по вопросу о введения нового Городового положения были проведены и с МВД. Там посчитали, что «барон Вревский зря опасается», но никакого определенного ответа не дали³⁰.

25 октября 1893 г. барон Вревский обратился к военному министру с просьбой продлить срок полномочий для гласных Городской думы действующего состава, до утверждения в законодательном порядке нового Городового положения для Ташкента³¹. После долгой переписки с Министерством внутренних дел, в декабре 1893 г., военный министр отдал туркестанскому генерал-губернатору следующее распоряжение: «Разрешение вопроса о применении нового Городового положения в городах Туркестанского края может затянуться. Благоволите приказать произвести выборы в Ташкентскую городскую думу по существующему положению»³². Такое решение было вынужденным и временным, но, как показывает история, нет ничего более постоянного, чем временные меры.

«Особые правила 1877 г.» о городском самоуправлении в Ташкенте, были даже более реакционными, чем Городовое положение 1892 г. и поэтому в них не стали вносить изменения.

На протяжении нескольких десятилетий предпринимались попытки создать городские Думы в других городах края. 29 февраля 1880 г. генерал-губернатор Ка-

уфман направил предложения военному министру «О порядке введения в действие Городового положения в городах Туркестана». В документе, в частности, отмечалось, что не только Ташкент и Верный, но и другие города края «находятся на такой степени развития гражданских и торговых отношений», которая позволяет уже сейчас ввести в них Городовое положение 1870 г.³³ При этом, туркестанский генерал-губернатор отмечал, что по национальному составу и численности населения города края очень отличаются друг от друга, поэтому применять к ним Городовое положение в том же виде, что и для Ташкента, нельзя ни в коем случае. Необходимо рассматривать ситуацию в каждом городе в отдельности, при этом «испрошение особых разрешений для этого по каждому отдельному городу задержит движение таковых дел на весьма продолжительное время»³⁴.

Необходимо сказать о том, что при рассмотрении управленческих вопросов, военное министерство всегда обращалось за разъяснениями в МВД. По проблеме распространения Городового положения 1870 г. в 1880-х гг. МВД заняло выжидательную позицию, так как край находился в прямой юрисдикции военного министерства. При этом ответы на подобного рода запросы, касавшиеся ведения в Туркестане каких-либо новых форм и методов управления и, тем более, выборного самоуправления, как правило, представляли собой очень обтекаемые формулировки, лишённые определенности и конкретики.

После принятия Городового положения 1892 г. на заседаниях Совета туркестанского генерал-губернатора 27 и 29 мая 1893 г. обстоятельно обсуждался вопрос о введении Городового положения в других городах Туркестана, в частности, в Самарканде³⁵. Однако рассмотрение вопроса по Ташкенту затянулось и было постановлено дожидаться окончательного решения по столице края и только потом рассмотреть все остальные возможные варианты³⁶.

Серьезная диспропорция количества пришлого и коренного населения в пользу последнего, вселяла и центральной, и краевой властям опасения, что в органах местного самоуправления будут доминировать представители коренного населения. Эти же опасения помешали и созданию городских дум в других городах края, хотя в обращениях инициативных групп, ратовавших за их образование, подчеркивалось, что будет обеспечено преобладающее число гласных от русского населения. Так, в письме от 21 декабря 1901 г. туркестанскому Генерал-губернатору от начальника Закаспийской области поддерживалась идея введения городского самоуправления в Ашхабаде, но при соблюдении ряда условий. В частности, указывалось, что «в числе городских депутатов должно быть не менее 60% русских и, в общем, не менее 80% христиан»³⁷.

Сохранился целый ряд аналогичных документов, касающихся попыток введения самоуправления и в других городах. Среди них - ходатайство по поводу создания Городской думы в Пишпекке, написанное военным губернатором Семиреченской области 30 октября 1910 г.³⁸; прошение жителей города Самарканда 31 декабря 1916 г.³⁹. В последнем документе отмечалось, что в Самарканде проживает более 100 тыс. человек; рядом со «старым» городом вырос «новый» город, система же управления городским хозяйством Самарканда, ничуть не изменилась и по-прежнему остается в руках уездного начальства. Далее в документе подчер-

живается, что, несмотря на неоднократные обращения, ни одно из них не было удовлетворено, поэтому самаркандцы вновь «покорно просят удовлетворить их ходатайство»⁴⁰.

Городская дума Ташкента так же неоднократно обращалась к властям по вопросу создания системы самоуправления в других городах края. Последнее такое ходатайство было сделано Н.Г. Маллицким в 1916 г. В прошении генерал-губернатору А.Н. Куропаткину он отмечал, что эти самоуправления до общей, более широкой реформы, могли бы заняться налаживанием городского хозяйства. Однако и в этот раз городской голова Ташкента получил отказ.

Проблема выборного самоуправления в городах Туркестана неоднократно обсуждалась на заседаниях Государственной думы и Совета Министров. Но, несмотря на многочисленные ходатайства, вопрос так и не был решен положительно, а правительственный проект нового Городового положения, рассматривавшийся в 1916 г., так и не был принят.

Только под влиянием революционных событий, 8 марта 1917 г. туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин издал приказ о создании во всех городах края городских самоуправлений во главе с Городской думой⁴¹. В приказе предлагалось в каждом городе избрать Думы с числом гласных от 12 до 15 человек, Управы – от 2 до 4 человек; выбрать городского голову. В ведение созданных органов передать организацию городского хозяйства, вплоть до того момента, когда последуют возможные изменения по приказам новой власти. Половину гласных должны составлять представители некоренного населения.

Вслед за приказом последовало его разъяснение. В телеграмме, отправленной 13 марта 1917 г. на имя военного губернатора Самаркандской области, Куропаткин писал: «Первое – образовать городские думы сообразно местным условиям и желаниям самого городского населения, которому предоставить определить порядок выборов, число гласных и выбор городских голов. Второе – незымным условием до получения мною приказаний Временного Правительства, чтобы число гласных от европейского населения по каждому городу составляло не менее половины общего числа гласных. По моему мнению, туземцы Туркестана... в своих правах по городскому самоуправлению не могут быть вполне уравниены с группами населения, на которых воинская повинность распространена (на коренное мусульманское население Туркестанского края не распространялось несение всеобщей воинской повинности – Т.К.)»⁴².

В ответ на приказ генерал-губернатора с мест доложили о готовности провести подготовку и сами выборы в соответствии с Положением 1892г.⁴³

Опасаясь волнений, Куропаткин в марте неоднократно обращался в Петроград, с призывом ускорить присылку в Туркестанский край представителей Временного правительства. При этом, подчеркивая, что в регионе нет земского самоуправления, а городское имеется только в Ташкенте и Верном, а между еще не упраздненной властью и новой, в лице общественных советов и комитетов, бывают конфликты⁴⁴. В этих условиях в городах началась подготовка к выборам в городское самоуправление.

С падением самодержавия в крае усилились ожидания серьезных перемен в системе административного управления и местного самоуправления. 9-16 апреля 1917 г. в Ташкенте состоялся съезд исполнительных комитетов общественных организаций Туркестанского края. Съезд, обсудив вопрос о будущей форме правления в России, продемонстрировал обилие мнений и позиций.

Наряду с основным был рассмотрен вопрос о реформе городского самоуправления. Доклад по этому пункту повестки дня сделал Н.Г. Маллицкий. Его выступление еще более углубило противоречия на съезде.

Свой проект о разделении городского самоуправления на два самостоятельных органа – для европейского населения и, отдельно, для коренного населения – Маллицкий аргументировал необходимостью ограждения прав европейского населения, которое из-за малочисленности, могло быть подавлено представителями местного населения⁴⁵.

Этот проект был критически воспринят почти всеми выступавшими. Некоторые из них увидели в нем опасность усиления национального антагонизма. Отстаивая единство городского самоуправления, делегаты видели выход в его формировании на принципе пропорционального представительства в нем всех проживающих в Туркестане народностей. Особенно непримиримую позицию заняли представители национальной демократии. Ахмад Заки Валиди расценивал этот проект как линию на обособление русских от местного населения, а, значит, продолжение колониальной политики. Махмудходжа Бехбуди призвал к созданию единого городского самоуправления, видя в нем орган, воспитывающий народы в понимании друг друга, орган усиления влияния более развитой культурной части населения на менее развитую. В целях защиты интересов меньшинства, т.е. европейской части населения, он предлагал компромиссное решение: при формировании органов самоуправления взамен пропорционального принципа предоставить европейскому населению одну треть всех мест⁴⁶.

Значительным большинством съезд высказался за систему единого самоуправления. Это решение съезда имело важное значение и было весьма своевременным, т.к. в городах края начались процессы формирования Городских дум.

Проведение реформы городского самоуправления в регионе обсуждалось и на заседании Ташкентской Городской Думы. При этом высказывалось опасение, что русские могут потерять лидирующее место и влияние в управлении городов. 23 апреля 1917 г. Маллицкий выступил с докладом о реформах в городском самоуправлении на заседании Ташкентской городской думы, в котором были затронуты важные, на его взгляд, вопросы и аспекты, способные изменить деятельность городского самоуправления. «Мне кажется, – обратился он к гласным, – что происшедший великий переворот не может иметь своим последствием лишение нас, русских, туркестанцев, право на культурное самоопределение, хотя бы мы находились здесь и в меньшинстве»⁴⁷.

В выступлении, в частности, был затронут вопрос о преобразованиях в организации городского самоуправления в деятельности Ташкентской городской думы⁴⁸. Так, Н.Г. Маллицкий вновь, несмотря на решение съезда исполнительных комитетов Туркестанского края, предложил создать систему особых самоуправлений для русских и для коренных частей городов всюду, где это возможно. Там

же, где это невозможно, он, соглашаясь с решением съезда, предлагает допустить организацию одного самоуправления с тем, чтобы число русских гласных составляло не менее 1/3 общего числа гласных. Что же касается городских ресурсов, то к ведению каждого из самоуправлений, по его мнению, в принципе должны отойти те городские имущества, учреждения и предприятия, что расположены на его территории.

При этом Маллицкий продолжал выступать за скорейшее введение в других городах Туркестанского края самоуправления, хотя бы в форме упрощенного положения 1892 г.

2 июня 1917 г. Временное правительство обнародовало указ о распространении выборов в городское самоуправление на все города Туркестана. Туркестанскому комитету Временного правительства было дано право определять число гласных, изменять в соответствии с местными условиями инструкцию и создавать для проведения выборов специальные комитеты там, где управы отсутствовали.

Функционирование на протяжении 40 лет выборного городского самоуправления в Ташкенте и Верном, при всем несовершенстве и удаленности от идеалов демократии, свидетельствовало о первых шагах, сделанных по пути модернизации управления крупнейшей национальной окраины Российской империи, а участие в органе городского самоуправления представителей коренного населения, пусть и небольшим составом, способствовало привлечению его к общественной жизни, создавало некоторые условия для его политической активизации.

¹ Туркестанские ведомости. 30 августа 1877.

² Рамки настоящего сообщения не позволяют нам подробно остановиться на истории формирования и функционирования выборного городского самоуправления одновременно в Ташкенте и Верном, поэтому мы ограничимся рассмотрением Ташкентской городской думы.

³ Азадаев Ф. Ташкент во второй половине XIX в. Ташкент, 1959. С. 105.

⁴ Например, содержание лиц, заведующих ирригационными сооружениями, полиции, устройство и ремонт улиц и дорог, освещение города и т.д.

⁵ Туркестанские ведомости. 30 августа 1877.

⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 520. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 3.

⁸ Там же. Л. 71-76.

⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 520. Л. 81-84.

¹⁰ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 16. Д. 1995. Л. 80; Ф. И-17. Д. 2034. Л. 21.

¹¹ Туркестанские ведомости. 30 августа 1877.

¹² ЦГА РУз. Ф. 37. Оп. 1. Д. 546. Л. 12.

¹³ Цит. по: Абдурахимова Н.А., Рустамова Г. Колониальная система власти в Туркестане во второй половине XIX-первой четверти XX вв. Ташкент, 1999. С. 35-36.

¹⁴ Кастельская З.Д. Из истории Туркестанского края. М., 1980. С. 50.

¹⁵ Ташкент. Энциклопедия. Ташкент, 1984. С. 84.

¹⁶ Там же. С. 89.

- ¹⁷ Котляр П., Вайс М. Как проводились выборы в Туркестане в местное управление и в Государственную Думу. Ташкент, 1947. С. 6.
- ¹⁸ Бродский Л.К. К 35-летию Ташкентского Городского Общественного Управления. Ташкент, 1912. С. 7-9.
- ¹⁹ Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем. Ташкент, 1912. С. 85.
- ²⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 520. Л. 3-3об.
- ²¹ Туркестанские ведомости. 30 августа 1877.
- ²² ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 737. Л. 4.
- ²³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 3258. Л. 73об.
- ²⁴ Бродский Л.К. К 35-летию Ташкентского Городского Общественного Управления. Ташкент, 1912. С. 87.
- ²⁵ О Н.Г. Малицком см.: Историография общественных наук в Узбекистане. Био-библиографические очерки / Сост. Б.В. Лунин. Ташкент, 1974; Голендер Б. Мои господа ташкентцы. Ташкент, 2007.
- ²⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1565. Л. 2.
- ²⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1565. Л. 6об.
- ²⁸ Там же. Л. 5-8об.
- ²⁹ Там же. Л. 7об.
- ³⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1565. Л. 22об.
- ³¹ Там же. Л. 23.
- ³² Там же. Л. 31.
- ³³ Там же. Д. 520. Л. 62.
- ³⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Л. Д. 520. 65-65об.
- ³⁵ Там же. Д. 1565. Л. 11об-16.
- ³⁶ Там же. Л. 32.
- ³⁷ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 13. Д. 259. Л. 7.
- ³⁸ Там же. Оп. 12. Д. 1638. Л.4.
- ³⁹ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 27. Д. 444. Л. 12.
- ⁴⁰ Там же. Л. 12.
- ⁴¹ Ковалев П.А. Революционная ситуация 1915-1917гг. и ее проявления в Туркестане. Ташкент, 1971. С. 222.
- ⁴² ЦГА РУз. Ф. И-20. Оп. 1. Д. 1895. Л. 14.
- ⁴³ Там же. Д. 1893. Л. 6.
- ⁴⁴ ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 13. Д. 1175. Л. 7,21.
- ⁴⁵ Протоколы съезда исполнительных комитетов Туркестанского края. Ташкент, 1917. С. 27.
- ⁴⁶ Протоколы съезда исполнительных комитетов Туркестанского края. Ташкент, 1917. С. 28-29.
- ⁴⁷ РГВИА. Ф. Р-2231. Оп. 2. Д. 18. Л. 4об.
- ⁴⁸ Там же. Л. 3об.

ХИВА В РОССИЙСКОЙ И ОСМАНСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ 1873 г. (В.В. Григорьев и Али Суави)

Редакционная статья газеты «Русский мир» от 1-ого января 1874 г., посвященная обзору главнейших событий в сфере внешней политики России ушедшего года, открывалась следующими словами: «1873 г. начался для нас при обстоятельствах довольно тревожного характера. Мы вынуждены были предпринять военную экспедицию в Хиву, для поддержки нашего политического достоинства, которое подрывалось долговременными безнаказанными действиями хивинского правительства; удерживавший в неволе русских подданных, поощрявший грабежи и разбои хивинский хан считал себя вполне обеспеченным от угроз России, ввиду прежних неоднократных неудач русских в походах против Хивы. Нужно было разрушить это самообольщение маленького азиатского деспота и доказать на деле, что ни безводные степи, ни бесплодные громадные пространства никого не могут освободить от обязанности уважать справедливые требования России и оградить от наказания за враждебные к ней действия. Нельзя было не видеть, что безнаказанность грабежей и разбоев, чинимых с дозволения хивинского хана, могла подвергнуть сомнению уже приобретенное нами влияние в Средней Азии. Коканд и Бухара с понятливой пытливостью выжидали исхода нашего столкновения с ничтожным, сравнительно с Россиею, хивинским ханством, претендовавшим еще на независимость». Поход на Хиву продолжался с 27 февраля по 29 мая (ст. ст.). Его итоги – взятие Хивы и установление над ней российского протектората – означали крупный, но промежуточный выигрыш России в так называемой «Большой игре». Следующая геополитическая партия между Россией и Англией была разыграна во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

Османская империя, уже давно проявлявшая интерес к расширению своего влияния в среднеазиатском регионе, в начале 70-х годов добилась определенных успехов. В 1873 г. вассалом османского султана Абдул-Азиза (1861-1876) себя признал правитель Кашгара Якуб-бек. В последующие годы между двумя государствами наблюдаются интенсивные дипломатические контакты, из Стамбула в Кашгар направляются деньги, военные советники и оружие. Все это было отражением новых тенденций в политике и идеологии Порты, связанных с утверждением роли османского султана-халифа как законного главы всего мусульманского мира. Надо отметить при этом, что данный процесс шел на общем фоне русско-турецкого сближения 1871-1875 гг. в вопросах европейской политики.

В этом контексте большой интерес представляет опубликованная весной 1873 г. в Париже на двух языках (турецком и французском) брошюра османского публициста Али Суави «Хива в [месяце] мухаррем 1290 года [хиджры]» / «Le Khiva en mars 1873» («Хива в марте 1873 года»).

Али Суави (1839-1878) являлся одним из лидеров конституционалистского общества «Новых османцев» (партии «Молодая Турция»), созданного в Париже в августе 1867 г. Фрондирующую против султана Абдул-Азиза партию возглавлял брат египетского хедива (вице-короля) Мустафа Фазыл-паша. Членами руководящего комитета были назначены: османские журналисты Зия-бей и Агях-эфенди,

писатель Намык Кемаль, деятель польской эмиграции граф Владислав Платер, а также член I Интернационала и участник Парижской Коммуны Симон Дейч. Официально партия «Молодая Турция» создавалась с целью: «1. Воплотить в жизнь реформаторскую программу принца Мустафы Фазыл-паши, содержащуюся в его письме султану и, как следствие, произвести ниспровержение того режима и тех людей, которые угнетают и истощают Османскую империю; 2. Сокрушить влияние России на Востоке путем освобождения христианского населения в Турции от московитской опеки». Одним из последствий деятельности «Молодой Турции» стало появление оппозиционной турецкой прессы за границей.

Во главе первой из таких газет, а именно «Мухбир» (выходила в Лондоне) встал Али Суави, со временем нашедший себе новых покровителей и единомышленников-руссофобов в Англии: известного общественного деятеля, писателя, политика и издателя Дэвида Уркарта (1805-1877), востоковеда Чарльза Уэллса (1839-1917) и депутата парламента Генри Александра Монро Батлер-Джонстона (1837-1902) - тайного эmissара британского премьера Дизраэли в Турции накануне и во время русско-турецкой войны. После того, как в 1871 г. в Турции была объявлена всеобщая амнистия, «новые османцы» потянулись на родину. Долше других за границей оставался Али Суави, вернувшийся в Стамбул лишь в октябре 1876 г. В мае 1878 г., надеясь спровоцировать возобновление войны с Россией, Али Суави предпринял вооруженную попытку свергнуть султана Абдул-Хамида II (1876-1909) и провозгласить новым османским султаном проанглийски настроенного принца Мурада. Попытка не удалась: прорвавшаяся во дворец Чыраган группа боевиков и ее предводитель были уничтожены.

Наиболее полной работой, посвященной Али Суави, его биографии, публицистической и политической деятельности, сегодня является монография турецкого исследователя Х. Челика «Али Суави и его время»¹. Отечественные исследователи также обращались к анализу его публицистической деятельности: А.Д. Желтяков проанализировал его деятельность в качестве редактора газеты «Мухбир» в 1867-1868 гг., а Ю.А. Петросян рассмотрел некоторые сюжеты из вышеупомянутой брошюры Али Суави. Тем не менее, ряд вопросов, по-прежнему остается нерешенным. В первую очередь, это относится к источникам, которыми мог воспользоваться Али Суави при подготовке своей брошюры.

В этой связи в докладе нами обращается внимание на факт из биографии Али Суави, который по каким-то причинам остался вне поля зрения вышеперечисленных авторов. Дело в том, что еще в конце 1868 г. британское правительство под видом мусульманского богослова направило Али Суави в Бухарское ханство, выплачивая ему в течение этой миссии крупные суммы денег (до 100 ф. ст. в месяц). Российский посол в Константинополе Н.П. Игнатьев сообщал в Петербург в январе 1869 г., что Али Суави были поставлены две задачи: «С одной стороны, доставлять в Англию сведения о положении дел в Средней Азии, а с другой – направлять умы тамошнего населения в смысле нам враждебном»². Мы можем заключить, таким образом, что данная миссия Али Суави, которая состоялась в период после 3 ноября 1868 г. (закрытие «Мухбир» в Лондоне) и до середины июля 1869 г. (начало им издания газеты «Улум» в Париже), дала ему возможность ознакомиться с

Бухарой и сопредельными территориями Средней Азии, собрать ряд сведений непосредственно на месте.

В тексте брошюры есть ссылки на русскоязычные материалы. Это обстоятельство дает нам возможность обратиться к другой проблеме, а именно: задать вопрос, кто мог быть автором профессионального перевода «Хивы...» на французский язык. Х. Челик в качестве возможной кандидатуры на автора литературной правки данного текста называет уже упоминавшегося нами Д. Уркарта, спонсировавшего многие издания Али Суави и обеспечивавшего им необходимую рекламу. Однако для перевода такого специального текста одного хорошего знания французского языка недостаточно. Поэтому мы берем на себя смелость предположить, что в переводе текста, а возможно, частично и в его подготовке, мог принять участие один из корреспондентов газеты «Мухбир», а именно известный востоковед-полиглот, профессор Пештского университета Арминий Вамбери. В 1873 г. автор знаменитого «Путешествия по Средней Азии» (дополненное и исправленное немецкое издание этой книги в 1873 г. вышло в Лейпциге) опубликовал свои очередные труды: «Средняя Азия и англо-русский пограничный вопрос» (в Лейпциге на немецком языке) и «История Бухары» (в Лондоне на английском языке). Известно, что в 1874-1875 гг. Вамбери настойчиво предлагал Форин-офису свои услуги в качестве платного информанта и публициста по ближневосточным и среднеазиатским делам. В этом контексте его возможное сотрудничество с британским агентом Али Суави отнюдь не выглядит невероятным. Надо также заметить, что основной тезис брошюры «Хива в марте 1873 года» состоит в прокламации единства тюркского мира - на основе общности религии и этнического происхождения - перед лицом перманентной российской агрессии – вполне корреспондирует с давней идеей Вамбери о желательности создания на базе этой общности некоего политического образования под эгидой османского султана с целью успешного противостояния московитскому натиску.

Степень знакомства тогдашней европейской просвещенной публики с азиатской Россией демонстрирует популярный роман Ж. Верна «Михаил Строгов» (1875), повествующий о нашествии конницы бухарского хана на Иркутск. В таких условиях претензии Вамбери на роль главного специалиста по Средней Азии, естественно, вызвали отпор в России. Хотя борьба за западноевропейские умы в этот период велась уже не только пером, но и кистью³, основное бремя борьбы с Вамбери и его русофобскими взглядами взял на себя профессионал – ученик О. И. Сенковского, выдающийся русский тюрколог Василий Васильевич Григорьев (1816-1881), с 1873 г. возглавлявший Восточный факультет Петербургского университета. В 1873 г. – на протяжении всего хивинского похода - в газете «Русский мир»⁴ публиковались его «Письма Султана Мендали Пиралиева...», которые впоследствии вышли отдельным изданием под названием «Султана Мендали Пиралиева девять Хивинских писем в редакцию “Русского мира”».

А.В. Никитенко дал следующую оценку этому сочинению Григорьева в своем «Дневнике» (запись от 9 октября 1873 г. по ст. ст.): «...Это остроумные заметки по поводу нашего похода в Хиву, напоминающие манеру и слог наставника автора, Сенковского». Памфлет Григорьева разнопланов: в нем нашел отражение богатый опыт, накопленный автором в период практической работы, в частности, в качест-

ве управляющего областью оренбургских киргизов в 1854-1862 гг., а также были затронуты многие вопросы на злобу дня. В частности, для Вамбери им была припасена такая характеристика: «... экс-дервиш, профессор Вамбери, беснующийся с пеною у рта, когда говорит о русских в Средней Азии».

Однако основной удар по Вамбери Григорьев нанес на поле профессионального знания, опубликовав в том же году разгромную развернутую рецензию на его книгу «История Бухары». Этим научной репутации Вамбери был нанесен тяжелый урон. Положение усугубило то обстоятельство, что впоследствии данную рецензию Григорьева опубликовал в английском переводе в своем сборнике «Туркестан...» (Лондон, 1876) бывший секретарь американской миссии в Петербурге Ю. Скайлер. Неудивительно поэтому, что имени Вамбери мы не находим среди участников III Международного съезда востоковедов, состоявшегося в Петербурге в августе-сентябре 1876 г., а начало его карьеры в качестве платного агента британского правительства было отсрочено по крайней мере до 1880-х гг.

¹ Çelik H. Ali Suavî ve Dönemi. İstanbul, 1994.

² Халфин Н.А. Присоединение Средней Азии к России (60 – 90-е годы XIX в.). М., 1965. С. 247.

³ В этой связи надо вспомнить оглушительный успех картин «туркестанского цикла» на персональной выставке В.В. Верещагина в лондонском Хрустальном дворце в апреле – июле 1873 г.

⁴ Русский мир. 1873. №№ 52, 61, 73, 74, 80, 89, 94, 98, 102.

Чэн Хун

СПОСОБЫ ПРОНИКНОВЕНИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В РАЙОНЫ ПРОВИНЦИИ ХЭЙЛУНЦЗЯН И ЕЕ ВЛИЯНИЕ

Русская культура занимает очень важное место в мире, она внесла весомый вклад в развитие мировой культуры. В силу географического положения Россия и Китай тесно граничат друг с другом, что, в особенности, способствует передаче русской культуры и, в определенной степени, отражается в языке, кухне и архитектуре зданий провинции Хэйлунцзян.

В последнее столетие проникновение русской культуры в основном происходило тремя способами: военные действия, миссионерство и эмиграция. Военные действия одновременно принесли с собой и культурные инновации: учреждение новых форм воспитания и образования, новых форм учебных заведений, способствовало культурному развитию периферийных районов провинции, положило начало проведению целого ряда культурных мероприятий и т.д.

Военные действия также способствовали и проникновению миссионеров в отдаленные глубины провинции. Основание Китайско-Восточной железной дороги стало пиком проникновения русской культуры на территорию провинции Хэйлун-

цзян и оказало огромное влияние на ее экономику и культуру. Русский управляющий КВЖД уделял очень большое внимание образованию. Основание 6 декабря 1898 года первого учебного заведения в Харбине сыграло ключевую роль в дальнейшем развитии образования. Что касается проповедования религии, то с момента основания собора Святого Николая в 1898 году, до создания береговой ветви КВЖД, было образовано уже 38 православных церквей. Одновременно с основанием церквей русские распространяли и православие и увеличивали число его приверженцев. К моменту возникновения религиозного района Харбина в 1922 году количество верующих уже достигло 300 тыс. человек. И по сегодняшний день на территории провинции Хэйлунцзян остается немало православных соборов, как действующих, так и исторических памятников.

Еще одним важным способом проникновения русской культуры на территорию провинции Хэйлунцзян стала эмиграция: китайских иммигранты их дети в России и находившиеся на северо-восточной территории Китая русские. Харбин был так называемой столицей для русских, живущих в эмиграции, здесь было сосредоточено наибольшее количество эмигрантов из России.

Влияние русской культуры в определенной степени отражается в языке, кухне и архитектуре зданий провинции Хэйлунцзян. Что касается языка, то многие переведенные с русского языка слова знакомы практически каждому жителю провинции и используются ими в повседневной жизни. Русская кухня повлияла и на пристрастия жителей провинции Хэйлунцзян в еде. В Харбине можно найти множество ресторанов русской и европейской кухни, пивных баров, русскую колбасу, хлеб, сливочное масло, красную икру и многие другие продукты питания, уже ставшие неотъемлемой частью рациона питания жителей провинции Хэйлунцзян. Русская культура нашла свое отражение в архитектурном убранстве Харбина и его топонимике. Харбин часто называли “Восточной Москвой”, “Восточным Парижем”, этот город был широко известен как в стране, так и за рубежом.

Н.В. Макарова

ПОЛОЖЕНИЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО НЕРУССКОГО ДВОРЯНСТВА В ЦАРСТВОВАНИЕ НИКОЛАЯ I (на примере просьбы литовских татар о сохранении прав дворянства)

В Российской империи первой половины XIX в. большую роль играли губернские и уездные дворянские депутатские общества и собрания, которые были образованы в соответствии с реформой губернского управления 1775 г. Они активно участвовали в общественной жизни страны, являясь оплотом самодержавной власти. Им же были поручены функции сословного учета, то есть составление и ведение дворянских родословных книг. Подтверждение прав дворянства во многом стало зависеть от деятельности депутатов во главе с предводителем дворянства. Поэтому правительство стремилось держать под контролем деятельность дворянских обществ и в то же время содействовать их инициативе.

Диалог верховной власти и дворянских обществ был также налажен удовлетворительно. Например, во второй четверти XIX в. при объездах губерний император Николай I обязательно встречался с представителями дворянства губернии, принимал бал в свою честь, разрешал просьбы местных помещиков. Любой дворянин мог обратиться к императору с просьбой письменно или добиться аудиенции и обязательно получал ответ. Такой порядок был повсеместной практикой, поэтому дворянство чувствовало свою неразрывную связь с престолом, стремилось поддерживать его.

Случаи, когда дворяне просили у царя должности, пособия, награды, крупные суммы денег зафиксированы в делах Собственной его императорского величества канцелярии, которая особенно эффективно действовала в царствование Николая I. Благодаря III Отделению указанного ведомства и его главе графу А.Х. Бенкендорфу удавалось разрешать многие вопросы жизни дворянства.

Не менее важным было для власти и умение учесть интересы дворян различного этнического происхождения, так как Российская империя являлась не только многоконфессиональной, но и многонациональной страной. Однако вопрос о национальной принадлежности требует некоторого пояснения. В дореволюционной России не было понятия «национальность». Все население делилось на «природных обывателей», «иностранцев» и «иностранных». Официально понятие «иностранцы» было введено в начале XIX в. К ним относились все «обыватели» не русского происхождения за исключением «оседлых иностранцев», которые приняли православие и считались россиянами. К числу собственно «иностранцев» в XIX в., по сведениям А.В. Елпатьевского, относились: сибирские народы, самоеды Архангельской губернии, кочующие иностранцы, калмыки Астраханской губернии, киргизы Внутренней Орды, чукчи, алеуты, евреи¹. Существовала также категория «оседлых иностранцев» к которым относили язычников и магометан, но это понятие было слишком общим и не прижилось в документах того времени. Сведений о национальном («иностранном») составе дворянства первой половины XIX в. мы не имеем, но согласно данным А.П. Корелина, можно предположить, что их было не менее 50%². Изучавшие историю дворянских родов И.Н. Болтин, М.М. Щербатов и Н.П. Павлов-Сильванский, Е.П. Карнович, считали, что татарские роды составляли большинство «иностранческих» родов русского дворянства. Н.П. Загоскин предполагал, что не менее 110 русских дворянских родов происходили из служилых татар³. Позднее часть дворян татарского происхождения не смогла подтвердить свои права на владение землями и крестьянами. История этого вопроса сводилась к следующему.

Переход татарских князей и мурз на русскую службу относится к концу XIV в. и связан с поражением татарской орды на Куликовом поле. После этого события татарские царевицы являлись на военную службу на Русь и в Литву и приводили дружины подвластных им татарских князей. Последние вознаграждались за службу земельным жалованием. Для части же татарских князей и мурз переход на русскую государственную службу был вынужденной мерой, так как позволял сохранять им свои земельные владения. Татарские князья и мурзы исполняли преимущественно военную службу. До XVII в. права вотчинников из «иностранцев» и русских бояр были одинаковы, но с распространением на Руси крепостного права

«иноверцы» стали ограничиваться в правах владения крестьянами и тем самым понуждались российским правительством к переходу в православие. При Петре I была проведена первая подушная перепись населения (1718 г.), согласно которой было уничтожено различие между служилыми мурзами и ясачными крестьянами, что лишило некоторых татарских мурз прав дворянства. Но по ходатайству татарских князей уже при Екатерине II им были возвращены некоторые права и привилегии. Указ от 22 февраля 1784 г. «О дозволении князьям и мурзам татарским, оставшимся в магометанском законе, пользоваться всеми правами и преимуществами российского дворянства»⁴ возвратил многим из них земельные владения, но запрещал владеть крепостными христианского исповедания. К тому же «инородческие» татары числились не в родословных дворянских книгах, а в особом списке Герольдии, что ставило их в неравное положение по отношению к «благородному» дворянству. Но, несмотря на это, отдельным татарским родам удалось в результате ходатайств сохранить преимущества и права дворянства в полном объеме. Так, Свод законов 1842 г. в разделе о состояниях разрешал «мурзам казанским и татарам литовским, которые сами, их отцы, деды или прадеды состояли в подушном окладе» получать дворянское достоинство на праве однодворцев. Однодворцы же могли восстанавливать права дворянства «единственно через военную службу». Таким образом, российское правительство проявляло некоторую лояльность в приобретении прав дворянства к мусульманам, проживающим на окраинных территориях, что было связано с традицией оборонять рубежи Отечества силами «инородцев».

Здесь следует обратить внимание еще на один аспект. Так как часть «инородцев» были также и «иноверцами», то правительство ограничивало их права на гражданскую службу, вводя образовательный ценз, что делало практически невозможным продвижение их по служебной лестнице. Эта мера должна была способствовать переходу «иноверцев», в основном магометан, в православное исповедание.

Особую группу «инородцев» составляли литовские татары и татары Киевской губернии, которым было даровано исключительное право, владеть православными крепостными крестьянами, несмотря на их мусульманское вероисповедание, что и было подтверждено именным Указом Николая I 1840 г. Часть татарских князей приняла православие и ассимилировалась с русским дворянством, так как все крещенное население Российской империи независимо от этнической принадлежности считалось русским. Вопрос национальной принадлежности стал возникать лишь после 1905 г., когда национальные движения стали заявлять о себе. До начала же XX в., как считают исследователи, нацией называло себя лишь дворянство⁵.

Мы подробнее остановимся лишь на одном примере, характеризующем состояние дворянства татарского происхождения, проживающего в Литве. Речь пойдет о литовских татарах, которые могли лишиться прав на дворянство и конфискации имущества в результате восстания в Царстве Польском в 1830–1831 гг.

Документы характеризуют положение, в котором оказались литовские татары в связи с восстанием в Царстве Польском. Это записка просителей от дворянства – литовских татар Кенского, Талаковского и Барановского по случаю польских событий, их письмо А.Х. Бенкендорфу, его ответ, Указ Правительствующего Сената, именной Указ Николая I. Эти документы подтверждают внимательное отноше-

ние власти к местному «иностранческому» дворянству и понимание ею важности вопроса о преимуществах дворянского сословия, в том числе и нерусского происхождения.

В целом можно отметить, что российское правительство проводило осторожную политику русификации населения и слияния «иностранцев» с русскими.

¹ Елпатьевский А.В. Законодательные источники по истории документирования сословной принадлежности в царской России (XVIII – начало XX вв.) // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей. М., 1986. С. 57.

² Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России 1861 – 1904 гг. М., 1979. С. 48 – 49.

³ Загоскин Н.П. Очерки организации и происхождения служилого сословия в допетровской Руси. Казань, 1875. С. 195.

⁴ ПСЗ РИ. Собр. I. Т. 22. № 15936.

⁵ Марасинова Е.Н. Эпистолярные источники о социальной психологии русского дворянства // История СССР. 1990. № 4. С. 170.

В.В. Дамье

АНАРХИЗМ ПРОТИВ НАЦИОНАЛИЗМА

Отношение анархизма к так называемому «национальному вопросу» сложилось не вдруг и не сразу. Его становление и развитие тесно связано с возникновением интернационализма в современном смысле этого слова.

Национальные вопросы долго составляли предмет споров среди либертари-ев. Можно считать установленным, что понятия интернационализма в современном смысле в XIX веке еще не существовало ни в анархистской среде, ни в общественном сознании вообще. Известно, что основоположник анархизма Михаил Бакунин, несмотря на отрицательное отношение к национальному и любому другому государству и к государственному патриотизму, интересовался проблемой национального освобождения славян, хотя и выступал против того, чтобы это освобождение принимало государственнический характер. Более того, в своей полемике с Марксом он нередко прибегал к рассуждениям в духе национальной психологии, что отвергалось последующими поколениями анархистов. Комментируя эти факты, известный историк анархизма Макс Неттлау справедливо отмечал позднее, уже в XX веке, что «интернационализм был еще слабо развит у людей, которые, подобно Бакунину, перешли к нему непосредственно от национализма», и для современных анархистов эти взгляды неприемлемы¹. Разумеется, причины националистических элементов в воззрениях некоторых анархистов XIX столетия следует искать не только в особенностях их биографии или идейного созревания, но и в общем настрое века – «эпохи национальных государств», когда прочное место в сознании занимали представления о «коллективных чертах» или «коллективной психологии» народов и наций: целые народы рассматривают так, «как если бы они были

единым существом и наделяют определенными чертами характера и особыми психологическими качествами»². От таких представлений не могли быть свободными в большинстве своем и социалисты – как анархисты, так и марксисты.

Анархисты конца XIX и начала XX веков нередко принимали активное участие в различных национально-освободительных движениях. Так, немалое число итальянских и русских анархистов отправились в 1875 – 1877 гг. на помощь антиосманскому восстанию в Боснии, несмотря на то, что Бакунин отговаривал их от «тяги на Балканы», подчеркивая, что «применять свои силы революционерам следует у себя на родине»³. В 1882 г. Эррико Малатеста и другие итальянские анархисты в Египте участвовали в антиимпериалистическом восстании Араби-паши⁴. Болгарские анархисты играли видную роль в движении за освобождение Македонии из-под власти Османской империи⁵, кубинские – в борьбе за независимость своей страны от Испании⁶ и т.д.

Мотивы таких действий объяснил ведущий теоретик анархизма того времени Петр Кропоткин. «...Нам предстоит, я думаю, – писал он анархистке Марии Корн, – в каждом национальном движении выдвигать **народные** вопросы рядом с **национальными**. Но для этого чураться национальных движений нам не приходится. В двух словах наше отношение такое: «Вы хотите свергнуть иго русских, турок, англичан? Превосходно! Взгляните на дело шире! Ставьте **народный** вопрос – тогда вы разрешите национальный! Мы тоже ненавидим ваших угнетателей, но мы смотрим глубже и видим угнетенный **народ!**». «Не мешать, не сторониться от вас мы будем, а выдвинем **народный** вопрос. Честные из вас, националистов, будут с нами!»»⁷.

Очевидно, что речь здесь не идет о какой-либо «национальной идее», скорее, о прагматической тактике участия в массовых общественных движениях в попытке добиться их радикализации и перевода на социально-революционные рельсы. Противоречивость этой позиции сказалась чуть позже, когда в период Первой мировой войны Кропоткин и 15 других известных анархистов различных стран подписали манифест в поддержку Антанты. Большинство либертариев мира (Малатеста, Эмма Гольдман и другие) отреагировали на такое отступничество с негодованием.

Наряду с этим, многие анархисты уже в конце XIX века стали высказывать взгляды абсолютного интернационализма и отрицать возможность особого национального освобождения, признавая лишь освобождение социальное. Так, видный кубинский анархист Энрике Роиг-де-Сан-Мартин писал в 1890 г.: «Да, мы – антипатриоты... Именно потому, что анархист не любит свое отечество, он может ощущать себя и черным, и китайцем, и французом, и любым жителем Земли. Именно жители Земли составляют его семью, и никакие религиозные или иные различия не могут оправдать бойню среди его членов»⁸. Стойкое отвращение к любому национализму, включая национализм угнетенных наций, иногда побуждал анархистов даже не участвовать в выступлениях против шовинистической политики правящих кругов. Так, далеко не все французские либертариисты принимали участие в движении протеста против «дела Дрейфуса», заявляя, что их интересуют лишь социальные проблемы.

Нередко либертарии противопоставляли национальному принципу, связанному с государством, региональный, основанный на географических или культур-

ных критериях. Так, анархистские и анархо-синдикалистские организации Испании и Латинской Америки часто называли себя не страновыми, а «региональными секциями», а созданная в 1927 г. Иберийская федерация анархистов объединила сторонников безвластия из Испании и Португалии. По языковому принципу построена франкоязычная Анархистская федерация и т.д.

Первая мировая война усилила антинационалистические настроения среди большинства анархистов. К межвоенному периоду относятся попытки сторонников безвластия обосновать и развить свою альтернативу «национальной идее». Наиболее фундаментальной из них следует считать работы виднейшего немецкого теоретика анархо-синдикализма Рудольфа Роккера. Написанные им в это время статьи составили основу выпущенной им позднее книги «Национализм и культура». Переведенная на большинство европейских языков, а также японский, она получила одобрительные отзывы таких выдающихся умов, как Альберт Эйнштейн, Бертран Расселл, Льюис Мэмфорд и Томас Манн.

Согласно анализу Роккера, основанному на приводимом им богатом фактическом материале, национальное сознание – продукт сравнительно недавнего времени. В Средние века, утверждал автор, его не было, поскольку человек был тесно связан со своим непосредственным социальным окружением, с одной стороны, и с универсальной христианской цивилизацией, с другой. Лишь экономические и политические изменения на исходе Средневековья привели к жесткому разграничению себя и других, к росту эгоистического индивидуализма и ослаблению чувства солидарности. На место прежних коллективных, общинных структур пришли национальные. Созданные абсолютизмом с помощью оружия национальные государства произвольно собрали под свою эгиду разнородные в культурном, этническом и языковом отношении территории и объявили их население своими подданными. Он категорически отрицал, что нация – это естественное образование, сложившееся в ходе развития общества «снизу». Не нация создает государство, а государство создает нации и по своему произволу кроит границы между ними, утверждал Роккер. «Нация – это всегда искусственный результат властно-политических устремлений...», а национальное чувство – чисто психологический феномен.

В то же время, идея нации несла в себе первоначально определенное антиабсолютистское зерно. Так, во Франции XVIII века существование нации связывалось с ее суверенностью, якобы узурпированной монархией. В этом контексте понятие нации противопоставлялось понятию «подданные». Нация означала как бы подданных, вернувших себе суверенитет. Но после свержения абсолютизма и обретения национального суверенитета ситуация изменилась. Начиная с Французской революции нация стала носителем и воплощением общей воли, ее волеизъявление уподоблялось божественному откровению. Почитание собственной нации как «великой» логическим образом превратилось в отторжение других и презрение к ним. Роккер говорил о нации как о тиранической абсолютной идее: «Нация – все, человек – ничто». То, что на практике первые сделали во Франции, философски и теоретически осмыслили и сформулировали в Германии. Немецкая классическая философия провозгласила историческую необходимость и всемирную миссию так называемого «народного» или «национального духа». Нация стала религией со-

временного государства. За провозглашением единого национального государства всегда следовала унификация разнородных составляющих групп, зачастую насильственная.

За речами о единстве национальных интересов, доказывал немецкий анархист, лишь скрываются властно-политические и экономические интересы привилегированных меньшинств. Они призваны скрыть реальные социальные противоречия внутри каждой такой нации, которые гораздо больше, чем все предполагаемые национальные различия. Роккер показывал также, что нет никакой единой национальной культуры, что в реальности существовали многочисленные территориальные культурные и языковые группы, стерты могучей рукой внедряющего единообразия национального государства. Так называемый «культурный» национализм анархо-синдикалистский теоретик называет «фиговым листком», надеваемым в эпоху чужеземного господства, когда не удастся реализовать собственные властно-политические планы. Воспоминание о некоем «культурном величии» прошлого используется для обоснования претензий на национальную власть в собственном государстве.

Фашизм Роккер рассматривал как доведение национальной идеи до ее логического и неприкрытого завершения. «Современный национализм, — писал он, — есть голая жажда государства любой ценой, полное растворение человека в высших интересах власти». И продолжал: «...Под подолом нации можно скрыть все; национальное знамя покрывает любую несправедливость, любую бесчеловечность, любую ложь, любое позорное деяние, любое преступление. Коллективная ответственность нации удушает чувство справедливости отдельного индивида...».

Соответственно, Роккер предостерегал о пагубности национально-освободительных движений, которые способны лишь на то, чтобы повторить весь цикл унификации сначала, но на ином уровне. «...Народы, которые во имя национального освобождения сбросили с себя ненавистное чужеземное иго... ничего от этого не выиграли», — писал он, — ведь «за любым национальным стоит воля к власти небольших меньшинств и особый интерес привилегированных каст и классов в государстве». Социально-экономические и политические иерархии воспроизводятся в новом государстве, и то, в свою очередь, приступает к репрессиям, подавлению личности и инакомыслия.

Альтернативу национальной идее Роккер видел в интернационализме, местной общности и культуре. Прежде всего, он противопоставлял нации и национальному государству естественно сложившееся на протяжении столетий ощущение местной социальной общности и взаимосвязи. Такие «малые родины», по его представлению, развились из «общности материальных и духовных обстоятельств, нравов, обычаев и традиций». Они основаны исключительно на местных масштабах, которые можно, что называется, окинуть взором. Роккер утверждал, что такие местные чувства никак не связаны с национализмом или патриотизмом, поскольку не имеют отношения к воле к власти и не требуют господства или преобладания над другими, соседними регионами. Интернационализм для него не предполагал стирание местных особенностей, напротив — их освобождение из-под длани национального государства.

Вопреки тезису, который высказывался националистическими теоретиками о том, что национальная идея и национальное единство благотворно сказываются на культурном развитии, Роккер доказывал, что в истории чаще всего имело место обратное: наиболее благоприятные условия для культурного развития существовали не в крупных национальных государствах или в империях, но в условиях политической раздробленности. В качестве классического примера он приводил культуру Древней Греции, основанной на небольших полисах. Напротив, национальная идея и национальная унификация всегда сказывались отрицательно на культурных поисках и творчестве. Детально исследуя различные аспекты культуры, такие как язык, искусство, наука, духовные и социальные связи, Роккер демонстрирует, что они во все исторические эпохи развивались независимо от национальных границ и рамок, но предполагали взаимное влияние и взаимообогащение. Принципиальным моментом его взглядов является отрицание как иллюзии самого понятия «национальная культура» в смысле некоего замкнутого целого, независимого от других культур. Культура в основе своей интернациональна и универсальна, поскольку всегда нуждается в обмене идеями и во взаимовлиянии с чем-то новым, доселе неизвестным. Роккер утверждал даже, что культурный, этнический и т.п. синтез играет в высшей степени положительную и животворящую роль. Главное, чтобы он был добровольным и естественным, а не осуществлялся принудительно сверху, на основе унификации⁹.

Именно положения и идеи, сформулированные Роккером, лежат в основе представлений большинства современных анархистов по национальному вопросу. Их отзвуки можно обнаружить не только в Декларации принципов анархо-синдикалистского Интернационала, Международной ассоциации трудящихся (МАТ), которая была в значительной мере написана тем же самым Роккером, но и в более поздних по времени документах либертарного движения, вплоть до соответствующих резолюций о национализме и национально-освободительных движениях, которые принимались уже после Второй мировой войны МАТ и Интернационалом анархистских федераций. С одной стороны, в них говорилось о праве каждой группы людей автономно устраивать свою жизнь в духе принципа автономии и федерализма, с другой – категорически отвергалась идея национальных государств и борьба за их образование или сохранение.

Большинство современных анархистов занимает позиции крайнего и последовательного интернационализма. Либертарии резко критикуют институт национального государства и отрицают наличие национальных интересов. Чаще всего, они негативно относятся и к национально-освободительным движениям, видя в них, прежде всего, тенденцию к образованию нового государства, то есть еще одного орудия угнетения населения. Характерным для анархистской мысли можно считать следующее положение из Декларации принципов Международной ассоциации трудящихся – анархо-синдикалистского Интернационала: «Революционный синдикализм отвергает все искусственно созданные политические и национальные границы и заявляет, что так называемый национализм есть лишь религия современного государства, за которой скрываются материальные интересы имущих классов. Революционный синдикализм признает только существование региональных и национальных различий, носящих экономический характер, продук-

тами которых становятся иерархии, привилегии и угнетение любого вида (по мотивам расы, пола, сексуальной ориентации или любых иных мнимых или реальных различий), и требует для каждой группы права на самоопределение в солидарном согласии со всеми другими ассоциациями того же рода»¹⁰.

Картина не будет полной, если хотя бы несколькими словами не упомянуть меньшинство анархистов, которое занимало иную позицию в национальном вопросе. Прежде всего, это относится к либертариям многих азиатских стран (прежде всего, Кореи, частично, Индии, Китая, Вьетнама и т.д.), евреям-приверженцам «анархо-сионизма» и т.д. Здесь, в азиатской колониальной и полуколониальной зоне, вплоть до Второй мировой войны, были распространены представления о необходимости соединения анархистского социального идеала с национально-освободительными движениями. Чаще всего речь шла об участии местных либертариев в общем национально-освободительном движении конкретной страны. В ряде случаев была предпринята даже попытка разработать некий вариант анархистской национальной идеи. Прежде всего, это относится к Корее, где анархисты были одной из сильнейших фракций в национальном анти-японском движении в 1920-х гг. Ведущий теоретик корейского анархизма и видный историк Син Чжехо сформулировал тезис о том, что анархизм, то есть социалистическое общественное устройство, основанное на самоуправляющихся общинах, – это единственно возможный путь достижения политической независимости Кореи¹¹. Впрочем, подобные идеи не встретили понимания среди большинства анархистов других стран. Наконец, в Европе после Второй мировой войны одно из либертарных направлений – так называемые «платформисты», сторонники определенного сближения с рядом марксистских тезисов и представлений, прежде всего, по организационному вопросу – выступали с позиций «критической поддержки» национально-освободительных движений в Алжире, во Вьетнаме, в Ирландии и т.д.

Хорошим примером дискуссий в анархистском движении вокруг проблемы наций и национально-освободительных движений можно считать отношение либертариев к войне за независимость Алжира от Франции 1954 – 1962 гг. Колониальную политику и репрессии колонизаторов анархисты осуждали практически единодушно, в этом никаких расхождений между ними не было. Зато по вопросу об отношении к алжирскому национальному движению и лозунгу государственной независимости Алжира велись самые жаркие споры. Испанские анархисты, нашедшие во Франции и в Алжире убежище после победы Франко в гражданской войне 1936 – 1939 гг., не поддерживали идею независимости Алжира, видя в национальном движении попытку имущих кругов арабского населения захватить политическую власть и создать новое государство под своим собственным руководством. Они противопоставляли этому лозунги единства трудящихся – европейцев и арабов – в общей борьбе за социальную революцию. Близкой была позиция и большей части французских анархистов, в том числе большинства членов Анархистской федерации (АФ). Они призывали французских солдат к дезертирству, неповиновению и саботажу войны, но не поддерживали идею «национального самоопределения». «Алжирская война – это обстоятельства, которые столкнули две буржуазии – автохтонную и колониальную», – писал видный анархист Морис Жуайё, доказывая, что не дело либертариев – поддерживать один эксплуататорский

класс против другого. Газета АФ «Монд либертэр» подвергла критике «стерильную борьбу» за анахроничные националистические и религиозные требования», которые могут лишь замедлить борьбу за социальное освобождение и создание свободного мира (декабрь 1954). «Но нельзя дать понять колонизованным народам тщетность борьбы за иллюзорную национальную независимость, если колонизаторские народы сами не покажут пример и не откажутся от национализма» (февраль 1956). Напротив, меньшинство членов АФ и особенно платформисты из Либертарно-коммунистической федерации высказались за «критическую поддержку» движения за независимость, поощрение его «прогрессивных» течений и фракций в надежде, что национальное освобождение откроет путь к освобождению социальному¹².

Подобные дискуссии в анархистском движении имели место и в дальнейшем. Тем не менее, его «мэйнстрим» сравнительно прочно стоит на антинационалистических позициях. Более того, развивая борьбу с национализмом, анархисты все больше переходят на «анационалистические» позиции, не только отвергая нации и национальные государства, но и сам принцип этнической идентификации как «искусственный конструкт»¹³.

¹ Материалы для биографии М.Бакунина. Т.3. Бакунин в Первом Интернационале. М.- Л., 1928. С.586.

² Rudolf Rocker. Die Gefahren psychologischer Kollektivbegriffe // R.Rocker. Aufsatzsammlung. Bd.1. 1919 – 1933. Frankfurt, 1980. S.145f.

³ Гросул В.Я. Международные связи российской политической эмиграции во второй половине XIX века. М., 2001. С.201.

⁴ Against War and Terrorism. Chapter Towards a History of Anarchist Anti-Imperialism // <http://www.struggle.ws/issues/war/afghan/pamwt/antiimp.html>; Anarquismo en Egipto // <http://recollectionbooks.com/siml/library/egypt.htm>.

⁵ Г.Хаджиев. Националното освобождение и безвластният федерализъм. София, 1992.

⁶ Frank Fernandez. El anarquismo en Cuba. Madrid, 2000. P.30-46.

⁷ Anarchistes en exil. Correspondance inedite de Pierre Kropotkine a Marie Goldsmith. 1897-1917. Paris, 1995. P.77.

⁸ «Communisme». No.37. Decembre 1992.

⁹ Rudolf Rocker. Nationalismus und Kultur. Bd.1,2. Bremen, o.J.

¹⁰ Que es la A.I.T.? Editado por el Secretariado de la Asociacion Internacional de los Trabajadores. P.31.

¹¹ J.Michael Allen. Ambivalent Social Darwinism in Korea // «International Journal of Korean History». 2001. Dec. Vol.2.

¹² См. подробнее: Sylvain Pattieu. Les camarades des frères: Trotskistes et libertaires dans la guerre d'Algérie. Paris, 2002; Sylvain Boulouque. Les anarchistes français face aux guerres coloniales. Lyon, 2003.

¹³ Характерны в этом отношении тексты французских анархистов «Что значит быть французом?», ««Идентичность» – орудие власти», «Миф о «национальном освобождении» – еще один фактор угнетения», «Наша идентичность – человечество, наша нация – пролетариат», «Что такое «коренной народ»?», «Смешение или различия?», переведенные на русский язык: <http://www.aitrus.info/node/133>.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС: ВЗГЛЯД РОССИЙСКИХ АНАРХИСТОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

В России второй половины XIX – начала XX вв. проблема межнациональных отношений становится одной из наиболее важных, определяющих программные установки политических сил различной ориентации. Обращение российских социалистов и анархистов к национальному вопросу происходило в условиях подъёма национально-освободительных движений в Ирландии, странах Восточной Европы и Азии. Русификаторская политика, проводимая царским правительством в различных регионах страны, фактическое ограничение прав представителей отдельных народностей неизбежно вели к формированию политических сил, выражавших стремления этих народов к равноправию, автономии или государственной независимости от Российской империи.

Как справедливо отмечает исследователь В.В. Дамье, для большинства современных анархистов характерны космополитические представления, связанные с отрицанием реальности этноса, а, соответственно, и национального самоопределения, института национального государства и национальных интересов как таковых. В связи с этим можно проследить и негативное отношение к национально-освободительным движениям, воспринимаемым часто как выражение стремления к власти нарождающихся бюрократических элит¹. При этом, в том или ином виде существует теоретическая традиция анархистов, признающая борьбу за создание независимых национальных государств, как разновидность борьбы угнетённых слоёв населения против угнетателей в защиту своих интересов. Обе традиции сформировались во второй половине XIX – начале XX вв. – в тот период, когда происходило становление международного анархистского движения.

Основоположник международного и российского анархизма М.А. Бакунин поддерживал идею признания прав отдельных народностей на национальное самоопределение². Прежде всего, здесь сказывалось влияние национально-освободительных движений, в том числе - польского и чешского, активным участником которых был Бакунин в 40-е и 60-е гг. XIX в.³ Характерна для его отдельных работ, относящихся к анархистскому периоду творчества (1863 – 1876 гг.) попытка дифференцировать народности на носителей авторитарно-государственного (например, немцы) и вольнолюбивого анархического (романские и славянские народности) менталитетов. Вместе с тем, мы проследить в этих же работах отрицание какой-либо коллективной ответственности всех представителей той или иной нации, народности, за действия правящих элит. Элементы такого подхода к осмыслению национальной психологии и социально-политического потенциала различных народов были характерны и для П.А. Кропоткина, а также – для основоположника «анархо-гуманизма» А.А. Борового⁴. Анализируя истоки межнациональных конфликтов, Бакунин сформулировал идеи, ставшие обоснованием позиции «оборонческого» крыла русских анархистов периода I мировой войны. Так, Кропоткин в 1914 – 1918 гг. однозначно отождествлял победу Германии с торжеством агрессивных государственных сил⁵.

Между тем, представления классиков российского анархизма о национальном самоопределении фактически предполагали его ограничение рамками будущего «революционного отечества». Уже Бакунин указывал на желательность того, чтобы в случае успеха социальной революции регионы бывшей Российской империи не обособились в качестве отдельных государств, а стали частью «братского», «федерального» союза, открытого для вступления славянских народностей, и вообще - любых территорий, где осуществляются преобразования в либертарно-социалистическом духе⁶. Понятие Отечества для него, таким образом, становилось постепенно синонимом территории, на которой разворачивалось строительство общественных отношений, основанных на принципах свободы и социальной справедливости. Фактически идеи Бакунина в этой области были приняты и П.А. Кропоткиным. Разделяя принцип национального самоопределения, главным условием поддержки национально-освободительных движений он считал приверженность их сторонников борьбе за права человека, за преодоление социальной несправедливости⁷. В частности, национально-освободительное антиколониальное движение в Египте под руководством Араби-паши было подвергнуто Кропоткиным критике за отказ от аграрных реформ в пользу ликвидации феодальных отношений и наделения землёй крестьян.

Федерализм как путь преодоления межнациональных конфликтов стал общепринятым и для последователей Бакунина⁸. Так, уже с 1900 г. Кропоткин говорил о недопустимости расторжения «вековых связей» между различными регионами, входившими в состав России. Исключение предполагалось только для Польши. Наиболее желательным вариантом разрешения национального вопроса в России он считал объединение регионов на федералистских началах по примеру Швейцарии, США и Канады. Оказавшись в 1917 – 1918 гг. в роли действующего политика, он проявил ещё большую осторожность в реализации принципа национального самоопределения, осудив стремление Центральной рады Украины к созданию независимого украинского государства⁹. Для П.А. Кропоткина федерализм означал фактический отказ от принципа национального самоопределения; задачи же максимального развития регионов и потенциала отдельных народностей должно было обеспечить максимальное освобождение местной инициативы, свободу самоорганизации и самоуправления при последовательной реализации принципов социальной справедливости.

Анализируя подходы представителей российского анархизма к решению национального вопроса, невозможно обойти вниманием проблему представлений анархистов о национальной идентичности. П.А. Кропоткин в ряде своих работ сформулировал концепцию прогрессивного развития человечества как результат постепенного расширения принципов справедливости и солидарной взаимопомощи на всё более широкий круг людей: род – племя – население одной местности – народность – человечество¹⁰. В рамках этой теории речь шла, фактически, о постепенном преодолении этнической самоидентификации и формировании единой общемировой цивилизации как естественном, исторически обусловленном процессе.

Близкое решение проблемы преодоления национальной и этнической ограниченности предложил всемирно известный учёный-географ и анархист Л.И. Мечни-

ков сформулировал теорию прогрессивного развития различных народов в рамках трёх стадий: речные, морские и океаническая цивилизации. Заключительный период истории человечества должен был означать постепенное формирование новой мировой цивилизации, основанной на единой культуре. Начало её истории положило открытие Х. Колумбом Америки и плавания португальцев на Восток. Мечников полагал, что в процессе формирования общечеловеческой цивилизации, связанной с распространением достижений европейской культуры на все регионы земного шара, произойдёт становление анархического и социалистического общества союзов, основанных на свободном договоре индивидов, их взаимных симпатиях, стремлении к солидарности и общности интересов. Его общественные отношения будут характеризоваться уничтожением принуждения («свобода»), «социальных и политических делений и привилегий» («равенство») и преодолевающей конкуренцию и взаимную борьбу солидарной согласованностью сил индивидов («братство»)¹¹.

Сформулированная в концепциях Мечникова и Кропоткина идея свободного формирования новой общемировой культурной идентичности получила распространение у ряда представителей нового поколения теоретиков российского анархизма 1900-х – 1910-х гг. (А. Ге и П.Д. Турчанинов)¹². Принцип национального самоопределения отрицался во всех сферах – начиная от политики и заканчивая личной жизнью человека. Национально-освободительные движения и национализм любой разновидности эти авторы категорически отвергали¹³. Разделяя идеи интернационализма и космополитизма, они отрицали нацию, народность в принципе, воспринимая их исключительно в виде идеологических конструкций. По их мнению, положить конец межнациональным конфликтам можно лишь через отказ личности от национальной, этнической самоидентификации при свободном формировании собственной идентичности. Установление анархических отношений, при которых объединение людей будет происходить исключительно на основе симпатий, мировоззренческой близости, должно было создать основу для этого¹⁴.

Наибольший интерес с этой точки зрения представляет предложенная А. Ге концепция интернационализации культур. Во всяком случае, она весьма созвучна современным реалиям глобализации. Её разработка связана с ростом влияния шовинистических и оборонческих сил в международном социалистическом и рабочем движении в годы Первой мировой войны. Анализируя истоки этого явления, Ге указывал, что поддержка социалистами империалистической политики правительств является логичным продолжением взгляда на национальный вопрос, исповедуемого большинством социал-демократов. Они признают необходимость существования национального государства, поддерживают идею развития капиталистического «отечественного производства». Поскольку в условиях капиталистического строя развитие национальной промышленности зависит от существования колониальных рынков сбыта, полагал Ге, социал-демократы поддерживают участие своих стран в войне за завоевание новых источников ресурсов и рынков сбыта¹⁵. Лишь отвергая национально-освободительные движения и национализм любой разновидности можно решить эту проблему: «Все виды национальных течений, несмотря на свои подчас революционные формы проявления, являются по существу консервативными. Они никогда не стремятся к коренному перевороту

социальных отношений, никогда не ставят себе антикапиталистических, антигосударственных целей; наоборот, они стоят на капиталистической и государственной точке зрения. ...Всякое национальное движение включает в себе потенциальные элементы для того, чтобы со временем стать националистическим»¹⁶.

Такое решение Ге считал вполне реалистичным, полагая, что сама основа существования национальных культур постепенно исчезает, уступая место процессам «интернационализации всех культурных ценностей и культурной ассимиляции всех цивилизованных народов». На основе «постоянного взаимодействия ... первоначально различных национальных культур, из общения между собой различных народов, переносивших друг другу свои обычаи, свою религию и литературу, свои знания и технику», проходит процесс формирования единой общемировой культуры. Ге считал его «в основных чертах почти завершённым». Большое внимание при анализе процессов культурной «интернационализации» он уделил роли интенсивного развития средств массовой информации, связи и путей сообщения (железных дорог, трансокеанских плаваний, почтово-телеграфных линий). Националистическим идеям он считал необходимым противопоставить «эгалитарную культуру», целью которой является «освобождение всех культурных ценностей от цепей капитализма, обобществление и культурный расцвет всех народов в условиях свободного коммунистического общежития»¹⁷. Причину, препятствующую синтезу культур во всемирном масштабе, Ге усматривал в отношениях социальной несправедливости. Следствием этого является неравномерная доступность многих достижений и благ современной культуры для различных слоёв населения.

Следует отметить, что космополитические тенденции в либертарной мысли были отрицательно восприняты отдельными её представителями. Так, А.А. Боровой подверг космополитизм критике, считая его совершенно беспочвенным явлением. Он полагал, что своеобразие тех или иных народов и их пристрастие к определённой территории останется неизменным на протяжении всей истории человечества. С его точки зрения, национализм имел не только отрицательные, но и такой позитивный элемент, «как живое, здоровое чувство любви к своей родине»¹⁸.

Подводя итоги нашему исследованию, следует выделить 2 основных подхода теоретиков российского анархизма к решению национального вопроса, окончательно оформившиеся в начале XX в. Первый из них, связанный с позицией национального самоопределения, постепенно отходил в область прошлого. Второй подход, связанный с принципом формирования новой общемировой культурной идентичности, напротив, получил дальнейшее развитие. В рамках этого направления получили распространение и федералистские идеи, сформулированные Бакуниным и Кропоткиным.

¹ См., например: Дамье В.В. Анархизм и национальный вопрос в XIX – XX веках // Национальная идея на европейском пространстве в XX веке. Сб. ст. Т. II. М. 2005. С. 203.

² Бакунин М.А. Анархия и порядок. М., 2000. С. 304, 306, 338, 341. При этом правом свободного самоопределения он наделял всякое объединение людей, образованное на основе принадлежности к определённой территории.

- ³ См. подробнее: Пирумова Н.М. Бакунин. М., 1970; Её же. Социальная доктрина М.А. Бакунина. М., 1990; Борисёнок Ю.А. Михаил Бакунин и «польская интрига»: 1840-е годы. М., 2001; Цовма М.А. Проблема бакунинского «национализма» // Прямухинские чтения 2001 – 2003 годов. Тверь, 2004. С. 218 – 225.
- ⁴ См., например: Боровой А.А. Анархизм. М., 2009. С. 145 – 153.
- ⁵ Мкртичан А.А. «Всякого угнетателя личности я ненавижу» // Труды комиссии по научному наследию П.А. Кропоткина. Вып. 2 М., 1992. С. 10 – 12;
- ⁶ Бакунин М.А. Анархия и порядок. С. 341 – 342, 349.
- ⁷ См., например: *Anarchistes en exil: Correspondance inédite de Pierre Kropotkine à Marie Goldsmith, 1897 – 1917.* Paris, 1995. P. 77.
- ⁸ Мкртичан А.А. Указ. соч. С. 4 – 6; Дамье В.В. Указ. соч. С. 204.
- ⁹ Мкртичан А.А. Указ. соч. С. 16; Петушкова И.В. «Не рвите вековой связи» // Труды комиссии по научному наследию П.А. Кропоткина. Вып. 2. М. 1992. С. 18– 25.
- ¹⁰ Кропоткин П.А. Анархия, её философия, её идеал. М., 1999. С. 150.
- ¹¹ Мечников Л.И. Цивилизация и великие исторические реки. Статьи. М. 1995. С. 270 – 271.
- ¹² Павел Дмитриевич Турчанинов в большей степени был известен под псевдонимом «Лев Чёрный».
- ¹³ См., например: Ге А. Социалистическое грехопадение и возрождение рабочего Интернационала // Голос труда. 1915. № 21. С. 2; № 25. С. 2; № 26. С. 2; № 27. С. 2; № 28. С. 2; № 33. С. 3; № 41. С. 2; Чёрный Л. Новое направление в анархизме: ассоциационный анархизм. Нью-Йорк. 1923. С. 290 – 292.
- ¹⁴ Ге А. Социалистическое грехопадение и возрождение рабочего Интернационала // Голос труда. 1915. № 41. С. 3; Чёрный Л. Указ. соч. С. 290 – 292.
- ¹⁵ Голос труда. 1915. № 21. С. 2; № 26. С. 2
- ¹⁶ Голос труда. 1915. № 33. С. 3.
- ¹⁷ Голос труда. 1915. № 41. С. 3.
- ¹⁸ Боровой А.А. Ук. соч. С. 145 – 153.

А.В. Лубков

К ДУХОВНОЙ ДРАМЕ Д.И. ШАХОВСКОГО

Попытка трактовки русского либерализма как «трагедия несовместимости» идей политической и гражданской свободы с российской действительности в свое время была достаточно популярной и приобрела широкое распространение в отечественной историографии. Между тем, подобная интерпретация страдает, на наш взгляд, определенным национальным скепсисом, (если не нигилизмом) и вольно или невольно выводит одну из основополагающих ценностей человеческого существования за рамки русской цивилизации и русской культуры. Фундаментальной особенностью русского мира в течение долгого времени как раз, на наш взгляд, было стремление к гармонии внешней и внутренней свободы в развитии личности, общества и государства, поиск органичного соединения земного и небесного, материального и духовного в человеке в потоке истории

и в проекции вечности. С этой точки зрения проблемы духовного поиска видных русских либералов – членов «Приютинского братства» – заслуживает внимательного изучения.

Выскажем мнение, что так называемый «цивилизационный разлом» пришелся на поколение Д.И. Шаховского, В.И. Вернадского, А.А. Корнилова, И.М. Гревса, братьев Ф.Ф. и С.Ф. Ольденбургов – основателей Братства, видных представителей отечественной науки и культуры и лидеров партии кадетов, неслучайно. Но, уже в следующем поколении приютинцев, поколения их детей, этот цивилизационный разлом во многом был преодолен, возвращением в лоно русской православной церкви и счастьем обретения национальных традиций и ценностей. Да и сами основоположники Братства всей своей жизнью и деятельностью и до, и после революции 1917 г. доказали свою неразрывную связь с Россией и её народом, попытавшись осуществить передачу культурного и исторического опыта из дореволюционной эпохи в советское время. Личная судьба каждого из названных выше создателей Братства яркое тому подтверждение.

Но может быть, наиболее рельефно и явно проблема сложности перехода от одной эпохи к другой в условиях радикальной революционной ломки и вместе с тем в непрерывности исторического потока и времени внутри человеческой личности продемонстрирована в духовной драме Дмитрия Ивановича Шаховского (1861 – 1939). Разлад в душе Шаховского усугублялся не только его постоянными сомнениями в поисках «русской правды», но и углубляющимся отдалением с дочерьми Анной Дмитриевной Шаховской (1889 – 1959) и особенно, Натальей Дмитриевной Шаховской-Шик (1890 – 1942) в религиозно-философских вопросах. В семье Д.И. Шаховского вопросы веры, религии и церкви стали предметом серьезной и многолетней дискуссии, о чем свидетельствуют дошедшие до нас письма. Шаховской глубоко переживал, что его дочери не понимают «братства» и не испытали его в своей жизни и отыскивают «его не совсем там, где оно есть, хотя и не бесполезными путями». При этом он откровенно признавался И.М. Гревсу в том, что «мы несомненно думали о новой религии, когда создавали братство». Для его дочери, Н. Д. Шаховской-Шик, жены православного священника, подобное новаторство было неприемлемым. Она горячо и искренне, всем сердцем и душой принявшая православие, проделала очень большую внутреннюю работу с тем, чтобы пересмотреть и пережить то, что, по ее убеждению, вело человека в нравственный и духовный тупик и должно быть отвергнуто. В одном из обращений к своим детям – внукам Дмитрия Ивановича, она писала: «В молодости я хотела изменять мир, а потом поняла, что мир уже изменил Христос, и все дело в том, как каждый человек ищет свой путь к Нему».

В роду Шаховских – Щербатовых еще прадед Дмитрия Ивановича – русский историк и философ-почвенник М.М. Щербатов одним из первых среди отечественных мыслителей поставил вопрос о сохранении национального своеобразия в контексте происходящих в стране изменений. Затем этот разговор продолжили его оба деда, декабрист Ф.П. Шаховской и, особенно, П.Я. Чаадаев. Таким образом, судьба России и пути национального самосознания стали едва ли не основной темой в семье, новые представители которой вносили свой вклад в решение «вечных русских» вопросов. И в этом ряду драматические духовные искания Д.И. Шаховского не могут не привлечь внимания историка.

ЭВОЛЮЦИОННАЯ ТЕОРИЯ, ДИАМАТ И СССР (на примере Ф.Г. Добржанского, других эволюционных биологов и обществоведов)

Перефразируя выражение «Россия – вторая родина дарвинизма», можно утверждать без всякого преувеличения, что «Россия – вторая родина марксизма». Оба эти афоризма приложимы и к СССР. Так же как СССР стал второй родиной (наряду с США) дарвинизма в XX веке – «синтетической теории эволюции» (СТЭ)¹, он стал и второй родиной марксизма в XX веке. Правда, учитывая исторические судьбы и дарвинизма, и марксизма в СССР, возможно, уместнее было бы говорить о том, что СССР оказался скорее суровым и даже жестоким отчимом.

В течение двадцати постсоветских лет СССР и его эволюцию пытались представить как некую историческую «черную дыру», социальную катастрофу и человеческую трагедию вселенских масштабов. Некоторые критики ставили знак равенства между «советским коммунизмом» и «немецким фашизмом», ссылаясь, в частности, на то, что в обеих странах, мол, имел место «национал-социализм»²; иные настойчиво рисовали «советский коммунизм» намного большим, чем фашизм, злом, в основном, повторяя утверждения западных авторов³. Среди излюбленных приемов, вторым, после запугивания «ужасами советского тоталитаризма», наверное, является окарикатуривание всего и вся, изображение советского общества как театра жестокости и абсурда, благодатного объекта сатиры.

В числе высмеиваемых советских несуразностей в период «перестройки», не говоря уже о постсоветских временах, упоминался и упоминается диамат. Термин «диамат», являясь сокращением от «диалектического материализма», входил не только в студенческий и преподавательский лексикон, но и в официальный язык, учебные программы и учебники вузов. Данное сокращение отразило то, что в реальности произошло с философией марксизма, которая действительно представляет собой именно *диалектический материализм* – результат сталинизации марксизма и превращения его в официальный марксизм-ленинизм, на деле являвшийся марксизмом номенклатурным⁴. Одновременно диамат сохранялся и развивался в качестве *диалектического материализма* благодаря философам, принадлежавшим подлинному марксизму, и находившимся с ними в союзе подлинным ученым, в том числе и эволюционистам. И этот союз дал замечательные результаты.

Диамат как *диалектический материализм* дал много полезного, в том числе и ученым, как естественникам (чего трудно вроде бы ожидать), так и гуманитариям, в том числе обществоведам. Тем самым, хотя и не только этим, диамат дал много полезного и советскому обществу в целом, его культуре, уровню и качеству мышления в обществе. Ограничимся лишь некоторыми примерами, из области эволюционной теории и эволюционных исследований.

Среди главных создателей СТЭ был отечественный генетик и эволюционист, Ф.Г. Добржанский, решивший не возвращаться в конце 1920-х – начале 1930-х гг. из научной командировки в стремительно сталинизирующийся СССР и представший, таким образом, «невозвращенцем»⁵. Впоследствии он стал американским ученым, профессором, а затем и американским гражданином⁶. В становлении

Ф.Г. Добржанского как ученого и мыслителя важную роль, безусловно, сыграл диамат и сама атмосфера 1920-х гг., проходившие в тот период бурные дискуссии, в одной из которых, казалось бы, сугубо биологической (по концепции наследования приобретаемых признаков), он даже принял активное участие⁷. Очевидное воздействия диамата обнаруживается во всех основных эволюционно-теоретических работах Ф.Г. Добржанского, будь то статьи и монографии по проблемам эволюции⁸, в том числе и по эволюции человека⁹; по философским проблемам эволюционной теории и эволюционных исследований¹⁰. Так, в одной из работ он писал: «...наши гены определяют нашу способность изучать язык или языки, но они не определяют того, что говорится. Ни структура голосовых связей, ни мозговых клеток не объяснила бы различие между речами Билли Грэма и Джулиана Хаксли. Факт, который должен быть подчеркнут, потому что он часто упускался или искажался, тот, что биологическое и культурное развитие являются частями одного и того же естественного процесса»¹¹. В другой работе, специально посвященной природе научного объяснения в эволюционных исследованиях, он определяет одну из особенностей детерминизма своего времени, называя его «индетерминизмом» и противопоставляя лапласовскому детерминизму прошлой науки: «Индетерминизм является результатом диспропорции между огромной мощностью сексуального процесса, создающего новые генотипы, и ограниченной мощью экспериментатора, создающего большие лабораторные популяции. Мы можем предсказать средний результат и изменение, наблюдаемое в экспериментальных популяциях смешанного географического происхождения. Мы не можем предсказать, что будет с той или иной данной популяцией»¹².

Далеко не случайным и символическим является также то, что свою последнюю работу по философским проблемам СТЭ, вошедшую в задуманную им и отредактированную совместно с учеником Ф. Айялой книгу «Исследования по философии биологии», он называет «Случай и творчество в эволюции» и фактически посвящает ее рассмотрению диалектики биологической эволюции¹³. В этой статье он также затрагивает проблему детерминизма, в том числе вопрос о соотношении случайности и причинности в эволюции: «Случайность» является, однако, двусмысленным словом, особенно когда оно применяется к эволюционным процессам. Случайное событие не является акаузальным, и не является манифестацией некоего принципа спонтанности, присущего живой природе»¹⁴. Далее Ф. Г. Добржанский, желая, видимо, подкрепить свою трактовку авторитетом профессионального философа, приводит высказывание Э. Нэгеля¹⁵, который, вслед за Г. В. Плехановым, определяет случайное событие как такое, которое происходит на пересечении двух независимых каузальных цепей¹⁶. В этой же работе, прямо упоминая понятие «снятия», Ф. Г. Добржанский дает блестящее диалектическое определение гена: «Ген является макромолекулой, он является также органической системой, которая несет в себе (как Гегель сказал бы, в «снятом виде») миллиардов лет своей эволюционной истории. Мутационный набор гена является функцией его структуры, и, следовательно, миллиардов лет его эволюции»¹⁷. Затем, перейдя к рассмотрению эволюции человека, он прямо указывает на необходимость обращения в эволюционном исследовании к диалектическому материализму: «Однако из нашей неспособности делать такие (в смысле лапласовского детерминизма – М.К.) пред-

сказания не следует, что человеческий вид возник по счастливому броску некоей эволюционной или божественной игральной кости. Мы не возникли благодаря случаю, и не были предопределены возникнуть. В эволюции случайность и предопределение не альтернативны. Здесь один из тех случаев в научной теории, когда мы должны призвать некую разновидность гегельянской или марксистской диалектики. Мы нуждаемся в синтезе «тезиса» случайности с «антитезисом» предопределенности»¹⁸. Поэтому прав А. Б. Георгиевский, утверждая, что хотя Ф.Г. Добржанский, «и не был убежденным сторонником марксизма, подобно Дж. Холдену, Р. Левонтину, С. Гулду, в его работах по эволюционной антропологии заметно влияние философии диалектического материализма, которое он унаследовал со времени пребывания на родине»¹⁹. Ф.Г. Добржанский и многие другие отечественные естествоиспытатели были более подлинными сторонниками и последователями диамата, чем те, кто критиковал их от имени диамата и обвинял в различного рода философских и идеологических прегрешениях.

Диалектико-материалистическое воздействие Ф.Г. Добржанского сказалось и на его ближайших коллегах, друзьях и единомышленниках, со-основателях СТЭ, американском палеонтологе Дж. Дж. Симпсоне и немецко-американском зоологе Э. Майре. Как верно подметил тот же А.Б. Георгиевский, используя ныне почти выпавший из отечественного лексикона термин «прогрессивные ученые», эти ученые, «такие, как Симпсон, не указывали прямо на свою приверженность к данной философии, но их труды проникнуты диалектическим мышлением, поэтому более откровенные публикации Добржанского воспринимались столь радушно (не хотелось бы употреблять здесь не совсем этичное словосочетание «стыдливые материалисты»))»²⁰.

Выражение «стыдливый материалист», в свое время использованное Ф. Энгельсом²¹, как раз уместно, так как точно выражает ту позицию, которую вынуждены были занимать прогрессивные ученые, в том числе и Ф.Г. Добржанский в «свободном мире». Уже в старости Ф.Г. Добржанский не раз признавался себе, в частности, в своем дневнике 30 апреля 1971 г., что в нем до сих пор не ослабевая, живет тот страх перед всесильем государственной машины самой свободной страны «свободного мира», который он испытал в самом начале своей жизни и научной карьеры: «Как глубоко сидят некоторые воспоминания, в моем случае воспоминания об отказе 40 лет тому назад иммиграционного чиновника допустить нас в Соединенные Штаты. После 34 лет американского гражданства бояться мне в этом отношении решительно нечего. Тем не менее, когда я подходил к стойке в аэропорте, за которой стоял иммиграционный чиновник, я почувствовал, как кровь мне прилила к голове, и как стало быстро биться мое сердечко! И даже после допущения (сделанного без вопросов, кроме как, сколько дней я был в Канаде), даже когда я уселся на удобном диване, я все еще чувствовал нервное напряжение»²². Насколько подчас жесткими и несправедливыми с точки зрения подлинной, действительной свободы человека являются эти рамки, свидетельствует и другая запись в его дневнике от 29 июня 1973 г.: «Бразильянская поездка провалилась. Опять телефонировал в консульство в Лос Анжелос, позволения из Бразилии нет. Я попросил взять обратно мою аппликацию на визу и вернуть мой паспорт. Это идиотство превыше терпения - беда в том, что я родился в коммунистической стране! То, что она тогда не была коммунистической, что я уже 36 лет - американский граж-

жданин, все это не имеет значения! После того как решил не ехать и послал телеграмму об этом в Манаус Пауло Мачадо, и написал "информацию" для рассылки друзьям и, быть может, в *Science*, странным образом почувствовал облегчение. По крайней мере, нет уже напрасного ожидания и унижения просить чего-то, на что, по разуму, каждый человек имеет равное право»²³. Так что и у Ф. Г. Добржанского, и у Дж. Дж. Симпсона, и у Э. Майра были основания для того, чтобы не выпячивать свою приверженность духу диамата, и оставаться искренне или намеренно все же «стыдливymi материалистами».

Необходимо подчеркнуть, что диамат использовался при обсуждении и решении проблем не только собственно эволюционной теории и эволюционных исследований, но и биологии в целом. Существовала особая, самостоятельная специализация «Философские проблемы биологии», в рамках которой на семинарах и конференциях, в статьях, сборниках и монографиях исследовались такие проблемы, как проблема естественного отбора²⁴, адаптации и преадаптации²⁵, развития биологических систем²⁶, значения отдельных философских категорий в биологии и при разработке методологии эволюционных исследований²⁷, философские аспекты эволюционной теории и эволюционизма в целом²⁸. В ходе этих и, казалось бы, сугубо биологических исследований и обсуждений, путеводной нитью оставалось признаваемое большинством биологов и философов биологии следующее часто цитируемое, но по-разному переводимое на русский язык, высказывание Ф. Г. Добржанского: «Ничто в биологии не имеет смысла иначе как в свете эволюции»²⁹. Это знаменитое изречение выражает один из главных принципов всей биологии XX и, теперь уже, XXI века – принцип эволюционизма.

Сходное единство в многообразии на основе диамата имело место и в других областях – от «Философских проблем физики» до религиоведения и лингвистики. В очень многих конкретных науках, начиная с астрономии и антропологии и заканчивая искусствоведением, именно диамат сыграл ту великую созидательную роль, благодаря которой советское общество по праву могло гордиться такими достижениями, признаваемыми всем человечеством, как теория личности А. Н. Леонтьева и С. Л. Рубинштейна, теория происхождения человека и расообразования В. П. Алексеева и Ю. И. Семенова, да и многими другими. Показательно, что когда шла борьба в защиту современной физики против ретроградов физфака МГУ в 1948-1949 гг., именно ленинградская школа физиков Ленинградского государственного университета (ЛГУ), Физико-технического института (ФТИ, или Физтеха) и Политехнического института (Политеха) отстояла физику от разгрома, подобно тому, что пережила биология³⁰. Причём, отстояла именно с позиции *диалектического материализма*, и, если использовать выражение той поры, под знаменем марксизма. Главными героями тех философско-идеологических схваток были академики А. Ф. Иоффе и В. А. Фок, будущий академик А. Д. Александров, проф. Л. Э. Гуревич. В наличии, как минимум, влияния диамата на их физические исследо-

вания и достижения можно убедиться, обратившись к некоторым их физико-философским работам³¹.

Этот задел, это еще почти невостребованное богатство ждет тех, кто его преумножит, и преумножит многократно. В возрожденном СССР, независимо от того, как он будет называться, диалектический материализм займет то место, которое ему принадлежит по праву. Хотя бы потому, что он уже занимает его в борьбе за возрождение СССР, за социалистический неоренессанс³².

¹ О СТЭ и эволюционных исследованиях в СССР см.: Галл Я. М., Георгиевский А. Б. Синтетическая теория эволюции как современный этап развития дарвинизма // Биология в школе. 1973. № 3. С. 7-15; № 4. С. 5-15; Воронцов Н. Н. Развитие эволюционных идей в биологии. М., 1999. 640 с.; Развитие эволюционной теории в СССР. Л., 1983. 613 с.

² Даже перечень лишь немногих из этих авторов не был бы слишком кратким. Поэтому ограничимся всего одной ссылкой: Подрабинек А. Коммунизм = фашизм // Эхо России. Общественно-политический журнал. <http://ehorussia.com/new/node/3499> Критика данной точки зрения также обширна. См. например: Коммунизм и фашизм: братья или враги? М., 2008. 602, [3] с.;

³ См. например: Арендт Х. Истоки тоталитаризма. Пер. с англ. М., 1996. 672 с.; Бжезинский З. Большой провал: Рождение и смерть коммунизма в двадцатом веке: [Перевод]. Н.-У., 1989. 242 с., [12] с.; Нольте Эрнст. Европейская гражданская война (1917-1945) // Национал-социализм и большевизм. [Пер. с нем.: А. Антоновский и др.]. М., 2003. 527 с.

⁴ Конашев М.Б. Марксизм и «реальный социализм» // Социалистический идеал и реальный социализм: Ленин, Троцкий, Сталин / Под общ. ред. И. Г. Абрамсона, П. Линке, В. А. Офицорова, Б. Ф. Славина. М., 2011. С. 112-115.

⁵ Конашев М. Б. Об одной научной командировке, оказавшейся бессрочной // Репрессируемая наука. Л., 1991. С. 240-263; Его же. Еще раз об одной научной командировке, оказавшейся бессрочной // Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова. Годичная научная конференция. 2010. М., 2011. С. 602-605.

⁶ Конашев М. Б. Эволюционисты и религия. СПб, 2011. 204 с., на С. 5.

⁷ Добржанский Ф. Г. Что и как наследуется у живых существ? Л., 1925. 118 с.; Добржанский Ф. Г. К вопросу о наследовании приобретенных признаков // Преформизм или эпигенез? Вологда, 1926. [8], 72 с., С. 27-47.

⁸ См. напр.: Dobzhansky Th. A Critique of the Species Concept in Biology // Philos. Sci. 1935b. Vol. 2. P. 344-355; Idem. Genetics and the Origin of Species // Columbia Biological Series, №11. N. Y., 1937. 364 pp.; Idem. Mendelism, Darwinism, and evolutionism // Proc. Amer. Philos. Soc. 1965d. Vol. 109. P. 205-215.; idem. Genetics of the Evolutionary Process. N. Y.; L.: Columbia University Press, 1970. XIII, 505 p.

⁹ См.: Dobzhansky Th. On Species and Races of Living and Fossil Man // Amer. J. Phys. Anthrop. 1944. Vol. 2. P. 251-265.; Idem. Human Nature as a Product of Evolution // Maslow, A., ed. New Knowledge in Human Values. N. Y., 1959. P. 75-85; Idem. Mankind Evolving: the Evolution of the Human Species. (Silliman Memorial Lecture, 1959.) New Haven: Yale University Press, 1962. xiii, 381 p.; idem. Evolution of mankind in the light of population genetics // Proc. 12th Int. Cong. Genetics., Tokyo. Sci. Counc. Jap. 1969. Vol. 3. P. 281-292.

¹⁰ См. напр.: Dobzhansky Th. Evolutionary Biology and Modern Culture // Rockefeller Inst. Quart. 1962. Vol. 6. P. 1-9; idem. Determinism and Indeterminism in Biological Evolution // Smith V. E. (ed.) Philosophical Problems of Biology. New York, 1966b. P. 55-66. (См. также русский перевод: Добжански Т. Детерминизм и индетерминизм в биологии // Философские вопросы биологии и биокибернетики. М., Наука, 1970. Вып. 3. С. 5-19; idem. The Biology of Ultimate Concern. N. Y., 1967. 152 p.; Idem. Ethics and Values in Biological and Cultural Evolution // Zygon, 1973h. Vol. 8. P. 261-281.

¹¹ Dobzhansky Th. Mankind Evolving: the Evolution of the Human Species. New Haven, 1962. P. 23.

¹² Dobzhansky Th. Scientific explanation: Chance and Antichance in Organic Evolution // Baumrin B. (ed.) Philosophy of Science. Vol. 1. N. Y., 1963. P. 209-222, at P. 221.

¹³ Dobzhansky Th. Chance and Creativity in Evolution // Ayala, F. J., and Dobzhansky, T., eds. Studies in the Philosophy of Biology. L.: Macmillan Press, 1974. XIX, 390 p., P. 307-338.

¹⁴ Ibid, P. 313.

¹⁵ Nagel E. The Structure of Science: Problems in the Logic of Scientific Explanation. N.Y., 1961. 618 p.

¹⁶ Dobzhansky Th. Chance and Creativity in Evolution // Ayala, F. J., and Dobzhansky, T. P. 313.

¹⁷ Ibid. P. 315.

¹⁸ Ibid. P. 329.

¹⁹ Георгиевский А. Б. Эволюционные исследования Ф. Г. Добжанского: от дрозофилы к человеку // «Эволюционный синтез» и актуальные проблемы эволюции человека (к 110-летию Феодосия Григорьевича Добжанского) / Под ред. М.Б. Конашева / СПб, 2011. (в печати).

²⁰ Там же.

²¹ Маркс К., и Энгельс Ф. Соч., 2 изд. Т. 22. С. 302–303. См. также: Бельтов Н. (Плеханов Г. В.). Критика наших критиков. СПб.: Общественная польза, 1906. VIII, 400 с., С. 234; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 222, 335.

²² APSL. B:D 65 Th. Dobzhansky Papers.

²³ Там же.

²⁴ Мозелов А.П. Философские проблемы теории естественного отбора. Л.: Наука, 1983. 198 с.

²⁵ Георгиевский А. Б. Проблема преадаптации. Ист.-критич. исследование. Л., 1974. 147 с.; его же. Философские проблемы теории адаптации. М., 1975. 277 с.; его же. Эволюция адаптаций: ист.-методол. исслед. Л., 1989. 188 с.

²⁶ Ефимов Ю. И., Мозелов А. П., Стрельченко В. И. Современный дарвинизм и диалектика познания жизни / Под ред. и с вступ. ст. И.Н. Смирнова. Л., 1985. 303 с.; Стрельченко В. И. Диалектика снятия в органической эволюции / Под ред. Е. Ф. Солопова. Л., 1980. 188 с.

²⁷ Мамзин А. С. О форме и содержании в живой природе. Л., Наука, 1968. 208 с.; Корольков А. А., Петленко В.П. Философские проблемы теории нормы в биологии и медицине. М., 1977. 391 с.

²⁸ Крисаченко В. С. Философский анализ эволюционизма. Киев: Наукова думка, 1990. 216 с.; Мамзин А. С. Очерки по методологии эволюционной теории. Анализ некоторых проблем. Л.: Наука, 1974. 136 с.; Материалистическая диалектика и частные науки. [Сб. статей]. Ред. коллегия: Ефимов Ю. И. и др. Л.: Наука, 1976. 267 с. Философские проблемы эволюционной теории (материалы к симпозиуму). Ч. II. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит-ры, 1971. 209 с.

²⁹ Dobzhansky Th. Nothing in Biology Makes Sense Except in the Light of Evolution // The American Biology Teacher. 1973. (March, 1973). P. 125-129.

³⁰ См. подробнее: Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Третья мировая информационно-психологическая война. М.: Институт социально-политических исследований, 1999. С. 58-60; Сонин А. С. Физический идеализм: История одной идеол. кампании / [Предисл. С.М. Рытова]. М., 1994. С.2 .

³¹ См. например: Фок В. А. Теория пространства, времени и тяготения. М.: Гос-техтеориздат, 1955. 504 с., его же. Теория пространства, времени и тяготения. Изд. 3-е. М., 2007. 563 с.; Июффе А. Ф. Основные представления современной физики. Л.- М., 1949. 368 с.

³² Конашев М. Б. Нео-Ренессанс или социалистическое Возрождение // Человек - Земля - Космос: диалектика взаимосвязи стратегических социальных и технических проектов / Под общей редакцией А. Бузгалина, П. Линке. М.: Культурная революция, 2011. С. 325-363.

H.R. Peter

IVAN IL'IN UND DER FASCHISMUS. Zu Il'ins Lebensweg

Auf der Suche nach einer neuen politischen Doktrin haben die politischen Eliten des postsowjetischen Russlands das Werk eines lange vergessenen Philosophen wiederentdeckt, der von der Sowjetregierung 1922 ins Exil gezwungen wurde, bis 1938 in Berlin und anschließend bis zu seinem Tode in der Schweiz lebte. Inzwischen wurde Il'in als „Meisterdenker“ und "Künder des kommenden Russland" geadelt ¹, sein Leichnam wurde nach Russland überführt, es gibt umfangreiche und laufend ergänzte Werkausgaben und eine kaum noch zu überblickende Literatur über ihn und sein Werk. In der gegenwärtigen Il'in-Rezeption steht neben seinen rechtsphilosophischen Arbeiten, in denen er u.a. seine Idee einer künftigen Verfassungsstruktur Russlands entwickelt, vor allem sein Spätwerk im Vordergrund. ² Dies soll hier nicht diskutiert werden. Vielmehr will der Beitrag eine Facette der Biographie und des Werkes von Il'in in Erinnerung rufen, die bei der Aneignung

seines geistigen Erbes zu wenig problematisiert wird.

Ivan Aleksandrovič Il'in (28.3. 1883 - 21.12. 1954) wurde als Sohn des Rechtsanwaltes Aleksandr Il'in und der aus Deutschland stammenden Arzttochter Ekatarina Schweikert in Moskau geboren. Nach dem Abitur 1901 studierte er bis 1906 u.a. bei Novgorodcev und Trubeckoj Rechtswissenschaft und Philosophie an der Moskauer Universität. Im Mai 1918 wurde er mit einer Arbeit über „Die Philosophie Hegels als Lehre von der Konkretheit Gottes und des Menschen“ promoviert, die ihn als vorzüglichen Hegel-Interpreten auswies, und anschließend zum ordentlichen Professor berufen. Il'in erwarb sich den Ruf eines hervorragenden Rhetorikers. Gleichzeitig war er schon vor der Revolution 1917 unter den Moskauer Intellektuellen als Mensch bekannt, der die Fähigkeit hatte, ideologische Gegner zu hassen, zu verachten und zu beleidigen.³ Politisch vertrat Il'in als junger Student zunächst radikale Ansichten, stand nach Berichten von Zeitgenossen dem Terrorismus nahe. Später schloss er sich der liberal-konservativen, den Werten und Traditionen der Orthodoxie verpflichteten „Studentischen Historisch-Philologischen Gesellschaft“ an. Er war ein unversöhnlicher Gegner des bolschewistischen Regimes, stand in Kontakt zu führenden Politikern und Militärs der weißen Bewegung, stellte sein Leben unter das Banner des Kreuzzuges für „ein einiges, heiliges und geistig erneuertes Russland der Zukunft“. Bis 1922 lehrte Il'in noch an der Moskauer Universität. Er wurde von den Bolschewiki mehrfach verhaftet und im September 1922 aus Sowjetrußland ausgewiesen. Als einer der Passagiere des „Philosophischen Dampfers“ traf er im November 1922 in Berlin ein.

In Berlin gehörte Il'in bald zu den prägenden Figuren des geistigen Lebens der russischen Kolonie. Er war an der Gründung der „Religiös-Philosophischen Akademie“ und des „Russischen Wissenschaftlichen Instituts“ beteiligt. Dort leitete er die rechtswissenschaftliche Abteilung, hielt Vorlesungen zur Rechtsphilosophie und zum Rechtsbewusstsein. Nach der Reorganisation des Instituts 1926 hielt er öffentliche Vorträge zur Philosophie Hegels und russischen Geistesgeschichte. Hinzu kamen, außerhalb des Instituts, zahlreiche Vorträge in russischer und deutscher Sprache über aktuellere politische Themen wie die Ursachen der russischen Revolution oder das Wesen des Kommunismus. Anders als die meisten im Herbst 1922 ausgewiesenen Gelehrte engagierte sich Il'in nicht allein für die Pflege der geistigen Traditionen des alten Russlands, sondern etablierte sich auch Vordenker des konservativen Flügels des politischen Exils.⁴ Sein 1925 erschienenes Buch „O soprotivlenie zlu siloj“⁵, in der Form eine philosophische Arbeit, war im Wesen eher ein politisches Manifest. Das Buch und die Vorträge Il'ins zu diesem Thema lösten kontroverse Diskussionen aus. 1927 gründete er die patriotische Zeitschrift „Russkij Kolokol“, deren Herausgeber, Chefredakteur und Hauptautor er war. Als Aufgabe der Zeitschrift formulierte er die allseitige Erneuerung des Geistes der gebildeten russischen Menschen, seiner Charakterbildung, seines Glaubens an ein neues Russland.⁶ Viel Erfolg war dieser Mission nicht beschieden: Von geringer publizistischer Qualität und trotz großem Pathos propagandistisch wenig überzeugend, stellte „Russkij Kolokol“ nach nur neun Ausgaben sein Erscheinen 1930 ein. Seit Anfang der 30er Jahre publizierte Il'in regelmäßig in deutscher Sprache im „Eckart-Verlag“, darunter u.a. 1932 zusammen mit dem späteren Vorsitzenden des „Gesamtverbandes deutscher Antikommunistischer Vereinigungen e.V.“ Adolf Ehrh.⁷

Il'in und der Faschismus

Auf der Suche nach Verbündeten im Kampf gegen den Bolschewismus geriet er in die Gefahr, selbst einen Pakt mit dem „Bösen“ zu schließen. Schon Mitte der 1920er Jahre, nach einem Aufenthalt in Italien, sah er im Faschismus eine probate Antwort auf Internationalismus und Gottlosigkeit und ein Vorbild an Willen zur Macht und staatlicher Ordnung. Im „Kolokol“ pries er den russischen Faschismus – neben dem italienischen, deutschen oder ungarischen – als Teil eines neuen weltweiten Rittertums, mit dem die Menschheit auf das Elend der Gottlosigkeit, der Unehrlichkeit und Gier antworte. Wer gegen den Kampf dieser Ritter gegen den Teufel sei, so Il'in, sei für den Teufel⁸ – ein Sprachbild, welches fatal dem „wer nicht für uns ist, ist gegen uns“ der in Russland herrschenden Bolschewiki erinnert. Für Il'in war der Geist politischer Parteien immer giftig.⁹ Auf Parteien beruhende politische Systeme, in der Konsequenz also die politische Demokratie an sich, lehnte er strikt ab. Sein politisches Ideal war eine autokratische, wenn auch nicht unbedingt monarchistische Herrschaft. Ein künftiges Russland verknüpfte er mit dem Ideal eines Führerstaates: Ein wahrer Führer sei ein Meister und Künstler der Macht, und Russland brauche einen ihm ergebenen Künstler der Macht.¹⁰

Die die Machtergreifung des Faschismus in Deutschland wurde von Il'in ausdrücklich begrüßt. In der Pariser „Vozroždenie“ verurteilte er die angeblich vor allem von Juden beeinflusste öffentliche Empörung und feierte den „legitimen Umsturz“, als „legale Selbstabschaffung der demokratisch-parlamentarischen Ordnung“.¹¹ Il'in urteilte hier nicht nur als der von der Haltung der liberalen Öffentlichkeit im Westen gegenüber der Sowjetunion enttäuschte Emigrant, sondern begrüßte ausdrücklich die substantiellen Werte der nationalsozialistischen Bewegung. Er leugnete den Antisemitismus: Der Geist des Nationalsozialismus bestehe nicht im Rassismus¹². Der „neue Geist“ sei unversöhnlich gegenüber dem Marxismus, Internationalismus, defätistischer Ehrlosigkeit, Klassenhetze, reaktionären Klassenprivilegien oder Bestechlichkeit, nicht aber gegenüber dem Judentum.¹³ Wie prinzipiell sein Bekenntnis zu diesem „neuen Geist“ des Faschismus und seine Ignoranz gegenüber dessen Antihumanismus und verbrecherischem Rassismus war, bezeugte Il'in selbst noch 15 Jahre später in einem Aufsatz „Über den Faschismus“, in dem er lediglich „Fehler“ des deutschen Faschismus, etwa seine Religionsfeindlichkeit, nicht aber den Rassismus und Holocaust kritisierte und die neuen faschistischen Regime auf der iberischen Halbinsel ausdrücklich pries.¹⁴

Problematisch ist auch Il'ins Rolle am „Russischen Wissenschaftlichen Institut“ in den Jahren 1933 und 1934. Als Semen Frank im Frühsommer 1933 aufgrund seiner jüdischen Herkunft dessen Vorsitz niederlegen musste, trat Il'in an die Spitze des Instituts. Im Juni 1933 kooperierte er mit den vom preußischen Kultusministerium zur Revision des Instituts eingesetzten Kommissaren Armin von Reyher und Maximilian von Hamm. Einem Schreiben von A.I. Ugrimov an Prof. Max Sering zufolge verfuhr Reyher nach einem von Il'in ausgearbeiteten Plan¹⁵, als er das Institut „entjudete“ und als neuen Träger einen Verein gründete, dessen Vizepräsident Il'in wurde. Als das Institut im Oktober 1933 in die Zuständigkeit des Reichsministeriums für Propaganda übergang und Adolf Ehrh seine Leitung übernahm, wurden neben Il'in nur noch A.A. Bogolepov und

V.P. Poletika als Mitarbeiter übernommen. Laut Reyher fand in dieser Zeit die Vortragstätigkeit Il'in die ausdrückliche Anerkennung des Leiters der Geheimen Staatspolizei, Oberregierungsrat Diehls.¹⁶ Bei der Neueröffnung des reorganisierten Instituts im Januar 1934 hielt er einen Vortrag über die Welteroberungspläne der Kommunistischen Internationale. Erst mit der Satzung vom Juli 1934, nach der nur noch „deutsche Volksgenossen“ dem Institut angehören durften, musste er ausscheiden. Bis 1937 trat er, nun als einer der wenigen noch in der deutschen Reichshauptstadt verbliebenen russischen Intellektuellen, weiter mit Vorträgen in Erscheinung und setzte seine anti-kommunistische Propagandaaarbeit fort. Von einer „Verfolgung“ Il'in durch die Gestapo, wie u.a. der Beitrag über Il'in im russischen Wikipedia behauptet, kann wohl kaum die Rede sein, auch wenn er als „Fremdvölkischer“ und Russe sowie aufgrund seiner Verquickung mit kirchlichen Institutionen mit Misstrauen beobachtet wurde. Erst 1938 verließ er unbehelligt Berlin und siedelte er in die Schweiz über.

Fazit

Ivan Il'in steht mit seinem Lebensweg und mit der Substanz seiner rechtsphilosophischen Auffassungen für die Idee der „Vertikale der Macht“, wie sie heute in politischen Systemen praktiziert wird, die von der modernen westlichen Politikwissenschaft als „gelenkte“ oder „simulierte Demokratien“ oder auch als „plebiszitären Autoritarismus“ bezeichnet werden. Ob diese Begriffe zur Beschreibung des heutigen Russlands tauglich sind oder nicht, sei dahingestellt. Bei aller Idealisierung der Seele des „russischen Volkes“ und der „russischen Volkskultur“ steht Il'in jedenfalls der politischen Verantwortungs- und Gestaltungsfähigkeit dieses Volkes skeptisch gegenüber. Ob ein solches Bild vom „russischen Volk“ dessen gegenwärtiger Realität entspricht, ist fraglich. Ob also ein Welt- und Zukunftsbild, welches von der Erfahrung des Spätzarismus und der Herrschaft des Bolschewismus einerseits sowie dem Kollaps der Demokratie im Weimarer und im nationalsozialistischen Deutschland andererseits geprägt ist, zur Begründung einer den Bedürfnissen des postsowjetischen Russlands entsprechenden modernen Staatsidee tauglich ist, muss in Frage gestellt werden.

¹ Felix Philipp Ingold: Machtvertikale, in: Frankfurter Allgemeine Zeitung, 27.3.2007.

² Insbesondere: Iwan Iljin, *Wesen und Eigenart der russischen Kultur*, Zürich 1942.

³ Vgl. Daniel Tsygankov: Beruf, Verbannung, Schicksal. Ivan Iljin in Deutschland, in: *Archiv für Rechts- und Sozialphilosophie* 87, 2001, S. 44-60.

⁴ General von Lampe bezeichnete ihn gegenüber Vranghel schon im Frühjahr 1923 als „den hervorstechendsten intellektuellen Anhänger nicht nur der Weißen Bewegung, sondern unserer Armee“. Zit. in: L.K. Škarenkov: *Eine Chronik der russischen Emigration in Deutschland. Die Materialien des Generals Aleksej A. von Lampe*, in: *Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1914*. Hrsg. von Karl Schlögel, Berlin 1995, S. 151.

⁵ I.A. Il'in: *O soprotivlenie zlu siloj*, Berlin 1925.

⁶ Vgl. *Ot Redakcii*, in: *Russkij Kolokol*, Nr. 1, 1927, 2. Umschlagseite; Ders: *Russkij kolokol*, Ebenda, S. 1-10.

⁷ Vgl. u.a.: Ivan Iljin: [Hg.]: Welt vor dem Abgrund, Politik, Wirtschaft und Kultur im kommunistischen Staate, Berlin 1931; Adolf Ehrt, Julius Schweickert [Pseudonym für Ivan Il'in]: Entfesselung der Unterwelt: ein Querschnitt durch die Bolschewisierung, Berlin 1932.

⁸ I.A. Il'in: O ruskom fašizme, in: Russkij Kolokol, Nr. 3 (1928), S. 54-64.

⁹ I.A. Il'in: Jad partijnosti, in: Russkij Kolokol, Nr.3, 1928, S. 78-81.

¹⁰ I.A. Il'in: O vlasti i smerti, in: Russkij Kolokol, Nr. 4, 1928, S. 22; Redaktor: O ge-roe, in: Ebenda, Nr. 5, 1928, S. S. 6.

¹¹ I.A. Il'in: Nacional-socializm“, in: I.A. Il'in: Pro et contra. Ličnost' i tvorčestvo Ivana Il'ina v vospominanijach, dokumentach i ocenkach russkich myslitelej i issledovatelej. Antologija, Sankt Petersburg 2004, S. 481-482.

¹² Ebenda, S. 483

¹³ Ebenda, S. 482.

¹⁴ I.A. Il'in: O fašizme, in: I.A. Il'in: pro et contra, S. 505-507.

¹⁵ A.I. Ugrimoff an Max Sering, 7. 7. 1933, in: Bundesarchiv Koblenz, N 1210, 143

¹⁶ Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, I HA, Rep. 76 Vc, Sektion 2, Tit. 23, Nr.134, Bl. 314.

Axel Rüdiger

REPEATING WITHOUT RETURNING: LENIN IN THE POLITICAL PHILOSOPHY OF SLAVOJ ŽIŽEK

There is an old well-known slogan in political history: “The king is dead. Long live the king.” It seems this old slogan can also be used to the new reception of Lenins political thought in contemporary political philosophy on the Left. After the “second” dead of Lenin with the end of the Soviet Union and the breakdown of the “real existing socialism” in Eastern Europe and the following global domination of postmodern capitalism it was a little bit surprisingly that “Lenin” came still alive in philosophical discussions. As a prominent example there were the people of a research group who worked from 2000 until 2002 at the Institute for Advanced Studies in the Humanities in Essen (Germany) under leadership of the slovenian philosopher Slavoj Žižek. They came to the unexpected conclusion that just the name “Lenin” should be a possible answer of the “Antinomies of Post-Modern Reason”.

They claimed: “(T)he name ‘Lenin’ is of urgent necessity [...] precisely now, at a time when very few people seriously consider possible alternatives to capitalism any longer.” Under such conditions the name “Lenin” can be used as a weapon against the thought prohibition (“Denkverbot”) in the epoch dominated by the “liberal-democratic hegemony”, the “post-political consensus” and the “return of ethics” in today’s political philosophy¹. (Budgen et. al., 2007, 1) But for them, “‘Lenin’ is not the nostalgic name for old dogmatic certainty; quite the contrary, the Lenin that” they “want to retrieve is the Lenin-in-becoming, the Lenin whose fundamental experience was that of being thrown into a catastrophic new constellation in which old reference points proved useless, and who was thus compelled to *reinvent* Marxism. The idea is that it is not enough simply to return to Lenin, like returning to gaze at a painting or visit a tombstone, for we

must *repeat* or *reload* him: that is, we must retrieve the same impulse in today's constellation. This dialectical return to Lenin aims neither at nostalgically reenacting the 'good old revolutionary times' nor at the opportunistic-pragmatic adjustment of the old program to 'new conditions'. Rather, it aims at repeating, in the present global conditions, the 'Leninian' gesture of reinventing the revolutionary project in the conditions of imperialism, colonialism, and world war – more precisely after politico-ideological collapse of the long era of progressivism in the catastrophe of 1914. [...] What Lenin did for 1914, we should do for our times." (Budgen et. al., 2007, 3f.)

"The first public reaction to the idea of reactualizing Lenin", writes Žižek 2002, was, "of course, an outburst of sarcastic laughter. Marx is Ok – today, even on Wall Street, there are people who still love him [...]. But Lenin – no, you can't be serious! Doesn't Lenin stand precisely for the *failure* to put Marxism into practice, for the big catastrophe which left its mark on the whole of twentieth-century world politics, for the Real Socialist experiment which culminated in an economically inefficient dictatorship?"² And it is true: the Real Socialist experiment died under barbarian circumstances. Žižek himself was an active dissident against the communist regime in former Yugoslavia and he formulates his critic today directly too: "Rosa Luxemburg's famous alternative 'socialism or barbarism' ended up as the ultimate infinite judgement, asserting the speculative identity of the two opposed terms: 'Really Existing Socialisms' was barbarism"³.

But Žižek doesn't want to return to the old myth of Lenin as "the wise revolutionary Leader, who after formulating the basic co-ordinates of his thought and practice in *What Is to Be Done?*, simply ruthlessly pursued them after." (Žižek 2002, 3) According to Žižek there is also another story about Lenin and this story is so actually that they should be repeated today. This is the story about the catastrophe from 1914 in which the entire world of Marxist Social Democracy disappeared and Lenin's despaired search for a new beginning. For this aim he was able to a radical critic of his own previous thinking. An important role for this turn played his close reading of Hegel. The interesting part of that story is for Žižek following question: How is it possible to turn a very hopeless situation in a space of possibilities for revolution and social progress? For Lenin this question was a doubled one: first 1914 for the international social democracy, and second 1920 for the survive of Russian revolution. Žižek writes on this topic: "The properly dialectical paradox is thus that it is the very hopelessness of the Russian situation (the backwardness that compels the proletarian power to fulfil the bourgeois civilizing mission) which can be turned into a unique advantage." (Žižek 2002, 10) He cited in this context Lenin: "What if the complete hopelessness of the situation, by stimulating the efforts of the workers and peasants tenfold, offered us the opportunity to create the fundamental requisites of civilization in a different way from that of the West European countries?"⁴

Lenin appears here not as a voluntarist 'subjectivist' but as a dialectical thinker of the "exception", which offers "a way to undermine the norm itself". (Žižek 2002, 10) Very important for Žižek is Lenin's close reading of Hegel's *Logic* and his political use of the concept of the Hegelian "negation of negation". This dialectical logic sees Žižek behind Lenin's political strategy from 1917 at work. The February Revolution negated the old order within its own ideologico-political form, but only the October Revolution negated that form itself. "Lenin's counterargument against the formal-democratic critics

of the second step was that the ‘pure democratic’ option was itself utopian: in the concrete Russian circumstances, the bourgeois-democratic state has no chance of survival – the only ‘realistic’ way to protect the true gains of February Revolution (freedom of organization and press, etc.) is to move on to Socialist revolution, otherwise the tsarist reactionaries will win.” (Žižek 2002, 9)

In this sense the “Lenin”, who Žižek is interested in, is indeed “not the nostalgic name for old dogmatic certainty; quite the contrary, *the* Lenin who is to be retrieved is the Lenin whose fundamental experience was that of being thrown into a catastrophic new constellation in which the old co-ordinates proved useless, and who was thus compelled to reinvent Marxism”. (Žižek 2002, 10) With other words: “The illusion of 1917 that the pressing problems which faced Russia (peace, land distribution, etc.) could be solved through ‘legal’ parliamentary means is the same as today’s illusion that the ecological threat, for instance, could be avoided by expanding the market logic to ecology (making polluters pay for the damage they cause).” (Žižek 2002, 11)

From that view the return of pure ethics in today’s political philosophy turns out as a dangerous and reactionary strategy. They “shamefully exploits the horrors of the Gulag or the Holocaust as the ultimate scare tactic for blackmailing us into renouncing all serious radical commitment. In this way, the conformist liberal scoundrels can find hypocritical satisfaction in their defense of the existing order: they know there is corruption, exploitation, and so forth, but they denounce every attempt to change things as ethically dangerous and unacceptable, resuscitating the ghost of totalitarianism.” (Budgen et. al., 2007, 2) At the “moment one shows a minimal sign of engaging in political projects that aim at seriously challenging the existing order, he or she receives the following immediate answer: ‘Benevolent as it is, this will necessarily end in a new Gulag!’” (Budgen et. al., 1)

For that reason the political main problem for today’s social movement against capitalist globalization is a strictly Leninist one. It can be described at follow: how to ACTUALIZE the accusations of the capitalist establishment and the media; of course, not for establishing a new Gulag, but for challenging the existent capitalist order to solve the new global problems. And here the name “Lenin” itself is a political sign for change that differs from other signs. According Žižek: “(T)he extent to which the SIGNIFIER ‘Lenin’ retains its subversive edge is easily demonstrated — say, when one makes the ‘Leninist’ point that today’s democracy is exhausted, that the key decisions are not taken there, one is directly accused of ‘totalitarianism’; when a similar point is made by sociologists or even Vaclav Havel, they are praised for the depth of their insight... THIS resistance is the answer to the question ‘Why Lenin?’: it is the signifier ‘Lenin’ which FORMALIZES this content found elsewhere, transforming a series of common notions into a truly subversive theoretical formation.” (Žižek 2002a, 312) In this precisely sense the sign “Lenin” operates as a Kantian “sign of history” (“Geschichtszeichen”), which stands despite all the horrible violence for the emancipatory progress of mankind.

Žižek illustrates his position with a famous old joke “about socialism as the synthesis of the highest achievements of the entire hitherto human history: from the prehistoric societies, it took primitivism, from the Ancient world slavery, from medieval society brutal domination, from capitalism exploitation, and from socialism the name. Does something similar not hold about our attempt to repeat Lenin’s gesture? From the con-

servative cultural criticism, it takes the idea that today's democracy is no longer the place where crucial decisions are made; from cyberspace ideologists the idea that the global digital network offers a new space of communal life; etc.etc., and from Lenin more or less just the name itself... However, this very fact could be turned in an argument FOR the 'return to Lenin'." (Žižek 2002a, 311f)

Exactly in this symbolic sense Žižek argues: "Consequently, to REPEAT Lenin does NOT mean a RETURN to Lenin — to repeat Lenin is to accept that 'Lenin is dead', that his particular solution failed, even failed monstrously, but that there was a utopian spark in it worth saving. To repeat Lenin means that one has to distinguish between what Lenin effectively did and the field of possibilities that he opened up, the tension in Lenin between what he effectively did and another dimension, what was 'in Lenin more than Lenin himself'. To repeat Lenin is to repeat not what Lenin DID, but what he FAILED TO DO, his MISSED opportunities. Today, Lenin appears as a figure from a different time-zone: it's not that his notions of the centralized Party, etc., seem to pose a 'totalitarian threat' — it's rather that they seem to belong to a different epoch to which we can no longer properly relate. However, instead of reading this fact as the proof that Lenin is outdated, one should, perhaps, risk the opposite conjecture: what if this impenetrability of Lenin is a sign that there is something wrong with OUR epoch? What if the fact that we experience Lenin as irrelevant, 'out of sync' with our postmodern times, impart the much more unsettling message that our time itself is 'out of sync', that a certain historical dimension is disappearing from it?" (Žižek 2002a, 312)

Very similar to that the Cambridge philosopher Raymond Geuss claims that one should „call oneself a 'neo-Leninist' without thereby being committed to every particular view or theory the historical Vladimir Ilyich Ulyanow held.“ In his "view, if political philosophy wishes to be at connected with a serious understanding of politics, and thus to become an effective source of orientation or a guide to action, it needs to return from the present reactionary form of neo-Kantianism to something like the 'realist' view, or to put it slightly differently, to neo-Leninism"⁵.

It is important that this repetition of Lenin is in first instance also a radical critic of the historical Lenin. In philosophy that means above all the distinction between the dialectical Lenin and the metaphysical one. This concerns especially the concept of materialism. With Lucio Colletti Žižek criticizes "that Lenin's distinction between the philosophical and the scientific notion of matter, according to which, since the philosophical notion of matter as reality existing independently of mind precludes any intervention of philosophy into sciences, the very notion of 'dialectics in/of nature' is thoroughly undermined"⁶. Within *Materialism and Empirio-criticism*, he claims, "there is NO PLACE FOR DIALECTICS". Lenin's metaphysical "theory of reflection"⁷ including his "insistence of the precarious nature of our knowledge (which is always limited, relative, and 'reflects' external reality only in the infinite process of approximation)" were in fact obstacles for a dialectical and materialist theory of politics. "(T)he way to assert materialism is not by way of clinging to the minimum of objective reality OUTSIDE the thought's subjective mediation, but by insisting on the absolute INHERENCE of the external obstacle which prevents thought from attaining full identity with itself. The moment we concede on this point and externalize the obstacle, we regress to the pseudo-problematic of the thought asymptotically approaching the ever-elusive 'objective reali-

ty', never being able to grasp it in its infinite complexity. The problem with Lenin's 'theory of reflection' resides in its implicit idealism [...]. The very metaphor of the infinite approaching to the way things really are, to the objective truth, betrays this idealism"⁸. Žižek sees here one source for the possible perversion of Lenin's theory within Stalinist "Leninism". Because knowledge and truth appear here as neutral entities they can be instrumentalized for bureaucratic oppression.

But according to Žižek Lenin was not completely wrong in *Materialism and Empirio-criticism*, he gave however the false answer to the right problem. The problem was the important political distinction between bourgeois science (positivism) and revolutionary theory of truth, but the neutralization of truth was positivistic itself. Žižek proposes therefore "to connect this notion of the truth emerging from an external encounter with the (in)famous Lenin's notion, from *What Is to Be Done?*, of how the working class cannot achieve its adequate class consciousness 'spontaneously', through its own 'organic' development, i.e. of how this truth has to be introduced into it from outside (by the Party intellectuals)?"⁹ Where Karl Kautsky speaks from scientific theory as a neutral position, Lenin speaks there from the radical partisanship of the political intellectuals. The point is therefore: "while Kautsky speaks of how the non-working-class intellectuals, who are OUTSIDE THE CLASS STRUGGLE, should introduce SCIENCE (providing objective knowledge of history) to the working class, Lenin speaks of CONSCIOUSNESS which should be introduced from outside by intellectuals who are outside the ECONOMIC struggle, NOT outside the class struggle!" Žižek summarizes: "(I)n Kautsky, there is no space for politics proper, just the combination of the social (working class and its struggle, from which intellectuals are implicitly EXCLUDED) and the pure neutral classless, asubjective, knowledge of these intellectuals. In Lenin, on the contrary, 'intellectuals' themselves are caught in the conflict of IDEOLOGIES (i.e. the ideological class struggle) which is unsurpassable"¹⁰.

If we want to repeat "Lenin" we should therefore not return to the metaphysical materialism or the positivist and neutral 'theory of reflection'. "The key question thus concerns the exact STATUS of this externality: is it simply the externality of an impartial 'objective' scientist who, after studying history and establishing that, in the long run, the working class has a great future ahead, decides to join the winning side? So when Lenin says 'The theory of Marx is all-powerful, because it is true', everything depends on how we understand 'truth' here: is it a neutral 'objective knowledge', or the truth of an engaged subject? Lenin's wager — today, in our era of postmodern relativism, more actual than ever — is that universal truth and partisanship, the gesture of taking sides, are not only not mutually exclusive, but condition each other: in a concrete situation, its UNIVERSAL truth can only be articulated from a thoroughly PARTISAN position — truth is by definition one-sided"¹¹.

But there are for Žižek also some other important points in Lenin's political theory and practice, which should be repeated today. I will them list shortly:

(1) Crucial today is "Lenin's stance against economism as well as against pure politics" like Ernesto Laclau, Chantal Mouffe, Jacques Rancière or Alain Badiou stand for. "Today, more than ever, we should here return to Lenin: yes, economy is the key domain, the battle will be decided there, one has to break the spell of the global capitalism — BUT the intervention should be properly POLITICAL, not economic. The battle to be

fought is thus a twofold one: first, yes, anti-capitalism. However, anti-capitalism without problematizing the capitalism's POLITICAL form (liberal parliamentary democracy) is not sufficient, no matter how 'radical' it is. Perhaps THE lure today is the belief that one can undermine capitalism without effectively problematizing the liberal-democratic legacy which — as some Leftists claim — although engendered by capitalism, acquired autonomy and can serve to criticize capitalism"¹².

(2) Worth for repeating is also Lenin's theory of freedom and his important opposition of 'formal' and 'actual' freedom. "What we need today, in the era of liberal hegemony", writes Žižek, "is a 'Leninist' *traité de la servitude libérale*, a new version of la Boétie's *Traité de la servitude volontaire* that would fully justify the apparent oxymoron 'liberal totalitarianism'." ¹³ Today, in the era of what sociologists like Ulrich Beck call 'risk society' when the ruling liberal ideology of freedom of choice, grounded in the notion of the 'psychological' subject "endeavors to sell us the insecurity caused by the dismantling of the Welfare State as the opportunity for new freedoms: you have to change jobs every year, relying on short-term contracts instead of a long-term stable appointment." This ideology says us according Žižek: "Why not see it as the liberation from the constraints of a fixed job, as the chance to reinvent yourself again and again, to become aware of and realize hidden potentials of your personality? You can no longer rely on the standard health insurance and retirement plan, so that you have to opt for additional coverage for which you have to pay. Why not perceive it as an additional opportunity to choose: either better life now or long-term security?" ¹⁴ Indeed, "Phenomena like these make it all the more necessary today to REASSERT the opposition of 'formal' and 'actual' freedom in a new, more precise, sense." For another example for the political problem of freedom Žižek uses "the situation in the Eastern European countries around 1990, when Really Existing Socialism was falling apart: all of a sudden, people were thrown into a situation of the 'freedom of political choice' — however, were they REALLY at any point asked the fundamental question of what kind of new order they actually wanted? [...] They were first told that they were entering the promised land of political freedom; then, soon afterwards, they were informed that this freedom involved wild privatization, the dismantling of the system of social security, etc. etc. — they still have the freedom to choose, so if they want, they can step out; but, no, our heroic Eastern Europeans didn't want to disappoint their Western mentors, they stoically persisted in the choice they never made, convincing themselves that they should behave as mature subjects who are aware that freedom has its price ... This is why the notion of the psychological subject endowed with natural propensities, who has to realize its true Self and its potentials, and who is, consequently, ultimately responsible for his failure or success, is the key ingredient of liberal freedom. And here one should risk reintroducing the Leninist opposition of 'formal' and 'actual' freedom: in an act of actual freedom, one dares precisely to BREAK the seductive power of symbolic efficiency. Therein resides the moment of truth of Lenin's acerbic retort to his Menshevik critics: the truly free choice is a choice in which I do not merely choose between two or more options WITHIN a pre-given set of coordinates, but I choose to change this set of coordinates itself The catch of the 'transition' from Really Existing Socialism to capitalism was that people never had the chance to choose the *ad quem* of this transition — all of a sudden, they were (almost literally) 'thrown' into a new situation in which they were presented with a

new set of given choices (pure liberalism, nationalist conservatism ...). What this means is that the ‘actual freedom’ as the act of consciously changing this set occurs only when, in the situation of a forced choice, one ACTS AS IF THE CHOICE IS NOT FORCED and ‘chooses the impossible’”¹⁵.

(3) Finally Lenin as a supporter of the ‘real of an (revolutionary) illusion’ in contrast to the pragmatist and realist policy of Stalin. “Während Lenin dem ‘Realen der (kommunistischen) Illusion’, seinem emanzipatorischen utopischen Potential treu blieb, war Stalin ein schlichter ‘Realist’, der rücksichtslos um seine persönliche Macht kämpfte”¹⁶.

(4) The last repetition of Lenin in the writings of Žižek I want to mention here is the repetition together with the poet Samuel Beckett and his slogan: “Try again. Fail again. Fail better.”¹⁷. For Žižek Lenin was a “Beckettian *avant la letter*”. Then: “what he basically proposed that the Bolsheviks should do in the desperate situation at the end of Civil War was not directly ‘construct socialism’, but to *fail better* than a ‘normal’ bourgeois state. It holds also for the revolutionary process that, to paraphrase Derrida’s well-known dictum once again, the condition of the impossibility is the condition of possibility: the condition of the impossibility – Russian backwardness and isolation which made socialism impossible – is part of the same exceptional situation which made the first socialist revolution possible. In other words, instead of bemoaning the historical anomaly of a revolution in an exceptional and ‘immature’ situation (with the expectation that the revolution would start in the most developed capitalist countries), one should bear in mind that revolution never arrives ‘on time’, when the objective social process generates the ‘mature’ conditions for it.”¹⁸. So we can learn from Lenin today to use the irregular anomaly within a given order to make the change possible and to solve the most important problems of mankind, which lead in the present global capitalist order necessary to catastrophic consequences.

¹ Vgl. Sebastian Budgen u.a. (ed.): Lenin reloaded: towards a politics of truth, Durham u.a. 2007, p. 1. This book is a result of an international conference held 2001 in Essen that entails a lot of articles e.g. from Alain Badiou, Terry Eagleton, Frederic Jameson, Etienne Balibar, Antonio Negri, Georges Labica, Domenico Losurdo, Sylvain Lazarus.

² Slavoj Žižek: Introduction. Between the Two Revolutions, in: V.I. Lenin: Revolution at the gates: a selection of writings from February to October 1917. Ed. and with an introduction and afterword from Slavoj Žižek. London 2002, p. 3

³ Slavoj Žižek: Afterword. Lenin’s Choice, in: V.I. Lenin: Revolution at the gates, p. 192. Following cited as Žižek 2002a. This text is also available under: <http://www.marxists.org/reference/subject/philosophy/works/ot/zizek1.htm#70>.

⁴ V.I. Lenin: Better Fewer, but Better, in: Collected Works, vol. 33, p. 488 (cited by Žižek 2002, 10).

⁵ Raymond Geuss, Philosophy and Real Politics, Princeton, 2008, 99.

⁶ See Slavoj Žižek: Repeating Lenin. Lenin’s Choice <http://www.marxists.org/reference/subject/philosophy/works/ot/zizek1.htm#70> (01.03.2012).

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² Slavoj Žižek: The Leninist Freedom, <http://www.marxists.org/reference/subject/philosophy/works/ot/zizek1.htm#70> (01.03.2012)

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Slavoj Žižek: Die gnadenlose Liebe. Frankfurt/Main 2001, S. 117.

¹⁷ See Slavoj Žižek: In Defense of Lost Causes. London 2009, p. 361.

¹⁸ Ibid.

А.П. Ненароков

**И.Г. ЦЕРЕТЕЛИ ПРОТИВ Г.В. ПЛЕХАНОВА:
«НЕ ПОДЫСКАНИЕ ОПРАВДАНИЙ ВОЮЮЩЕЙ СТОРОНЫ,
А РЕШИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА С ВЫЗВАННЫМ
ВОЙНОЮ ВСЕОБЩИМ ОДИЧАНИЕМ».
Иркутск, 1915 г.**

1. К концу первого года Первой мировой войны в сибирской ссылке небольшая группа российских социал-демократов различных направлений – центристы И.Г. Церетели и С.Л. Вайнштейн, интернационалисты-мартовцы Ф.И. Дан и Б.И. Николаевский, большевики В.С. Войтинский и Н.А. Рожков – подготовили и опубликовали т.н. «Сибирский журнал», а затем, – 1 января 1915 г. – «Сибирское обозрение». В статьях членов группы и особенно ее лидера И.Г. Церетели, еще до Международной социалистической конференции в Циммервальде (Швейцария, сентябрь 1915 г.) впервые с начала войны публично обосновывалась и отстаивалась точка зрения руководящего большинства II Интернационала, отвергавшего крайности представителей левого и правого крыла международного социалистического движения. «Это почти историческое событие, – писал Ф.И. Дану по этому поводу Ю.О. Мартов, – что такие статьи появились у нас в такое проклятое время. Я писал Вам, что Павел [Аксельрод] был в восторге»¹. Это потом, осенью 1915 г., группу Церетели назовут «сибирскими циммервальдийцами», чем представление о приоритете их выступления будет сначала искусственно приглушено, а впоследствии окажется и просто забытым.

2. Между тем, выступив с осуждением разных форм «оборончества», которые представляли справа Г.В. Плеханов и А.Н. Потресов, так и утверждений левого крыла Интернационала (В.И. Ленин, К.Б. Радек, А. Паннекук, Р. Люксембург и др.) о том, что воинствующий империализм является «единственным и всеобщим» выражением современного капитализма, его «высшей и последней ступенью» развития, Церетели первым укажет и на то, что «пролетариат, лишенный возможности остановить войну, становится невольным ее участником». Отсюда, настаивал он, все попытки «усмотреть крах социалистического движения» в том, «что Интернационал не смог предотвратить войны и, когда она разразилась, не призвал

рабочих к активному противодействию ей», присущи лишь тем, «кто рассматривал его [Интернационал] под углом утопических мечтаний или анархического бунтарства»². Конечно, по мнению Церетели, сомнению не подлежит и то, что ошибки, допущенные в момент наивысшего подъема «общей шовинистической волны» ведущими социалистическими партиями (прежде всего, Германии и Франции) – весьма серьезны. Однако не следует забывать и о том, чем они вызваны, одновременно помня, что «...трудность выдержанной пролетарской тактики среди всеобщего воинствующего подъема является объяснением, но не оправданием этих ошибок»³.

3. Высоко оценивая декларацию обеих (меньшевистской и большевистской) групп социал-демократической фракции IV Государственной думы России, возложившую ответственность за развязанную войну на правящие круги всех втянутых в нее стран, Церетели выступил против любых формул возложения ответственности за начало войны на противника, подчеркнув, что отказ российских социал-демократов голосовать за военные кредиты является таким актом протеста против войны, «на который не решилась пока ни одна из демократических фракций воюющей Европы»⁴. Тем самым она не только осуществила «принцип международной демократии», но и «выполнила также и долг *русской демократии*»⁵.

4. Именно в этом, в определении «новой линии отношения демократии к внешним событиям» и разошелся И.Г. Церетели с одним из патриархов российского социалистического движения Г.В. Плехановым. В основе этих расхождений лежало утверждение Плеханова о том, что в разгоревшихся на западном и восточном театрах военных действиях, «интересы прогресса» находятся на стороне Антанты, и «поэтому каждый, дорожающий этими интересами», должен желать победы государствам, входящим в этот альянс. При этом Плеханов оговаривался, что о восточном театре военных действий, где австро-германские войска вели бои с армией самодержавной России, он в этом случае речи не ведет, словно признавая, что здесь «интересы прогресса» находятся на стороне Германии. В этом, указывал Церетели, «увлеченная воинствующими настроениями часть германской демократии так же, как и Г.В. Плеханов, не хочет признать, что при постановке вопроса о культуре воюющих стран нужно, прежде всего, считаться с неразрывным единством войны на восточном и западном театрах», не искать оправданий воюющей стороне, а вести решительную борьбу с вызванным войною всеобщим одичанием»⁶.

5. В горниле войны, по мнению Церетели, «быстро перерождаются и государственные учреждения и самый “дух” народов». В Англии и Франции, где «начала гражданской жизни» получили перед войной «более широкое осуществление, чем в Германии» и политический строй которых был демократичней и давал больший простор для развития «социальных сил», военные настроения губительно отразились «на внутренней жизни этих стран». В Англии забыты «и вопросы социального законодательства, и самоуправление Ирландии, и аграрная и финансовая реформы». Во Франции «непримиримый Гед»⁷ заседает в кабинете министров вместе с реакционным Рибо⁸, и во имя общего “перемирия” предоставляет клерикалам и роялистам без всякого отпора со стороны демократии овладевать настроениями масс, взращивать реакционные идеи на почве, взрыхленной воинствующим шовинизмом»⁹. В Германии мы имеем новый облик добродушного немецкого

Михеля первой половины XVIII века в результате объединения его с бисмарковскими настроениями «защиты отечества от “безумного канцлера тогдашней Франции”»¹⁰».

6. Особо разбирает Церетели и плехановские соображения о вредном воздействии Германии на экономическое развитие России и вероятном стремлении отгородить ее от остального мира в случае победы в войне. При этом он не только отмечает, что, «при всей ненасытности appetitов прусского юнкерства и германской буржуазии, они не могут ставить себе целью то, что безнадежно при всяком обороте военных действий»¹¹.

7. И завершает Церетели свое выступление против Плеханова тем, что напоминает о двух истинах, которые актуальны и сейчас:

а) примеры губительного перерождения культуры и «”духа” народов», демократических начал их «гражданственной жизни», развития «социальных сил», всей «внутренней жизни» особенно «поучительны для народов с неокрепшей гражданской культурой»¹²; и

б) «Единственный способ прозревать будущее, это исходить из прошлого»¹³.

Мне кажется, об этом нельзя забывать и сегодня.

¹ См.: Переписка П.Б. Аксельрода и Ю.О. Мартова. 1901-1916. Берлин: 1924. С. 323. Это по настоянию П.Б. Аксельрода Мартов напишет специальную статью о первом номере «Сибирского обозрения» («Наше слово», 1915, 26 февраля).

² Федор Ильич Дан, Ираклий Георгиевич Церетели. Два пути. Избранное. Ч. 2. Сост., авт. вступительной статьи А.П. Ненароков, П.Ю. Савельев. М., 2010. С. 44, 48.

³ Там же. С. 50.

⁴ Там же. С. 52.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 53, 54.

⁷ Речь идет о Жюле Гедде – одном из лидеров Интернационала и основателей рабочей и социалистической партий Франции, который в августе 1914 г. стал государственным министром

⁸ Французский адвокат – в 1892-1893, 1895-1917 гг. – премьер-министр и министр различных правительственных кабинетов.

⁹ Там же. С. 54.

¹⁰ Речь идет, с одной стороны, о Бисмарке – министре-президенте и министре иностранных дел Пруссии с 1862 г., а с другой – о Тьере – в 1871-1873 гг. президенте Франции.

¹¹ Там же. С. 55-56.

¹² Там же. С. 54.

¹³ Там же. С. 55.

РОССИЙСКИЕ ЭМИГРАНТЫ В ШВЕЙЦАРИИ В КОНЦЕ XIX В.***Пример Р.М. и Г.В. Плехановых и В.И. Засулич***

До Первой мировой войны Швейцария была наряду с Францией и с Англией одним из центров российской политической эмиграции. Эмигранты обычно селились в Цюрихе или в Женеве. До конца восьмидесятых годов эмигранты из Российской империи получали временные разрешения на пребывание, даже когда у них не было удостоверений личности или их документы были фальшивыми. Швейцария не только российским эмигрантам казалась убежищем, где возможно было организовывать съезды и свободно публиковать политическую литературу¹. Но с 1889 г. пребывание в Швейцарии не было лишено проблем. Цель этой работы – показать на примере ведущих русских социал-демократов Г.В. Плеханова и В.И. Засулич от каких политических факторов зависело спокойное пребывание эмигрантов в стране. Частично ответы на этот вопрос дают документы из Женевских государственных архивов. В них сохранилось дело о высылке Плеханова из Женевы, длившееся с 1889 до 1894 год, которое проливает свет на целый ряд обстоятельств, связанных с намерением властей добиться изгнания Плеханова и В.И. Засулич из кантона и усилиями друзей по эмиграции и швейцарских социалистов, предпринимавшихся для отмены решения.

Все началось весной 1889 г., когда положение Плехановых и В.И. Засулич в Женеве внезапно изменилось после несчастного случая в Цюрихе. Там кружок студентов вокруг Исаака Дембо (настоящее имя Яков Бринштейн) проводил эксперименты с динамитом. Они хотели подготовиться к новым покушениям в России в традиции «Народной воли». 6-го марта 1889 г. Дембо с товарищем, Александром Дембским, испытывал снаряд на Цюрихберге. Но этот снаряд преждевременно взорвался и серьезно поранил молодого революционера Дембо. Его принесли в больницу, где он умер от полученных ран. Взрыв на Цюрихберге обернулся международным скандалом: создавалось впечатление, что Швейцария явилась приютом для террористов и анархистов, ввиду чего Россия и Австрия поспешили усилить дипломатическое давление². В силу этих обстоятельств Федеральное правительство было вынуждено немедленно выслать 13 российских и австрийских революционеров³.

В этих событиях и Женевское правительство, в котором тогда преобладали консервативные партии, усмотрело весьма удобный повод выслать «опасных» анархистов, уже давно проживавших на его территории. Вполне мог быть у кантонального правительства и иной мотив: задолженности Плехановых и В.И. Засулич перед женевскими владельцами магазинов⁴.

Знали Женевские власти и то, что если Вера Ивановна Засулич жила по фальшивым документам, что несколькими годами ранее она стреляла в градоначальника Санкт-Петербурга Ф.Ф. Трепова⁵, то Г.В. Плеханов вообще не имел каких-либо официальных бумаг. Поэтому женевские власти летом 1889 г. потребовали от Засулич и Плеханова предъявить настоящие документы, подтвержденные российским консульством. Получить требуемые документы у

эмигрантов возможности не было⁶, и, как следствие, Засулич пришлось скрыться в Монтрё, на Женевском озере, в кантоне Во. Однако у Плехановых ситуация была иной: Розалия Марковна только что закончила медицинскую учебу. Так как диплом Женевского университета позволял иметь врачебную практику лишь в Женеве, ей позволили остаться, но никакие просьбы и ходатайства других эмигрантов или адвокатов не помогли мужу⁷, поэтому вместе с Засулич Плеханов переехал во французскую деревню Морнэ, в 12 километрах от Женевы. Оттуда они могли посуточно посещать Розалию Плеханову с детьми. С точки зрения женевского правительства Плеханов был «опасным революционером», и запрет на въезд был бессрочным: «Плеханов, который является начальником русской террористической партии в Женеве, живет в Морнэ вместе с Верой Засулич, русской революционеркой, которая вместе с ним готовит тайные издания текстов, предназначенных для незаконной отправки в Россию. Брошюры печатаются в русской типографии [...], руководителем, если не собственником, Плеханов является. Цель его пребывания в кантоне – это возможность удобного планирования совместной с единомышленниками деятельности. Его присутствие в кантоне может быть только опасным»⁸.

В 1891-1893 г. Плеханов неоднократно совместно с женевскими друзьями обращались правительству Женевского кантона заявлениями. Среди тех, кто обращался, были и члены левой фракции кантонального парламента. Они подтверждали несколько раз, что Плеханов не являлся анархистом или террористом, напротив, представлял собой «гражданина с хорошими манерами»⁹. Но и Государственный совет Женевы, в свою очередь, попросил российское консульство в Берне предоставить сведения по российскому подданному Плеханову. Российский посланник А.Ф. Гамбургер немедленно составил ответ, в котором поочередно были перечислены все «политические преступления» Г.В. Плеханова: он начал с демонстрации на Казанской площади в 1876 г. и закончил основанием Группы «Освобождение труда» в 1883 г. В конце письма Гамбургер четко подытожил свои рассуждения о Плеханове: «Сам по себе, Плеханов не был бы так уж опасен, если бы его сотрудниками и друзьями не были такие явные нигилисты, как Аксельрод, Дейч, Вера Засулич и другие»¹⁰.

Вследствие этого, к разочарованию семьи Плехановых и их друзей, весной 1893 г. правительство еще раз подтвердило решение о высылке Георгия Валентиновича из кантона. Поэтому сочувствующие члены в кантональном парламенте послали заявление федеральному министру иностранных дел в Берн. В этом письме они объяснили высылку Плеханова результатом недоброжелательности и ошибок женевских властей. Они подтвердили также, что Плеханов пользуется сочувствием всех швейцарских социалистов: «Лучше, чем кто-нибудь, мы знаем, что, если его принимают за анархиста, т.е. человека необузданного характера, то они ошибаются: Г. Плеханов, на самом деле, настоящий социалист [и] демократ [...]»¹¹.

Далее они указали и на сложную судьбу семьи Плеханова: «Г. Плеханов – отец семейства. Его жена изучала медицину в нашем городе, в котором она вынуждена оставаться, чтобы работать в этой области. А он вынужден жить вдали от нее и своих трех детей!»¹².

Так как Швейцария является федеральным государством, то федеральное правительство по конституции не могло вмешаться в это дело, касающееся внутренней политики Женевы. Однако, ознакомившись с заявлением и обсудив дело с чиновниками, министр иностранных дел, Адриен Ляшеналь, который по происхождению был тоже женеvцем, написал конфиденциальное письмо женеvскому государственному советнику Юстиции и полиции Альфреду Дидье, дав «дружеский совет»: «Твоему департаменту возможно было выдать [Плеханову] временное разрешение, срок которого зависит от доброго поведения [...], если ты соглашаешься с подписавшими заявление [...], и если положение Плеханова и его семьи достойно интереса, что представляется именно таким случаем. Если Франция действительно терпит его, тогда он не может быть таким опасным. Надзор над ним является таким простым, что тебе нечего бояться от его поступков милости [...]»¹³.

Но и эта поддержка из Берна не помогла Плеханову. Женеvское правительство продолжало прежнюю тактику в деле Плеханова¹⁴. Хуже того, в тот период положение Плеханова и Веры Засулич в Морнэ усложнилась, поскольку тогдашняя внутренняя и внешняя политическая ситуация во Франции привела к тому, что отношение к политическим эмигрантам резко изменилось.

Летом 1894 г. итальянский анархист Санте Джеронимо Касерио расстрелял президента Республики Сади Карно. Одновременно Франция дипломатически сближалась с Россией, так что в июле 1894 г. французский посол в Санкт-Петербурге обещал российскому министру иностранных дел, Н.К. Гирсу немедленно выдворить «анархиста» Г.В. Плеханова из Республики¹⁵. Это означало, что Плеханов вместе с В.И. Засулич вынужден был как можно скорее переехать в Лондон, где жили их друзья Сергей и Фанни Кравчинские¹⁶. Хотя В.И. Засулич скоро привыкла к жизни в английской столице, Г.В. Плеханов очень скучал по своей семье¹⁷. В Женеве Розалия Плеханова делала все, чтобы добиться разрешения на возвращение мужа. В заявлении, отправленном в Государственный совет республики, говорилось: «Состояние здоровья Георгия Плеханова, давно уже неудовлетворительное, становится все более угрожающим; продлевать его пребывание вдали от семьи, значит признать его выздоровление безнадежным. Вот почему я имею честь просить Вас, господин Президент и господа Советники, отменить постановление о его депортации.

Никогда и никаким образом мой муж не принимал участия в народных движениях в Швейцарии, и если он, как писатель, поддерживает связи с достаточно известными иностранцами, то эти связи не имеют абсолютно никакого отношения к роли, которую, возможно, могут выполнять в Женеве эти ораторы и эти публицисты. Исследования Г. Плеханова содержат, скорее, критику его соперников и имеют философский характер [...]»¹⁸.

До ноября 1894 г. ничего не изменилось, и Плеханов оставался в Лондоне. Женеvские городские полицейские записали, что Розалия Плеханова ждала, как «сумасшедшая», письма от мужа¹⁹. В это время Городской адресный стол подтверждал, что она «пользуется хорошей репутацией как мать семейства; ее очень уважают за ее знания в медицинском мире, ее любят клиенты; она зарабатывает умеренно: хозяйственные расходы достаточно велики и, в результате,

имеется несколько маленьких долгов у разных поставщиков, которые выплачиваются с зачислением на счет»²⁰.

В ноябре 1894 г. друзья Плеханова и его жена вновь отправили ходатайство²¹. 25 депутатов – т.е. четверть членов женевского парламента – подписали заявление, в котором требовали, чтобы мера, принятая в отношении Плеханова, была аннулирована. Прошение подписали не только социалисты, но и либеральные депутаты, так что политическое давление на правительство усиливалось. В конце концов, 23-го ноября 1894 женевское правительство прекратило отменить предыдущее решение о бессрочном изгнании и выдало Плеханову разрешение на пребывание в городе²².

На основании сказанного выше можно заключить, что спокойное пребывание эмигрантов в Швейцарии зависело, с одной стороны, от международного политического положения и, с другой, – от доброй воли государственных деятелей. На примере Г.В. Плеханова и В.И. Засулич мы видим, что эти фактора могли действовать одновременно. Как свидетельствуют документы, после скандала в Цюрихе 1889 г. правое женевское правительство, которое, на самом деле, было мало знакомо с деятельностью Плеханова и Засулич, воспользовалось *возможностью* высылки «опасных» эмигрантов, у которых были еще и немалые долги. Государственные советники также обладали весьма туманными представлениями о русских анархистах, нигилистах и террористах. Поэтому именно давление со стороны депутатов кантонального парламента, усилий Р.М. Плехановой оказалось силой, благодаря которой правительство изменило свою позицию в отношении Плеханова. Ему и несколько позже В.И. Засулич было предоставлено право на постоянное пребывание в Швейцарии.

Вера Ивановна Засулич вернулась в Россию в годы Первой русской революции 1905-1907 гг., Георгию Валентиновичу Плеханову такую возможность предоставила Февральская революция 1917 года.

¹ Киперман А.Я. Главные центры русской революционной эмиграции 70-80-х годов // Исторические записки. 1971. Т. 88. С. 260-269; Collmer P. Die Schweiz und das Russische Reich 1848-1919. Geschichte einer europäischen Verflechtung. Zürich, 2003. S. 291-226.

² Zweidler C. Die Bombenaffäre 1889 auf dem Zürichberg // Carsten Goehrke/Werner G. Zimmermann (Hg.), "Zuflucht Schweiz." Der Umgang mit dem Asylproblem im 19. und 20. Jahrhundert. Zürich, 1994. S. 173-196.

³ Bundesblatt. 13.05.1889. S. 925-927.

⁴ Archives d'Etat de Genève. Etrangers J. № 4746. Folio 51.

⁵ Анри Рошфор, Вера Засулич и народовольцы в воспоминаниях Анри Рошфора // Голос минувшего. 1920-1921. С. 87-88.

⁶ Первая марксистская организация в России – группа «Освобождение труда» 1883-1903. Документы, статьи, материалы, переписка, воспоминания. М., 1984. С. 146-147.

⁷ Archives d'Etat de Genève. Etrangers J. № 4746. Folio 30-32.

⁸ Там же. Folio 34.

⁹ Там же. Folio 41.

¹⁰ Archives d'Etat de Genève. Etrangers J. № 4746. Folio 46.

¹¹ Там же. Folio 54.

¹² Там же, folio 55. Подчёркнуто в оригинале.

¹³ Archives d'Etat de Genève. Etrangers J. № 4746. Folio 58. Подчёркнуто в оригинале.

¹⁴ Там же. Folio 47.

¹⁵ ГА РФ. Ф. 102. 1906 г. Оп. 235. Д. 753. Л. 19.

¹⁶ АДП РНБ. Ф. 1097. Оп. 1. Ед. хр. 650. Л.30-31; Литературное наследие Г.В. Плеханова. М., 1937. Т. 4. С. 271-272; «Посоветовавшись с Георгием Валентиновичем...»: Воспоминания Н.К. Гернет. «Бегство В.И. Засулич в Англию в 1894 г.» / Публ. Т.А. Богдановой // Исторический архив. 2006. № 6. С. 40-49.

¹⁷ Из архива группы «Освобождение труда»: Переписка Г.В. и Р.М. Плехановых, П.Б. Аксельрода, В.И. Засулич и Л.Г. Дейча. Вып. 1. 1883-1897 гг. М., 2009. С 298-299.

¹⁸ Archives d'Etat de Genève. Etrangers J. № 4746. Folio 61-62.

¹⁹ Archives d'Etat de Genève. Etrangers J. № 4746. Folio 64.

²⁰ Там же. Folio 65.

²¹ Там же. Folio 69-75, 77.

²² Там же. Folio 75.

Х. Сакамото

О НЕМЕЦКОМ ИЗДАНИИ КНИГИ Г.В. ПЛЕХАНОВА «Н.Г. Чернышевский»

Г.В. Плеханов начал писать ряд статей о Н.Г. Чернышевском для своего журнала «Социал-демократ» вскоре после его смерти 29 октября 1889 г. Первые три статьи были помещены в номерах журнала в 1890 г., а четвертая – в 1892 г.

В конце 1889 г. Плеханов предложил Карлу Каутскому для публикации в журнале «Neue Zeit» свою работу о Н.Г. Чернышевском, на что Каутский ответил, что с радостью принимает его предложение, прося при этом озаботиться ее хорошим переводом на немецкий язык¹. В письме 12 апреля 1890 г. Каутский вновь возвращается к этой теме: «Был бы очень рад получить возможно скорее статью о Чернышевском. По-русски, как я слышал, она уже вышла»². Первая статья была переведена Ф. Атласом-Атласовым и помещена в номерах «Neue Zeit» в том же году.

Историю издания всех четырех статей единой книгой можно реконструировать по письмам Каутского к Плеханову, одно из которых относится к 29 июля 1891 г.: «Дитцу я написал. Прилагаю его ответ. Он отрицательно относится к тому, чтобы взять на себя распространение русской литературы (т.е. революционной – Сакамото), и утвердительно по отношению к Вашему Чернышевскому. Буду очень рад скоро увидеть работу опубликованной. Если я могу в этом быть Вам чем-либо полезен, готов на это с удовольствием»³. Из сказанного выше следует, что статьи о русском мыслителе вызвали широкий читательский интерес в Германии, и Каутский активно содействовал их продвижению.

Спустя два месяца, 28 сентября, Каутский просит Плеханова несколько расширить рамки статьи: «Что касается книги о Чернышевском, то было бы желательно, чтобы в ней была и *биография Чернышевского*, хотя бы и краткая. Если Ваша работа не включает таковой, то хорошо было бы, если бы предпослали ее в виде введения. Она ведь не должна непременно содержать что-либо новое, но Дитц хочет дать книге более широкое распространение, а широкая публика в Германии знает о Чернышевском весьма мало»⁴.

Небезынтересно хотя бы кратко проследить немецкую историографию творчества Н.Г. Чернышевского. Первые сообщения о нем в немецкой печати относятся к началу и середине 1860-х годов⁵. В 1862 г. либеральный журнал «Magazin für die Literatur des Auslandes» поместил рецензию на статью Чернышевского «О росписи государственных расходов и доходов»; в 1865 г. - отзыв о французской брошюре Герцена «Новая фаза русской литературы», содержавшем также информацию об аресте и осуждении Чернышевского. В немецкой рабочей печати первые сообщения о русском революционном демократе относятся к 1868 г. В издаваемой В. Либкнехтом газете «Demokratisches Wochenblatt» Боркгейм поместил статью «Русские политические изгнанники в Западной Европе», где упомянул о Чернышевском как о противнике Герцена. В послесловии ко второму изданию «Капитала» в 1872 г. К. Маркс впервые пишет о Н.Г. Чернышевском.

В 1883 г. вышел немецкий перевод романа Чернышевского «Что делать?», а в 1885 г. А.Бebel опубликовал рецензию на него в партийном органе «Neue Zeit». В ноябре 1889 г., когда было получено известие о смерти Чернышевского, некрологи появились и в рабочей, и в буржуазной прессе.

Плеханов, приняв совет Каутского, написал введение для немецких читателей. Но оно явилось не столько биографией Чернышевского, сколько разъяснением исторического фона, на котором действовал Чернышевский. Плеханов показывает, как поражение России на Крымской войне привело к реформам Александра II, и как относились к ним сословия в России: духовенство, дворянство, купечество и крестьянство. Особое внимание автора обращено на социальную роль разночинцев, к которым принадлежал сам Чернышевский. Плеханов пишет: «Образованный разночинец, это – вестник новой России, объявляющий старому порядку войну не на живот, а на смерть, и в этой войне берущий на себя опасную роль авангарда»⁶. Но он указывает и на слабую сторону «этих противников русской действительности»: т.е. их социальный утопизм.

Книга «Н.Г. Чернышевский», переведенная на немецкий Б.Н. Кричевским, была издана в 1894 г.

Теперь немного поразмышляем об историческом контексте, в котором книга появилась на свет.

Что дискуссия с народниками отразилась на статьях «Чернышевский», признает сам Плеханов⁷. В июле 1889 г. прекратилось сотрудничество Группы «Освобождение Труда» с молодыми народолюбцами в издании журнала «Социалист». В начале августа Плеханов пишет П.Б. Аксельроду: «Они с нами поступили так маккиавеллистически, что я решительно не хочу сотрудничать у них. По крайней мере нужно их проучить и ничего не давать для второго номера. Пусть они посмотрят, как они могут обойтись без нас»⁸. В то же время в Париже открылся первый кон-

гресс II Интернационала, на котором русскую революционную общественность представляли П.Л. Лавров и Г.В. Плеханов.

На международной арене и Плеханов искал сотрудничества с Карлом Каутским, написавшим ему в письме от 3 июля 1890 г.: «Я очень рад, что приобрел Вас как сотрудника. С 1 октября «Neue Zeit» будет выходить значительно расширенной. Тем более нам надлежит, органу интернационального марксизма, пользоваться сотрудничеством марксистов всех стран»⁹. Углублению взаимодействия с марксистскими партиями и распространению сферы влияния «Neue Zeit» способствовали победа социал-демократической партии на выборах в рейхстаг и отмена исключительного закона против социалистов. Каутский вынашивал идею организации международного социалистического органа, ядром которого должна явиться германская социал-демократия. Итак, для реализации поставленных задач ему необходимо было обеспечить сотрудничество с наиболее авторитетными и талантливыми теоретиками и практиками революционного и общественного движения, одним из ярких представителей которых, несомненно, являлся Георгий Валентинович Плеханов.

Таким образом, немецкое издание книги «Н.Г. Чернышевский» можно рассматривать в качестве успешного совпадения стремлений К.Каутского и Г.В.Плеханова и результата плодотворной кооперации русского и немецкого революционного движений.

¹ Переписка Карла Каутского и Г.В. Плеханова // Группа «Освобождение труда». Из архивов Г.В.Плеханова, В.И.Засулич и Л.Г. Дейча. М.- Л., 1926. Сб. 5. С.200. См. также: Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. М., 1973. Т.2. С. 141; Дювель В. Чернышевский в немецкой рабочей печати (1868-1889) // Литературное наследие Т. 6 -7. М., 1959.

При публикации письма была допущена неточность в расшифровке даты: 25.II.1889. Вероятно, обозначенный арабскими числами «11» (ноябрь) был прочитан как «II», т.е. февраль. По смыслу этого и последующих писем ясно, что речь в них идет именно о статьях, посвященных Н.Г.Чернышевскому.

² Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. Т.2. С. 142.

³ Там же. С.145.

⁴ Там же. С.147.

⁵ Дювель В. Указ. соч. С. 164.

⁶ Плеханов Г.В. Соч. М., 1924. Т. 5. С.14.

⁷ Там же. С.126.

⁸ Из архива Группы «Освобождение труда». Выпуск 1. Переписка 1883-1897 гг. М., 2009. С.138.

⁹ Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. Т.2. С.142 -143.

ИСТОРИКИ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

В.В. Невский и Б.И. Николаевский

Изучение истории российской социал-демократии прошло в своем развитии ряд этапов. Первый из них начался еще в процессе зарождения РСДРП и продолжался вплоть до начала 1920-х гг. Он характеризовался, с одной стороны, ограниченностью источниковой базы, а с другой – концептуальным поиском. Основные идеи, которыми мы пользуемся до сих пор, появились именно в это время. Пионером изучения истории РСДРП был Ю.О. Мартов. В.И. Ленин высоко оценивал его первые исторические работы и использовал их основные выводы в своих сочинениях. Раскол на II съезде положил начало формированию двух историко-партийных концепций. Они нашли свое окончательное оформление в книгах Мартова «История российской социал-демократии» (1918 г.) и Ленина «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (1920 г.). Первая оказала определяющее влияние на формирование методологии исследования истории меньшевизма зарубежными историками второй половины XX в. Вторая – легла в основание концепции истории КПСС в Советском Союзе. Методологические подходы социал-демократов К.М. Тахтарева и В.П. Акимова (Махновца) не получили в дальнейшем широкого признания. Это же относится и к косервативно-охранительной концепции, сформулированной в книге А.И. Спиридовича «История большевизма в России», изданных, соответственно, в 1916 и 1922 гг.

1920-е – начало 1930-х гг. – второй этап генезиса историографии российской социал-демократии. Для него характерно насыщение двух основных историко-партийных концепций фактическим материалом, активными архивными изысканиями и их введением в научный оборот. С полным основанием можно сказать, что главный корпус источников для изучения истории партии оформился именно в это время. Синхронно с этим процессом шло дальнейшее уточнение концепций. Они не только становились все более и более антагонистичными друг другу, но даже географически историки, представлявшие их, оказались изолированными: историю меньшевизма разрабатывали эмигранты, историю большевизма – советские историки. Само деление на большевистскую и меньшевистскую историю, вполне закономерное для осмысления послереволюционного периода, объективно приводило к искажению исторических реалий, когда применялось для исследования дореволюционной эпохи. Концептуальные поиски шли не без борьбы разных подходов внутри названных историографических направлений, но особенно драматичной она оказывалась в системе теорий и методов большевистской концепции, в которых реализовывался тезис М.Н. Покровского о том, что «история – политика, опрокинутая в прошлое». Осуществлялось прямое давление партийных руководителей на историков-профессионалов с целью написания угодной им ис-

тории, зачастую противоречившей известным фактам; по отношению к непокорным применялись репрессии. В конечном счете, это привело к созданию «единственно верного» «Краткого курса истории ВКП (б)», отредактированного самим И.В. Сталиным. Крупнейшим историографом РСДРП за рубежом был Б.И. Николаевский (1887-1966). В Советской России авторитетным специалистом в области истории РКП (б) в 1920-е гг. и непримиримым противником «переписывания» истории в угоду Сталину являлся В.И. Невский (наст. – Ф.И. Кривобоков, 1876-1937). Они представляли две противоборствующие исторические концепции и знали друг друга лишь по публикациям. В то же время они делали одно общее дело, отстаивая право и обязанность историка на строгую документированность исследования, при этом достигнутые ими результаты в изучении истории российской социал-демократии до сих пор не оценены по достоинству.

В судьбах этих двух очень разных людей было немало общего. Оба они родились в российской провинции, рано осиротели и испытали нужду, оба еще в юношеские годы стали профессиональными революционерами, причем до 1906 г. большевиком был и Николаевский. Они не имели базового исторического образования, а историческими штудиями занялись в зрелом возрасте, выполняя партийные поручения. Николаевский получил его летом 1917 г., войдя в состав комиссии ВЦИК по изучению архивов Департамента полиции и осуществляя сбор материалов для Музея революции. К этому же времени относятся его первые историко-документальные публикации по делу провокатора Р. Малиновского. Октябрьский переворот не только не прервал, но и значительно расширил эту его деятельность: он вошел в инициативную группу по созданию Главархива РСФСР, в системе которого работал управляющим Московского историко-революционного архива. Невский позже Николаевского выступит в качестве профессионального историка в качестве одного из руководителей Истпарта, созданного в 1920 г. Причем оба они пройдут профессиональную школу у одних и тех же учителей – петроградских историков П.Е. Щеголева, С.Н. Валка, А.А. Шилова и С.Ф. Платонова. Для того времени это было редкостью, знание источниковедения и археографии не было характерно для людей, берущихся писать историю партии. Оба исследователя внесли значительный вклад в формирование партийных архивов. Особенно велики в этом отношении заслуги Николаевского, в течение жизни собравшего не одну архивную коллекцию, внесшего в частности заметный вклад в формирование фондов ГАРФ и ЦПА в Москве, ИСН в Амстердаме и ИА в Стэнфорде. Их «пиетет» к источнику выражался в активной издательской деятельности. И опять здесь следует подчеркнуть, прежде всего, заслуги Николаевского, открывшего исследователям уникальный корпус эпистолярных источников и показавшего их информационную ценность. Но в целом оба историка имели схожие взгляды на работу с документами. Они стремились привлекать к исследованию самый широкий круг источников вне зависимости от их политической направленности; публиковать документы

возможно более полно и точно; собирать устные свидетельства; тщательно анализировать, сопоставлять и критиковать документы для получения достоверной информации. Они признавали большое значение роли личности в истории. Невский стал инициатором и активным участником создания многотомного библиографического словаря «Деятели революционного движения». Хотя Николаевский и не стремился к созданию широких исторических полотен, работал, как бы сейчас сказали в жанре микроистории, он сознательно способствовал упрочению мартовской концепции истории партии, а с 1930-х гг. начал отходить от нее вправо. Невский же, напротив, пытаясь наполнить фактическим содержанием ленинскую историческую схему, изложенную в «Детской болезни «левизны»», создал оригинальную историко-партийную концепцию, в более или менее законченном виде изложенную в монографиях «Очерки по истории РКП (б)» (2-е изд. - 1925) и «История РКП (б). Краткий очерк» (2-е изд. - 1926). Вступая в противоречие с ленинскими положениями, Невский настойчиво проводил мысль о значении стихийного рабочего движения в качестве важного фактора партийного развития; в предложенной им периодизации пытался синхронизировать этапы развития РСДРП и большевизма, называл одним из вождей РСДРП Мартова и лишь мельком упоминал Сталина, а окончательное оформление меньшевистской и большевистской партий относил к 1912 г. и, не будучи троцкистом, положил начало написанию научной биографии Л.Д. Троцкого. Естественно, что и Николаевский, и Невский разошлись с официальной советской историографией и пострадали за это. Николаевский вынужден был эмигрировать в 1922 г., а в начале 1932 г. был лишен советского гражданства и возможности публиковаться на Родине. Невский был изгнан в 1925 г. из Истпарта, одни его работы оказались под запретом, другие - уничтожены. В 1935 г. он попал в политизолятор и в 1937 г. расстрелян, так до конца и не признав «ошибочности» выдвинутых им положений.

По-разному и, в то же время, в чем-то схоже сложились судьбы двух русских историков-самородков, необычайно одаренных от природы, бунтарей, людей увлекающихся, трудолюбивых, искренне любящих Родину. Их творчество дает нам пример профессиональной честности и принципиальности, постоянного поиска, исследовательского и публикаторского мастерства, создает солидную базу для продолжения изучения истории РСДРП. Их жизненный путь показывает нам образец верности идеалам, избранным ценностям и незаурядного личного мужества в борьбе за их достижение.

«ОТДАТЬ В ПУБЛИЧНУЮ БИБЛИОТЕКУ КАК ТРОФЕИ РОССИЙСКОГО ОРУЖИЯ»:

Николай I и отечественное востоковедение

Россия издавна была населена представителями восточных народов, граничила с ними, часто воевала, вступала в дипломатические и торговые отношения. Между тем изучение восточных языков до начала XIX в. носило почти исключительно практический и спонтанный характер. Лишь в период правления Александра I на государственном уровне возникло осознание необходимости всестороннего исследования Востока и были заложены прочные основы отечественного востоковедения. Не будет преувеличением сказать, что во многом это произошло под влиянием и при помощи достижений европейской ориенталистики: из Европы приглашались профессора и поступали первые крупные коллекции восточных рукописей¹.

Во время царствования Николая I наметившиеся тенденции сохранились и нашли свое продолжение в приглашении зарубежных специалистов, в открытии новых учебных заведений в Москве и на периферии, в создании научных обществ. Происходило это, однако, не по инициативе государя и без его активного участия. Лишь в расширении источниковедческой базы отечественного востоковедения Николай Павлович сыграл значительную роль. Он поддержал инициативу проф. О.И. Сенковского, высказанную им в 1827 г., по отысканию и приобретению рукописей во время ведения военных действий против Ирана. Воля государя была выражена начальником Главного штаба бароном И.И. Дибичем в письме главнокомандующему Отдельным Кавказским корпусом графу И.Ф. Паскевичу. Ему вменялось “внушить персидским уполномоченным, что вместо обычных подарков, делаемых шахом, государю императору приятно было бы получить манускрипты”². Для отыскания необходимых сочинений “его величество полагают возможным употребить... Грибоедова”. Список, состоящий из “около пятисот наиболее важных исторических и географических сочинений арабской и персидской литературы..., которые персидский шах должен был бы разыскать в библиотеках своей страны и передать России”, был составлен Сенковским совместно с акад. Х. Д. Френом. Этот проект не был полностью осуществлен, однако в результате ревностного усердия военачальников и офицеров фонды Императорской Публичной библиотеки обогатились несколькими чрезвычайно ценными собраниями.

В январе 1828 г. русские войска под предводительством генерал-лейтенанта П.П. Сухтелена заняли иранский город Ардебиль, в котором находится усыпальница шейха Сафи, родоначальника династии Сафавидов. В большом комплексе зданий имелась библиотека, насчитывавшая около тысячи рукописных книг, часть которых была подарена шахом Аббасом I в начале XVII в. Из них Сухтелен вместе со служителями мечети выбрали 166 книг, в большинстве своем светского содержания, а именно литературные произведения, иллюстрированные миниатюрами и

украшенные орнаментами. Это замечательное собрание, за которое Сухтелен заплатил 850 червонцев, поступило в Публичную библиотеку в декабре 1828 г.

А в январе 1829 г. в Тегеране был убит российский посланник А.С. Грибоедов и большинство членов дипломатической миссии. Шах Ирана Фатх-Али опасался новой войны, а Николай I, со своей стороны, также хотел ее избежать, поскольку Россия находилась в состоянии войны с Османской Империей. Был найден дипломатический выход: к царю с извинениями от шаха отправился его внук Хосров-мирза, который среди прочих даров привез 18 рукописей из библиотеки Фатх-Али. Николай Павлович распорядился передать их в Публичную библиотеку.

В результате Русско-Турецкой войны 1829-1830 гг. Библиотека обогатилась еще тремя собраниями мусульманских рукописей: Ахалцихским, Эрзерумским и Адрианопольским.

В мае 1829 г. русскими войсками был взят город Ахалцих (ныне на территории Грузии), а в июле в Публичную библиотеку поступили 146 рукописных и четыре печатные книги из медресе при мечети Ахмедие, находившейся в этом городе. Существенная разница между Ардебильским и Ахалцихским собраниями отмечена в предисловии к краткой описи последнего: *“Приобретенная в Ахалцихе библиотека хотя не может равняться рукописною роскошью с Ардебильскою, но в отношении к пользе заслуживает преимущество”*³. Составитель предисловия полагал, что книги будут употреблены *“для учреждения Азиатского учебного заведения”*⁴, однако Николай I распорядился иначе. На докладной записке генерал-адъютанта кн. Чернышева с вопросом о месте хранения полученной от Паскевича Ахалцихской библиотеки, 27 июня 1829 г. Николай Павлович наложил следующую резолюцию: *“Отдать в Публичную Библиотеку как трофеи Российского оружия. Велеть Г. Дибичу и Г. Паскевичу везде искать все любопытное и, забирая, отправлять в Россию”*⁵.

По распоряжению Паскевича в Дагестане и в турецком городе Эрзеруме были приобретены 34 рукописи и две печатные книги, поступившие в Библиотеку в декабре 1829 г. вместе с восемью рукописями, взятыми в г. Баязете (расположен северо-востоке Турции) и одной рукописью, оставшейся от Ахалцихского собрания.

Военные действия России против Турции велись и в Европе. В октябре 1829 г. русские войска под командованием Дибича вошли в Эдирне (Адрианополь), летнюю резиденцию султанов. А в мае 1830 г. в Публичную библиотеку поступили 16 рукописных Коранов (66 томов) из арсенала Старого дворца.

Итак, только за 1828-1830 гг. в ИПБ поступили 389 мусульманских рукописей⁶, и поступили они во многом благодаря Николаю Павловичу. Именно он, оценив идею Сенковского, дал указание Паскевичу и Дибичу приобретать рукописи, именно он отдавал распоряжения о передаче их в Публичную библиотеку.

И каким же диссонансом этому триумфу начала царствования звучат два финальных аккорда. В 1854 г. из Военного министерства в Публичную библиотеку

были переданы два небольших архива, Ахалцихский⁷ и Чолохский⁸, отбитые у турков на Кавказском фронте Крымской войны, войны, проигранной Николаем и унесшей его жизнь. Во втором архиве находятся турецкие лубочные картинки – раскрашенные от руки литографии с изображениями морских и сухопутных сражений, происходивших на Дунайском фронте в 1853–1854 гг. Разумеется, турки на них побеждают. Трофеи не всегда напоминают о победах.

¹ В 1804 г. в Казанском университете было открыто отделение восточных языков, которое возглавил немецкий ученый Х. Д. Френ. В 1805 г. в Императорской Публичной библиотеке было создано Депо манускриптов, созданное на базе собрания русского дипломата П.П. Дубровского, привезшего из Франции помимо богатейшей коллекции европейских кодексов и документов 165 восточных рукописей. В 1811 г. вернувшийся из Вены и Парижа С.С. Уваров (попечитель петербургского учебного округа, позднее – министр народного просвещения) выступил с проектом образования Восточной академии, который никогда не был реализован, но заложенные в нем идеи получили дальнейшее развитие. В том же году кафедру восточной словесности Московского университета возглавил прошедший обучение в Европе А.В. Болдырев. В Педагогическом институте, реорганизованном в 1819 г. в Петербургский университет, были открыты кафедры арабского и персидского языков. В 1818 г. создан Азиатский Музей при Академии наук, для которого приобретена обширная коллекция восточных рукописей французского дипломата Ж.-Л. Руссо и директором которого был назначен акад. Х. Д. Френ. В 1823 г. при Азиатском департаменте МИД основано Учебное отделение восточных языков, первым приобретением которого явилось собрание бывшего российского посланника в Стамбуле, затем в Неаполе и Риме А.Я. Итальянского.

² Здесь и далее приводятся цитаты из статьи Ю.Е. Борщевского “История приобретения Ардебильского собрания рукописей России” // Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения (до 1917 года). М., 1984. С. 204–217.

³ ОР РНБ. Дорн 911. Л. 2–2 об.

⁴ Там же. Л. 1.

⁵ Габаев Г.С. Материалы к работам по истории русской армии 16–20 вв. Копии резолюций Николая II на предоставленных ему разными лицами докладах, рапортах, прошениях // ОР РНБ. Ф. 1001. Габаев. № 153. Л. 3.

⁶ Они находятся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки и описаны в издании: *Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibliothèque Impériale Publique de St.Petersbourg* / [Ed. par B.A.Dorn]. SPb., 1852. Отсутствует в настоящее время одна рукопись: в 1859 г. Коран, хранившийся по шифром «Дорн 9», был подарен Шамилю при посещении им Библиотеки.

⁷ Ахалцихский архив представляет собой походную канцелярию Али-паши, командовавшего турецким корпусом на Кавказском фронте Крымской войны 1853–1856 гг., и содержит 8 единиц хранения.

⁸ Чолохский архив содержит рукописные и печатные книги, карты, планы и литографированные картинки общим числом 25 единиц хранения.

ФРАНЦУЗСКОЕ «ПРИСУТСТВИЕ» В БИБЛИОТЕКЕ ЕКАТЕРИНЫ II

XVIII век – эпоха разума и просвещения, время развития науки, философии, культуры. Особую роль в этом играли французские просветители, ставшие «владельцами дум» всей Европы. К Вольтеру, в замок Ферне, где он жил последние 20 лет, стремились приехать все образованные люди европейских государств. Отсюда по всем странам разошлись философские и литературные манифесты Вольтера. Он владел умами всей просвещенной Европы. Его сочинения издавались огромными тиражами и расходились по всем европейским странам и России.

Благодаря другому философу, писателю и драматургу Дидро в мире появилось одно из крупнейших справочных изданий XVIII в., «Энциклопедия или Толковый словарь наук, искусств и ремёсел». На протяжении 25 лет он был её главным идеологом и редактором и автором многих статей. Франция этой эпохи являлась центром притяжения для образованных и талантливых людей, законодательницей вкуса, страной богатейших, хорошо подобранных художественных коллекций, широко развитым типографским и книготорговым делом.

Россия в это время перенимала опыт европейского искусства разных стран и эпох, стремительно шла к приобщению к ценностям Просвещения. В стране всё больше появлялось произведений искусства и издательской продукции из Франции. Увеличилось число русских людей, совершавших поездки во Францию и овладевших французским языком. В свою очередь среди приезжих в Россию выросло число французов. Путешественники, дипломаты, литераторы и художники в поездках знакомились, завязывали дружеские и деловые отношения. Такие контакты способствовали обмену информацией о книжном и художественном рынке, о новинках литературы, о продажах редких книг и коллекций, а также расширению поставок книг из одной страны в другую.

Екатерина II, вступив на престол, провозгласила себя покровительницей философов, литераторов, деятелей искусства Франции и их сочинений. Её интерес к идеям французских просветителей и, прежде всего к произведениям Вольтера, увеличил в России спрос на его сочинения. Вслед за Вольтером стали распространяться сочинения Руссо, Дидро, Гельвеция, Монтескье, Рейналя, Мабли и др. Возникший и быстро растущий интерес к чтению и собирательству в России французских книг был вполне закономерен. Тон в этом процессе задавала сама Екатерина II, формируя свою «комнатную» библиотеку. Среди книг, регулярно поступающих в её библиотеку, доля французских изданий была одной из самых значительных. Они приобретались в европейских странах, прежде всего, в самой Франции, а также в Голландии и Германии, их можно было купить в книжных лавках Петербурга и Москвы. С французских книжными новинками знакомили русских читателей книготорговые каталоги, регулярно выходившие в Петербурге.

Из парижских книгоиздателей и книготорговцев, занимавшихся продажей русских изданий в Париже и поставкой французских книг в российские книжные лавки, особенно энергичным был А.К. Бриассон. В России постоянным поставщиком книжной продукции в императорскую библиотеку был И.Я. Вейтбрехт, в свою

очередь, покупавший французские книги у Бриассона. В 1771-1773 гг. И.Я. Вейтрехт встречался с ним в Париже, и тогда же он приобрел для продажи большое количество французских книг. Одной из успешных в России книготорговых организаций была также иностранная книжная лавка при петербургской Академии наук. Через неё литература поступала не только в библиотеку Екатерины II, но и её приближённых, в том числе А.Д. Ланского, собрание которого впоследствии было приобретено императрицей.

Спрос на французскую литературу в России превышал предложения российских книгопродавцев. Поэтому русская знать активно пользовалась услугами посредников в Париже, которые подбирали книги в соответствии с запросами заказчиков, следили за новинками, искали редкие издания, а затем партиями отправляли в Россию. Для Екатерины II такими агентами были русские посланники в Париже, а также её корреспонденты, французские просветители, Ф.М. Гримм, Д'Аламбер.

Распространение французского языка в России дало возможность многим русским, владеющим им, познакомиться с лучшими произведениями английской, испанской, итальянской, немецкой и других европейских литератур в переводах на французский язык. Французскую литературу в России знали и на русском языке. С 1769 г. она переводилась «Обществом, старающимся о переводе иностранных книг», что значительно расширило круг читателей французской литературы в нашей стране. Российские типографии печатали переводы французских авторов – исторические сочинения и научные труды, детскую и художественную литературу, книги по искусству, сочинения Вольтера, Дидро, Бомарше, Руссо, Бюффона.

Свою историю имело появление в России русского издания сочинения Ж.Ф. Мармонтеля «Велизарий». Это – интересный пример русско-французских связей, литературных и человеческих, связанных с именем императрицы, её приближённых и французского писателя. Экземпляр упомянутой выше книги Екатерина II получила от автора в феврале 1767 г. О прочтении книги и об удовольствии, которое она получила, императрица написала ему в письме уже в марте того же года. Там же она сообщила ему, что хотела бы видеть «Велизария», изданного на всех языках.

Перевод этого произведения на русский язык императрица затеяла **во время путешествия** по Волге на галере «Тверь» в 1767 г. Каждый из одиннадцати спутников императрицы получил свою часть текста. Сама Екатерина II перевела девятую главу «Об обязанностях царей». О сделанной работе она рассказала в письме к Вольтеру. Переведённый на русский язык «Велизарий» был издан в Москве в 1768 г. Экземпляр книги с письмом императрицы был послан Ж.Ф. Мармонтелю.

Поступление в Россию иностранной литературы из европейских стран, особенно из Франции практически прекратилось в связи с революционными событиями, когда был введён запрет на ввоз иностранных книг. Однако спрос на такие книги удовлетворялся за счёт увеличения количества изданий в России их русских переводов.

Благожелательное отношение к французским идеям Просвещения Екатерины II выразилось и в приглашении в 1784 г. к своим старшим внукам Александру и Константину учителем поклонника идей энциклопедистов швейцарца Ф.С. Лагарпа. Библиотеки великих князей с большим количеством французской литературы комплектовались императрицей не без участия приехавшего воспитателя. Покидая

в 1795 г. Россию, Ф.С. Лагарп оставил ученикам своё книжное собрание, в котором преобладали сочинения античных авторов, но наряду с ними значительное место занимали и французские книги. Небольшое количество томов из его коллекции, хранящихся в эрмитажной библиотеке, свидетельствуют о том, что часть книг Ф.С. Лагарпа была передана в екатерининское книгохранилище.

Французская литература поступала в императорскую библиотеку в виде подношений авторами, художниками, переводчиками, издателями. Одним из таких подносных экземпляров является рукопись сочинения Габриэля Сенака де Мельяна (1736–1803). Французский подданный, эмигрировавший из своей страны в 1790 г., он жил в Лондоне, Риме, Венеции, а в 1791 г. приехал в Петербург. Екатерина II была знакома с его историческими и литературными сочинениями и предполагала, что он мог бы стать одним из историков Российской империи. Первое время между ними шла переписка, где обсуждался его приезд в Россию. По прибытии в Петербург он был принят императрицей. Её статс-секретарь А.В. Храповицкий отметил в своих «Записках», что продолжавшаяся более часа аудиенция произошла 6 июня в Эрмитаже. Сенак де Мельян желал получить должность её личного библиотекаря и звания советника-историографа. Но Екатерина II предложила ему сначала проявить себя в качестве историка и написать работу по русской истории. Её осторожность в отношении этого человека была не напрасна. Уже в 1792 г. она пишет Н.П. Румянцеву, о Сенаке де Мельяне, как о пустом и никчемном человеке с непомерными амбициями. По поводу его способностей как историка она высказала своё мнение, что он не сможет написать историю России, а если напишет, то плохо, так как не знает ни языка, ни страны. Она распорядилась выплатить ему аванс, и Сенек де Мельян уехал из России, но идею написать труд по русской истории не оставил.

В 1794 г. Екатерина II получила от него подношение: «Введение во всеобщую историю России», рукопись на 150 листах. Манускрипт представляет собой копию на французском языке, выполненную писарским почерком с авторского оригинала, сохранившую в конце автограф писателя. Екатерина II внимательно ознакомилась с этим произведением и была очень разочарована этой работой. Читая её, она на отдельных листах записала свои критические замечания. Впоследствии сочинение Сенака де Мельяна было переплетено, вместе с 16 листами, содержащими записи императрицы, каждый из них был помещен перед листом, к содержанию которого относились её заметки.

Самыми знаменательными источниками пополнения французского раздела библиотеки Екатерины II были приобретённые ею книжные коллекции. Библиотеки Ф. Галиани, Ф.-М.А. Вольтера, Д. Дидро, а также М.М. Щербатова, А.Ф. Бюшинга, Петра III, А.Д. Ланского приумножали императорское книгохранилище не только количественно. Их величайшая ценность заключалась в том, что они комплектовались своими владельцами долгие годы, тематически тщательно, в них были собраны редкие издания и рукописи. О наличии в них значительного количества французских изданий свидетельствует известный учёный и путешественник И.Г. Георги, видевший книжные сокровища Екатерины II и описавший их в своей книге. Он отмечал, что большая часть библиотек Дидро, Вольтера, Щербатова

«...состоит из Французских книг». Приобретение каждой коллекции имело свою интересную историю.

Не исключением стала покупка библиотеки Дидро. Знакомство и переписка императрицы с философом началось в 1762 г. всего через 9 дней после прихода к власти, не без участия в этом русского посла в Париже князя Д.А. Голицыны и княгини Е.Р. Дашковой. Спустя три года, в 1765 г., его книжное собрание было куплено Екатериной II при посредничестве Ф.-М. Гримма и И.И. Бецкого, сам он был назначен библиотекарем императрицы, а библиотека осталась в его пользовании. Издателю «Энциклопедии», находившемуся в затруднительном материальном положении, было выплачено 15 тысяч ливров, дано право пожизненного пользования книгами и назначена ежегодная выплата в размере 1000 франков. Для совершения сделки, в которой участвовало иностранное государство, требовалось согласие короля. Только после смерти Дидро (31 июля 1784 г.) его книжная коллекция была привезена в Петербург и поступила в библиотеку Екатерины II. 26 ящиков, в которых находились книги Дидро, были перевезены из Парижа в Руан. Там ящики были погружены на корабль «Нептун», который в октябре 1785 г. прибыл в Кронштадт. Приобретение Екатериной II книжного собрания Дидро произвело огромное впечатление в Европе и, особенно во Франции, это событие долго и подробно обсуждалось в периодической печати. Императрице посвящались поэтические послания, прославлявшие её щедрость, мудрость и деликатность.

В конце 1780-х – начале 1790-х гг., спустя несколько лет после прибытия библиотеки Дидро в Петербург, с ней ознакомился И.Г. Георги. В это время он работал над книгой «Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопримечательностей в окрестностях оного», один из разделов которой был посвящён императорскому Эрмитажу и книжному собранию Екатерины II. Автор получил разрешение посетить императорскую библиотеку, где он внимательно осмотрел её фонд, все поступившие к этому времени коллекции.

Его «Описание» чрезвычайно важно для истории императорского книжного собрания, т.к. многие сведения являются единственным источником информации. И.Г. Георги, видел книги Дидро в императорской резиденции и оставил описание этого собрания. Он сообщил, что его библиотека была размещена в отдельном помещении, рядом с библиотекой Вольтера. Она насчитывала 2904 книги, многие из них были в переплётах, изготовленных французскими мастерами, часть книг сохранились в своих первоначальных «родных» переплётах. И.Г. Георги обратил внимание на наличие в книжном собрании философа «старых и прекрасных изданий» классических авторов в переводах с греческого и латинского. Кроме античной литературы он отметил большое количество книг по философии. Значительная часть книг была на французском языке.

Ещё одним, не менее знаменитым собранием, приобретённым во Франции, была библиотека Вольтера. Узнав о смерти философа, Екатерина II послала в Париж своему корреспонденту барону М. Гримму письмо с указанием приобрести его библиотеку: «Если возможно, купите его библиотеку и всё, что осталось из его бумаг, в том числе мои письма. Я охотно и щедро заплачу его наследникам, которые, вероятно, не знают этому цены...». Намерения императрицы стали известны во Франции. Французский посланник в Петербурге маркиз де-Жюинье заявил

официальный протест – библиотека знаменитого француза является достоянием Франции и не должна покидать страну. Племянница философа и наследница госпожа М.-Л. Дени назначила за неё огромную сумму. В борьбу вступили М. Гримм и И.И. Шувалов, находившийся во Франции, выполнявший различные поручения Екатерины II, в том числе и приобретение коллекций произведений искусства. Он был хорошо знаком с Вольтером, бывал в Ферне, вёл с ним переписку и посылал ему материалы для работы над историей Петра Великого. Их совместные усилия достигли цели: госпожа М.-Л. Дени согласилась отдать всё собрание своего дяди, за это она получила чек на 30.000 рублей, кроме того, Екатерина II послала ей ларец со своим портретом, бриллианты и меха, а также памятное почётное письмо со своей подписью. Госпожа М.-Л. Дени написала и передала М. Гримму расписку, с подтверждением получения денег.

Книги и рукописи Вольтера были упакованы в 12 ящиков и перевезены в замок Делис, недалеко от Женевы, принадлежавший другу Вольтера Ф. Троншену. В апреле 1779 г., с открытием навигации на Балтийском море началось путешествие библиотеки Вольтера в Петербург. Сначала ящики были перевезены во Франкфурт-на-Майне, далее в Любек, где их погрузили на специально посланный корабль. В начале августа 1779 г. драгоценный груз прибыл в северную столицу Российской империи. Его сопровождал секретарь и библиотекарь Вольтера Ваньер. Доставив книги до места назначения и распаковав их, в 1780 г. он передал ключи от шкафов собрания библиотекарю Екатерины II А.И. Лужкову.

Спустя 10 лет библиотеку Вольтера посетил И.Г. Георги. Он увидел зал, по периметру которого расположились шкафы с книгами. В центре помещения находились низкие шкафы, поставленные спинками друг к другу. На их горизонтальной поверхности, покрытой прямоугольной доской, разместились бронзовый бюст Вольтера и модель его замка Ферней. Познакомившись с библиотекой философа, автор «Описания» заметил, что в ней значительная часть - историческая литература, далее следуют философские, филологические и литературоведческие книги, в меньшей степени представлено в этом собрании богословие. Большая часть изданий – на французском языке, следующую по величине группу составили книги на английском и итальянском языках. И.Г. Георги сообщил и общее количество книг библиотеки: 6.760, отметив при этом, что большинство из них – в хороших французских переплётах.

В русских книжных собраниях, вошедших в библиотеку Екатерины II, также находилось много французских книг. Примером тому может служить коллекция историка, историографа, публициста и политика князя М.М. Щербатова, которая после его смерти была приобретена для императрицы. Иностранная часть её насчитывала 7341 издание, среди которых, по крайней мере, 75процентов книг было на французском языке. И.Г. Георги, ознакомившись с поступившей библиотекой, отметил: «Императорское книгохранилище получило важное приращение... Отделение иностранных книг по большей части состоит из Французских и немногих на других языках».

Из других библиотек, поступивших в собрание императрицы, но не упомянутых И.Г. Георги, следует назвать о коллекции фаворита Екатерины II А.Д. Ланского. Он, серьёзно занявшись своим образованием, увлёкся искусством и стал биб-

лиофилом. Эта библиотека, приобретённая императрицей после его смерти в 1784 г., состояла преимущественно из французских книг по истории, искусству, архитектуре, находились в ней издания с описаниями путешествий, уроков верховой езды, различных ремёсел, была и художественная литература.

Наличие французской книги в других собраниях, вошедших в книгохранилище Екатерины II, подтверждается при выявлении в фонде эрмитажной библиотеки экземпляров изданий из коллекций Ф. Галиани, Петра III и А.Ф. Бюшинга. При значительном количестве книг на итальянском и латинском языках у первого, а немецких книг - у двух последних

упомянутых здесь владельцев, доля литературы на французском языке, изданной во Франции или в других европейских государствах, увидевшей свет в России, переведённой и напечатанной на русском языке, бесспорно, была очень значительна.

В библиотеке Петра III, перевезённой из Ораниенбаума в Зимний дворец в 1792 г., французская литература занимала не последнее место. Основу книжного собрания составляли книги его отца, Карла Фридриха герцога Голштинского. В Петербург книги из «голштинской» библиотеки будущего наследника российского престола прибыли из Киля в 1746 г. В дальнейшем библиотека наследника находилась в его резиденции в Ораниенбауме и приумножилась книгами, поступившими в 1743-1761 гг., во время его проживания в России. Она комплектовалась в соответствии с существующими в ней разделами, поступала литература по военному делу, фортификации, истории, искусству, архитектуре европейских стран, а также беллетристика, античные и современные авторы. Большинство книг было на немецком и французском языках. Следует отметить наличие в собрании Петра III произведений французских драматургов Расина, Корнеля, Мольера, Вольтера. И.Г. Георги оставил краткое описание библиотеки Петра III: «Книгохранилище увеселительного замка в Ораниенбауме переведено сюда в 1792 г. и занимает несколько комнат возле библиотеки князя Щербатова. Оно содержит на разных языках и различного содержания 4513 частей».

О приобретении библиотеки Ф. Галиани Екатериной II в 1776 г. известно из её переписки с М. Гриммом и из счетов покупки его библиотеки. Кроме того, об этом книжном собрании упоминает в своей книге И.Г. Георги: «К сему собранию книг присовокуплена также библиотека Маркиза Галиани, прославившегося переводом Витрувия на Италианский язык. Она состоит по большей части из книг, касающихся до художеств и архитектуры, и содержит около 1000 частей». И.Г. Георги не упоминает о наличии в этом собрании французских книг. Однако, его владелец, литератор и переводчик, аббат, один из самых замечательных и остроумных политиков и экономистов XVIII в., не мог не иметь такой литературы. Тем более, что Ф. Галиани в 1759 г. был назначен секретарем неаполитанского посольства в Париже, исполнял обязанности посланника, был знаком с энциклопедистами и многими выдающимися общественными деятелями.

Даже у немецкого учёного и педагога, географа и историка, пастора А.Ф. Бюшинга, библиотека которого состояла преимущественно из немецких книг, имелось некоторое количество и французских изданий. Прожив в Петербурге 5 лет, с 1760 по 1765 гг. и совмещая две должности, пастора при петербургской

церкви св. Петра и директора школы «Петершуле» при церкви, он собрал хорошую библиотеку, которую впоследствии приобрела Екатерина II.

Императорская библиотека приобретала сформировавшиеся книжные коллекции, каждую из которых можно с полным правом назвать энциклопедическими: в них присутствовала литература по всем отраслям человеческих знаний. Благодаря этому у Екатерины II, за сравнительно короткое время сложилось бесценное книгохранилище значительное по объёму, уникальное по количеству европейских изданий, многообразию их тематики и языков, хронологическому диапазону. Особую ценность представляли собранные в библиотеке рукописи, инкунабулы, первопечатные книги, альбомы с рисунками и гравюрами, а также описания европейских музейных коллекций, каталоги аукционов.

Поступившая в библиотеку Екатерины II всеми перечисленными выше путями французская литература составила в её книгохранилище огромный фонд ценнейших изданий. Её собрание соответствовало принципам энциклопедизма и универсальности. В нём находились книги по вопросам теологии, философии, экономики, права, естественной истории. Широко были представлены издания по истории и географии, произведения античных авторов и современная художественная литература, издания по искусству и археологии, гравированные издания *in folio*, описания путешествий и экспедиций.

К концу царствования Екатерины II, к 1796 г., её библиотека насчитывала около 40.000 книг. Книжное собрание было не только предметом гордости Екатерины II, но и «рабочим инструментом», она постоянно использовала книги, трудясь над своими историческими, литературными и драматическими сочинениями. Она часто упоминала о библиотеке в переписке со своими корреспондентами, следила за приобретением, как отдельных изданий, так и целых коллекций.

В последующие десятилетия в императорском книгохранилище неоднократно происходили перемены. Приобретались новые книги и коллекции, происходило перераспределение отдельных частей библиотеки в стенах Зимнего дворца и императорского Эрмитажа. Совершались передачи в другие библиотеки. Собрание Дидро уже в начале XIX в. растворилось среди книг императорской коллекции. После 82 лет пребывания в стенах Зимнего дворца в 1861 г. было передано в Императорскую Публичную библиотеку собрание Вольтера. Похожие судьбы и у других коллекций, входивших ранее в библиотеку Екатерины II. Книги вместе с другими экземплярами из эрмитажных и императорских собраний, уходили в другие книгохранилища.

А оставшиеся в библиотеке Эрмитажа экземпляры из екатерининской библиотеки напоминают о тесной связи двух культур, о большом интересе и у российской императрицы, и в русском обществе к французским книгам, их авторам и владельцам.

ИЗ ИСТОРИИ КНИЖНОЙ КУЛЬТУРЫ ДАГЕСТАНА XIX в.: библиотека Шамиля

Арабская книжная культура Дагестана имеет более чем тысячелетнюю историю, представляет собой неотъемлемую часть культурного наследия дагестанских народов. Истоки ее восходят к X-XI в., дальнейшее развитие и широкое распространение арабоязычная традиция получает здесь в XVI-XVIII вв. и особого расцвета достигает в XIX в. Становление и развитие рукописной традиции в Дагестане происходило под непосредственным влиянием арабомусульманской культуры, характерными чертами которой были исключительная любовь к книге, культ знаний и образования. В результате многовековых контактов со странами Ближнего и Среднего Востока в Дагестане получило широкое распространение богатейшее рукописное наследие (научное, религиозно-богословское, литературное), созданное учеными Арабского халифата, объединившего множество государств и народностей.

Процесс распространения арабской письменной культуры и развития собственной литературной традиции на арабском языке в Дагестане сопровождался формированием многочисленных книжных собраний. Библиотеки эти принадлежали известным дагестанским ученым, знатокам арабского языка и арабской литературной традиции, основателям и руководителям медресе, рядовым грамотным читателям. Среди наиболее значительных книжных собраний - библиотеки Ибрагима Урадинского (XVIII в.), Абубакра Аймакинского (ум. 1791), Дибиркади Хунзахского (ум. 1817), Саида Араканского (ум. 1834), Абдурахмана Согратлинского (ум. 1882), Мухаммедтахира ал-Карахи (ум. 1880), Гасана Алкадарского (ум. 1910), Абусуфьян Акаев (ум. 1935), Али Каяев (1878-1943) и др. Число книг в них достигало от нескольких сотен до тысячи. Судьба большинства библиотек была трагичной: многие из них не дошли до нас, однако обнаруженные списки отдельных коллекций или сохранившиеся краткие описания их свидетельствуют о широком тематическом и хронологическом диапазоне имевшейся в них литературы и дают ценную информацию о «круге чтения» и «круге учения» образованных людей своего времени.

Обладателем богатейшей книжной коллекции был и имам Шамиль (1797-1871). Шамиль широко известен в мире как выдающийся государственный деятель, руководитель народно-освободительного движения 20-50 гг. XIX в. на Северном Кавказе. Исторические обстоятельства и события того давнего времени сохранили нам гораздо меньше сведений о другой стороне его деятельности - учебной, научной и педагогической, точнее, о годах его учёбы и «учёных занятиях», а также о богатой библиотеке, обладателем которой он являлся. Известно, что Шамиль был широко образованным, грамотным человеком, искателем знаний, ценителем и собирателем арабской рукописной книги. Как писал академик И.Ю.Крачковский, со ссылкой на отзыв о нём знаменитого русского востоковеда, первого декана Восточного факультета Петербургского университета М.А.Казембека (1802-1870), «имам Шамиль считался выдающимся «арабистом» своего времени на Кавказе». Ещё недавно нам почти ничего не было известно и о

знаменитой библиотеке Шамиля, которой он очень дорожил и с которой не расставался, даже будучи в плену. Эта библиотека, одно из крупнейших книжных собраний Дагестана XIX в., долгое время считалась пропавшей, и судить о ней мы могли лишь на основе кратких сведений, сообщаемых в литературе и источниках. В биографическом очерке «Шамиль на Кавказе и в России», составленном М.Н.Чичаговой, например, упоминается, что после предпринятой князем А.Барятинским в августе 1859 г. экспедиции в глубь Дагестана, Шамиль был вынужден покинуть свои укрепления и отступить к Гунибу, «взяв с собой на шести лошадях золото и серебро..., на одной лошади драгоценности, на семнадцати лошадях книги»¹. Единственное сообщение, которое имелось в нашем распоряжении, позволявшее судить о характере библиотеки имама, её тематическом составе и разнообразии – это краткий перечень книг, который приводит в своем «Дневнике» пристав при Шамиле А. Руновский. Благодаря этому списку мы смогли изучить ту часть коллекции Шамиля, которая была утеряна им в Дагестане в связи с военными событиями 1859 г. Перечень содержит 48 наименований арабских рукописных книг, приводимых либо под сокращенными (обиходными) названиями, либо только по имени автора. Переданный в русской транслитерации, нередко с искажениями, он мог быть понятен лишь узкому кругу специалистов². Среди книг, принадлежавших Шамилю, – сочинения по арабской филологии, мусульманскому праву, «кораническим наукам», хадисам, догматике, суфизму, философии, логике, ритуалу, а также труды по истории и жанру биографий, художественной литературе, медицине, оккультным наукам и др. Почти все они – широко распространенные в странах мусульманского Востока сочинения известных арабских авторов.

Библиотека Шамиля и без этих утерянных книг была значительной. Рукописи, бывшие при пленном Шамиле в Калуге, доставлены из Дагестана «...вместе с семейством Шамиля. Для них одних назначена была тройка». «Утром 5 января, – пишет А. Руновский в «Записках о Шамиле», – на дворе занимаемого Шамилем дома явилась почтовая тройка с багажом, состоявшим из нескольких огромных тюков, обшитых персидскими коврами. Это была библиотека Шамиля, о потере которой он получил ложное сведение, погрузившее его почти в такую же печаль, какую наводила на него неизвестность об участи его семейства. Зато и радость его был велика»³. Впоследствии были утеряны сведения и об этой части коллекции Шамиля.

Несколько экземпляров книг из библиотеки Шамиля, были обнаружены в ряде частных собраний Дагестана и некоторых государственных хранилищах (Фонд восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Иерусалимская университетская и национальная библиотека, коллекция М.-С. Саидова и др.). Однако наши представления об этой уникальной книжной коллекции так и оставались бы неполными, если бы не важная информация, которую я неожиданно получила от известного немецкого ученого Клеменса Сидорко, сообщившего, что в Библиотеке Принстонского университета (США) хранится более 70 арабских рукописей, некогда принадлежавших Шамилю. Он же проинформировал о кратком описании этих книг в Каталоге арабских рукописей Принстонского университета, составленном Рудольфом Махом⁴. Изданный в 1977 г. Каталог Р.Маха представил научному миру ценную информацию о рукописях из библиотеки Шамиля, сохранившихся до наших дней и находящихся в Фонде редкой книги и специальных коллекций (The Department of Rare Books and Special Collections) Библиотеки Принстонского университета.

Дагестанские рукописные материалы в коллекции Принстонского университета насчитывают около 130 сочинений. В Каталоге Р.Маха все они отмечены словом «Шамиль» («Shamyl»). Эти книги были приобретены у египетского ученого и известного коллекционера А. Ягуды (1877-1951), который по окончании учебы в Европе много путешествовал с 1920 по 1940 гг. по Востоку и собирал старые рукописи. В его собственности оказались и книги из коллекции Шамиля, которые он, вероятно, купил у его потомков, живших в Стамбуле. Среди них имеются рукописи, переписанные самим Шамилем, его сыновьями Газимухаммадом и Мухаммад-Камилём, а также книги, принадлежавшие Даниял-Султану Елисуйскому, родственнику и наibu Шамиля. Книги из личной библиотеки Шамиля (более 22 рукописей) имеют владельческую надпись («Из книг Шамиля»), вакфную запись Шамиля о передаче книг по наследству его детям («Завещал имам Шамиль эту книгу своим детям по мужской линии, чтобы они могли извлекать из неё пользу, из рода в род...») и его личную печать. Записи датированы 1270 г. х. или 1853-54 г.

Даже беглое знакомство с составом коллекции дает представление о круге интересов Шамиля - яркой личности, учёного, крупного политического деятеля. Здесь представлены практически все отрасли средневекового мусульманского знания: арабская филология (грамматика, метрика, риторика), мусульманское право, «кораническая литература», хадисы, догматика, суфизм, этика, ритуал, философия, логика, полемика, искусство диспута, политика, художественная литература и поэзия, история, биографии, жития, оккультные науки и др. Хронологические рамки сочинений охватывают XIV-XIX вв. Шамиль самостоятельно, целенаправленно собирал свою собственную библиотеку. Он лично переписывал многие рукописи во время учебы в различных медресе Дагестана (в Тарки, Эндирее, Чиркее и др.), впоследствии поручал переписку необходимых сочинений другим лицам, в т.ч. своим сыновьям, получал рукописи в дар или в качестве вакфа, приобретал книги за деньги, единичные экземпляры попадали к нему во время военных действий. Известны случаи, когда Шамиль возвращал оказавшиеся у него рукописи их прежнему владельцу, делая при этом соответствующую запись своей рукой. Все эти любопытные эпизоды повседневности, исторические события и факты, семейные хроники, записи о переписке или чтении книг, об учителях и медресе, в которых осуществлялась переписка, другие факты и события, имевшие место в прошлом, насыщенная духовная жизнь дагестанского общества того времени отражены на страницах рукописных книг в виде многочисленных записей, приписок на полях, в колофонах и т.п., которые, по традиции, фиксировались в рукописях, служивших их владельцу своеобразными дневниками, а для нас составили «живые» страницы истории.

Наиболее полно в коллекции представлены арабская филологическая литература (35 ед.), мусульманское право (27 ед.), суфизм и этико-догматические труды (15 ед.).

Разделы арабской грамматики и риторики включают известные и очень популярные труды в этих областях знания. Это сочинения знаменитого египетского филолога Ибн Хишама (ум. 1360). Шамиль был обладателем двух списков «Мугни аллабиб», переписанных в Дагестане: один - известным дагестанским учёным конца XVIII в. Хасаном ал-Кудали, другой - «Абубакром ал-Гумуки для имама Шамиля» в 1855 г. Второй труд Ибн Хишама - «И'раб 'ан кава'id ал-и'раб»

также переписан в Дагестане в 1749 г. «Султан Мухаммадом б. Мусой ал-Акуши в медресе Давуда-хаджи ал-Усиши». Обстоятельный комментарий на третий знаменитый труд Ибн Хишама «Катр ан-нада ва балл ас-сада», составленный правоведом из Мекки ал-Факихи (ум. 1564), представляет особенный интерес тем, что полностью (108 страниц) переписан молодым Шамилем (в колофоне рукописи сказано: «Завершилась [переписка этой книги] в месяце сафар 1239/октябре 1823 г. в пятничной мечети Чиркея рукой смиренного Шамиля»).

Имеется в коллекции и сочинение «ал-Муфассал» - классический учебник арабского языка знаменитого среднеазиатского филолога, одного из основоположников арабской грамматической школы аз-Замахшари (ум. 1144). Коллекция включает также наиболее популярные комментарии на известные труды египетского ученого Ибн ал-Хаджиба (ум. 1249). Один из них был написан выдающимся персидским поэтом и ученым Абдаррахманом Джами (ум. 1492). Раздел риторики включает два супракомментария на известное сочинение «Мифтах ал-'улум» («Ключ наук») среднеазиатского филолога ас-Саккаки (ум. 1229).

Сочинения по мусульманскому праву принадлежат знаменитым арабским авторам, труды которых получили широкое распространение в странах Ближнего Востока. Средней Азии и на Кавказе. Это прежде всего - «Минхадж ат-талибин» выдающегося шафиитского правоведа из Сирии ан-Навави (ум. в 1277) и комментарии на это сочинение знаменитых египетских ученых ал-Махалли (ум. в 1459), Ибн Хаджара ал-Хайтами (ум. в 1565), ал-Ансари (ум. в 1520), Ибн Мулаккина (ум. в 1401), ад-Дамири (ум. в 1405), ал-'Ибади (ум. в 1586) и др. Шамиль был также обладателем двух других известных юридических трудов ан-Навави: «ал-Фатава» и «Равдат ат-талибин». Последнее сочинение является самым древним списком коллекции, оно переписано в 1331 г. В целом, не менее 12 сочинений связано с именами ан-Навави и его комментаторов, что составляет разветвленное генеалогическое древо и свидетельствует о глубоком интересе Шамиля к этим авторам и основным сочинениям шафиитской правовой школы.

Представлен в коллекции и другой знаменитый египетский ученый, ас-Суйути (ум. 1505), автор около 600 исследований по различным областям знания. Его известный труд «Джазил ал-мавахиб фи ихтилаф ал-мазахиб», посвященный различиям между религиозно-правовыми школами, был переписан Шамилем в июле 1828 г. Еще ряд ценных трудов в библиотеке имама Шамиля принадлежит ханафитскому и маликитскому толкам.

Этико-догматические трактаты и труды по суфизму связаны с именами знаменитых суфиев и богословов-мистиков средневекового мусульманского мира: одного из крупнейших правоведов ханафитского толка ас-Самарканди (ум. 983), турецкого филолога и богослова-мистика ал-Биркали (ум. 1573), египетского правоведа и теолога ал-Фадали (ум. 1821) (в двух копиях, одна из которых переписана Шамилем), знаменитого факиха и суфия ас-Сухраварди (ум. 1234), знаменитого египетского филолога и мистика аш-Ша'рани (ум. 1565). Руновский упоминает в реестре также несколько трудов выдающегося исламского теолога и суфия ал-Газали (ум. 1111).

К сочинениям по логике относятся два супракомментария на трактат «Китаб ал-Исагуджи» философа и астронома ал-Абхари (ум. 1265), представляющий собой арабскую версию «Эйсагоге» греческого автора Порфирия. Руновский приводит в реестре сочинение «Фусул» («Отрасли») выдающегося персидского учёного-энциклопедиста ат-Туси (ум. 1274), автора сочинений по философии, логике, ма-

тематике. астрономии, физике, медицине, теологии, этике. Имам Шамиль был знаком и с трудами выдающихся медиков арабского мира. Один из них принадлежит перу Абу Бакра Мухаммада ар-Рази (ум. 925), известного в Европе под именем Разес - величайшего из средневековых врачей, автора медицинской энциклопедии «ал-Хави» («Всеобъемлющий»), написанной на основе десятков античных, византийских, иранских, индийских, сирийских трактатов. Другой - арабскому врачу и философу XIII в. Ибн ан-Нафису: «Мувджаз ал-Канун фи-т-тибб» - краткое изложение «Канона врачебной науки» выдающегося ученого и мыслителя своего времени Абу Али Ибн Сины (980-1037).

В библиотеке имелись и сочинения дагестанских авторов XVI-XIX вв.: более 20 трудов или комментариев к ним, посвященных мусульманскому праву, грамматике арабского языка, суфизму, этике и догматике.

В целом, коллекция представляла собой традиционное книжное собрание арабских рукописей того времени, но с особым вниманием к некоторым дисциплинам (мусульманское право, грамматика арабского языка, этика, догматика, суфизм). Имам Шамиль, стремившийся к созданию единого централизованного государства (имамат), придавал большое значение вопросам установления норм шариата в своем государстве, в повседневной практике опирался на религиозно-богословскую, юридическую, этико-догматическую литературу, а также исторические труды; подбор сочинений внутри каждой из традиционных областей знания был целенаправленным и ориентированным как на личные, так и государственные нужды. Богатый и тематически разнообразный состав библиотеки Шамиля отражает основной круг интересов этого выдающегося государственного деятеля и позволяет воссоздать яркую картину духовной и общественно-политической жизни Дагестана в XIX в.⁵

¹ Шамиль на Кавказе и в России. Биографический очерк. Сост. М.Н.Чичагова. СПб, 1889. С.89.

² Дневник полковника Руновского, составленный при Шамиле во время пребывания его в Калуге с 1859 по 1862 год // АКАК. Т.ХII. Тифлис, 1904. С.1416. Общей характеристике, представленной в списке Руновского литературы, было посвящено наше сообщение на научной конференции: Н.А.Тагирова. Библиотека Шамиля // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50-х годах XIX в. Материалы всесоюзной научной конференции 20-22 июня 1989 г. Махачкала, 1994. С.147-149.

³ Руновский А. Записки о Шамиле. Махачкала, 1989. С. 76.

⁴ Catalogue of Arabic Manuscripts (Yahuda Section) in the Garret Collection of Princeton University Library, by Rudolf Mach. Index by Robert D. Mc Chesney. Princeton, 1977.

⁵ Данное сообщение основано на материалах, опубликованных автором доклада в процессе изучения коллекции: Tahirova N. Imam Shamil's Manuscripts in the Collections of Princeton University (from the History of Daghestan's Book Culture in the 19-th Century) // Central Asian Survey, 21 (3). London, 2002. P.325-332; в соавторстве: Kemper M., Shikhsaidov A. and Tagirova N. The Library of Imam Shamil. Princeton University Library Chronical. Vol. LXIV. Number I. Autumn 2002. P.121-140.

ИЗ ИСТОРИИ БЛИЖНЕВОСТОЧНО-ДАГЕСТАНСКИХ КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ: зерехгеранская школа переписчиков (XV-XVIII вв.)

Исламизация Дагестана, распространение арабоязычной литературы включили Дагестан в арабо-мусульманский культурный мир, более того привели в регионе к X-XV вв. к кардинальным изменениям в сфере политики, экономики, межэтнических связей, идеологии. Поражают воображения грандиозные успехи в сфере науки и образования: появились первые мактабы и медресе, возникли культурные и образовательные центры, первые рукописные книжные коллекции; в Дагестане сформировалась локальная, оригинальная, собственно дагестанская литературная традиция.

В XV-XVIII вв. в Дагестане существовало несколько очагов книжного знания, несколько десятков центров, в которых было организовано сохранение и размножение рукописных книг. Одним из таких мест стал Зерехгеран.

Исторический Зерехгеран – это современное селение Кубачи вместе с рядом близлежащих селений (Амузги, Ашты, Шари (Шири), Сулевкент). В них селениях живет одна народность, говорящая на отдельном языке – кубачинском (зерехгеранском). Когда переписчики рукописей называют себя зерехгеранцами, то, как правило, имеется в виду селение Кубачи, но иногда слово «зерехгеранец» может быть отнесено и к жителю селения Ашты или Амузги. Зерехгеранская школа переписчиков просуществовала около 300 лет (XV-XVIII вв.) и представляла собой яркую страницу в истории письменной культуры народов Дагестана.

Самая ранняя дошедшая до нас рукопись зерехгеранской школы – это комментарий на чрезвычайно популярное сочинение по мусульманскому (шафиитскому) праву «ал- Мухаррар» имама Абу-л-Касима Абдалкарима ал-Казвини (ум. ок. 632/1226 г.), написанный «господином факихов и ученых, мечом веры и ислама» Мухаммадом аш-Шатиби» (ум. в 807/1405 г.). переписчик – Абу Бакр (Абубакар) сын Мухадаи ал-Джабали аз-Зерехгерани в 842/1438 г.¹ У переписчика две «фамилии», две нисбы – аз-Зерехгерани и ал-Джабали (Горский, т.е. Дагестанский).

В поле зрения зерехгеранской школы было и знаменитое лексикографическое сочинение, толковый словарь арабского языка Абу Насра Исмала ал-Джаухари (умер в начале XI в.) «Тадж ал-луга ва Сихах ал-арабийя» («Корона языка и Достоверная книга по арабскому языку»), или кратко - «ас-Сихах»². В Дагестане в Институте истории, археологии и этнографии имеются древнейший экземпляр, (III и IV тома), выполненный в 510/1117 г. «Али ибн Абдалхалилом ибн Али ибн Мухаммадом в городе мира Багдаде» со списка, сверенного с оригиналом³ и три неполных отдельных экземпляра, датированных XII в. - все они переписаны за пределами Дагестана. Но в XV в. появляются работы дагестанских переписчиков. Наиболее ранняя, из которых выполнена зерехгеранцем, относится к XV в. Рукопись обнаружена в пятничной мечети сел. Уркарах Дахадаевского района РД. Более поздние экземпляры, в основном, также связаны с Зерехгераном (сел. Гапши-ма, 911/1505 г., переписчик - Мухаммад, сын Аббаса аз-Зерехгерани; Рукописный

фонд ИИАЭ, переписчик - Али, сын Мухаммада аз-Зерехгерани, 906/1500-01 г. и др.

Следует указать на особую значимость одного из списков «ас-Сихах» в копии зерехгеранских мастеров - по нему можно проследить хронологию работы, этапы копирования словаря на отдельные его буквы (от буквы «*каф*» до конца). Список из сел. Ашты выполнялся с 12 декабря 1664 по 22 мая 1667 г., т.е. работа катиба Али, сына Касима аз-Зерехгерани продолжалась два года и пять с лишним месяцев.

Помимо «ас-Сихах» в арсенале зерехгеранских мастеров книжного ремесла были и другие филологические и лексикографические сочинения. Появились сборные тексты, когда в одном переплете «под одной крышей» уместилось несколько сочинений, принадлежащих различным авторам. Так, например, к 905/1500 г. относится рукопись-сборник различных тематических словарей арабского языка и поэтических текстов: «Китаб ал-куттаб» («Книга секретарей») Али б. Мухаммад ал-Йаздави, переписанный в сел. Ашты Мухаммадом сыном Абдаррахмана аз-Зерехгерани и другие трактаты. Созданный в селении Ашты, этот сборник впоследствии попал в селение Хунзах, столицу Аварии, где во второй половине XVIII в. творил дагестанский ученый Дибиркади ал-Авари (1762-1817), знаменитый автор арабско-персидско-тюркского словаря. Ученый оставил на одной из страниц сборника следующую запись, датированную 1214/1799 г.: «Начал изучение этой благородной книги бедняга ат-Талти в четверг в середине месяца джамада-л-ула 1214 г.», т.е. в октябре 1799 г.

В рамадане 905/апреле 1500 г. была завершена переписка и другой сборной рукописи⁴, в составе которой было два сочинения: собрание хадисов «Китаб ал-арбаун» и ценнейший трактат «Вафк ал-мурад» Ахмада сына Ибрахима сына Мухаммада ал-Хусейни аш-Шафии ал-Йамани, долгое время жившего в Кумухе и умершего там в 854/1450 г. Последнее - трактат по этике (сулук, его переписчик - «Али, сын Мухаммада из селения Зерехгеранского (аз-Зерехгерани)». Книга копировалась сравнительно быстро: первое сочинение было завершено перепиской в апреле 1500 г., второе - примерно через два месяца.

Одним из первых и плодотворных представителей зерехгеранской школы переписчиков был Харун сын Ахмада аш-Ширини. Это был профессиональный переписчик, со своим особым почерком, ясным, красивым, со своим набором дисциплин, которые он хотел тиражировать - Коран, этика, суфизм.

В 1979 г. археографическая экспедиция Института ИЯЛ обнаружила и приобрела, среди прочих древних рукописей, уникальный трактат по этике «Зухрат ар-рийад» («Цветок сада») Сулаймана б. Дауда ас-Саксини, переписанный джумада II 886/ июле или августе 1481 г. упомянутым выше Харуном аш-Ширини. Произведение зафиксировано⁵, но точных данных нет. Имя автора связано с Нижним Поволжьем, он носит нисбу ас-Саксини, т.е. «Саксинский» или «из Саксина», крупного и известного в XI-XIV вв. города в низовьях Волги. Нисба же «аш-Ширини» представляет особый интерес, т.к. связана с одним из древних селений Дагестана - селением Шири, близ Кубачи. Начало рукописи: «Сказал шейх, преславный имам, уstad Сулайман б. Дауд... Сказал шейх, преславный уstad «... украшение увещателей (музакирин), корона ислама, советчик людям, образец (для) имамов Сулайман, б. Дауд ас-Саксини...»⁶. Это самое раннее известие о Харуне, сыне Ахмада из Шири. Еще предстоит обстоятельное изучение этого уникального сочинения.

Второе же известие относится к 890-895/1485-1490 г., когда была переписана Харуном сыном Ахмада аш-Ширины рукопись по лексикографии «Мухтасар ас-Сихах ли-л-Джаухари» - «Сокращенный (вариант)» ал-Джаухари. В сущности, это извлечение из толкового словаря «Тадж ал-луга ва Сихах ал-арабийя»⁷.

В художественном творчестве Ахмада аш-Ширины особое место занимала переписка Коранов:

1. Коран, обнаруженный археографической экспедицией 1982 г., переписанный в 899/1493-94 г. в селении Шари Харуном аш-Ширины.

2. В этом же 899/1493 г. Харун аш-Ширины создает копию Корана в селении Амуз (ныне Амузги, что в 2 км к югу от Кубачи).

3. Харун аш-Ширины продолжал переписывать Кораны и в последующем. Полный его список был завершен им 18 раби ал-ахир 921/1 июня 1515 г.⁸

Харун аш-Ширины, а также другие представители зерехгеранской школы и других дагестанских очагов письменной культуры широко практиковали размножение сочинений Абу Хамида Мухаммада ал-Газали (1059-1111) – выдающегося мыслителя мусульманского средневековья, одного из авторитетнейших теологов ислама и крупнейших философов и факихов-шафиитов.

Наиболее ранняя «дагестанская копия» «Ихйа улум ад-дин» выполнена представителем зерехгеранской школы: «Зикр ал-мавт (одну из) книг «Ихйа улум ад-дин» в благословенном Аллаха месяце раджаб восемьсот семьдесят второго года ... переписал Йусуф ал-Кубаши (т.е. «кубачинец»)). Месяц раджаб 872 г.х. соответствует февралю 1468 г. Кстати, это первое в дагестанской историографии упоминание топонима Кубачи, вернее Кубаши (вместо Зерехгеран)⁹.

Работа по тиражированию и распространению сочинений ал-Газали продолжалась и в последующие годы¹⁰. В 1988 г. археографическая экспедиция обнаружила в хуторе Туракари при сел. Урари Левашинского района в коллекции Алибекова Хусина (ум. в 1980 г.) рукопись сочинения ал-Газали «Ихйа улум ад-дин» («Оживление наук о вере»), вернее один из «четвертей» (руб) раздела «ал-Адат» («Обычаи») и «руб» «ал-Ибадат» («Поклоняющиеся»). Рукопись большого формата (38,5х27; 27 строк, 293 л.), в старом истрепанном переплете с тиснением. Красивый, убористый плотный насх, свойственный только текстам зерехгеранской школы. Колофон: «Завершил переписку (этой книги) ранним утром, в пятницу, двадцатого числа благословенного Аллаха месяца зу-л-хиджжа девятисотого года – рукой слабейшего из рабов божьих, ничтожнейшего из них, просящего милости Аллаха Харуна сына Ахмада аш-Ширины - милость Аллаха над ним». 20 зу-л-хиджжа 900 г. хиджры соответствует 11 сентября 1495 г.

Харун сын Ахмада «из селения Ширины» снял копию остальных частей 12 декабря 1497 г. Как мы видим, первая книга (два руб'а) завершена в сентябре 1495 г., а вторая (остальные два руб'а) - в декабре 1497 г. На переписку второй книги ушло полных два года. Возможно, примерно столько же ушло на первую книгу.

Первая дошедшая до нас книга, переписанная аш-Ширины, относится к 1481 г., последняя – 1515. Стало быть, деятельность одного из самых плодотворных катибов Дагестана Харуна из Шири продолжалась самое меньше 35 лет. В лице Харуна аш-Ширины мы видим профессионального переписчика, мастера «книжного ремесла» высокой квалификации.

В XVI – первой половине XVIII в. работа, начатая зерехгеранской школой продолжалась, значительно расширилась тематика переписываемых текстов. Переписка шла как в медресе, так и на дому, удовлетворяя возросший спрос на учебную и научную литературу.

Если работа выполнялась в медресе, то это отмечалось, особенно если переписчик был из другого селения:

1. Сочинение по арабскому языку копирует в 1145/1732-33 г. Цан (Цан) б. Иса «в селении Зерехгерани в медресе мавлана плодотворного ученого аз-Зерехгерани».

2. Запись в конце рукописи: «Завершена переписка... второго тома «Шарха» на Абдаллаха Мухаммада ал-Ансари - Джамал ад-дина ал-Махалли рукой бедняги Мухаммада сына Мухаммада сына Мухаммада сына Усмана ал-Кишши (из сел. Кишша) в 1190/1776 г. по хиджре у нашего устада, сведущего в науках ученого Хусейна ал-Кудали (из селения Кудали) в бытности его муфтием Зерехгерана».

3. В 2005 г. археографическая экспедиция обнаружила в Табасаранском районе Республики Дагестан, в селении Кулиф книгу «Анвар ат-танзил» («Светочи ниспослания») ал-Багави (ум. в 1117 или 1722 г.), выдающегося авторитета в комментировании Корана. Она была переписана в 1059/1659 г. Али, сыном Касима аз-Зерехгерани «в медресе Абдалкадира, сына Салмана Тлохского в (из) селении Карата».

Среди переписанных представителями зерехгеранской школы XVII в – первой половине сочинений грамматических учебных трактатов особое местозанимает сочинение великого поэта и ученого Абдарахмана Джами (ум. в 1492 г.) под названием «ал-Фаваид ад-Дийаийа» («Дийаадина полезности», или «Наставления Дийааддину»). Как написано в колофоне, в Зерехгеране «завершилась переписка этой книги, называемой «ал-Джами» ... в медресе имама, искусного, известного ученого, паломника двух благородных храмов Мухаммада-эфенди, сына Махача-кади аз-Зерехгерани, который родом из Нахки... Дата – тысяча сто сорок четвертый по хиджре (пророка) избранного», т.е. в 1731-32 г.¹¹

Судьба популярного на Ближнем Востоке учебного трактата в дагестанских медресе прослеживается по автографам читателей, зафиксировавших прохождение («чтение») учебника под руководством устада. Уникальность данного экземпляра в том, что в течение 120 лет он служил учебным пособием по арабскому языку в медресе Табасарана и передавался от ученика ученику, от читателя читателю: «Я начал чтение этой книги в месяце джумада ал-ухра 1118 г.» (т.е. в ноябре или октябре 1767 г.). Данная запись является первой, последняя же датируется 1895 г.

* * *

Продукция зерехгеранской школы переписчиков создавалась не только для личного пользования или на заказ, но выходила уже на рынок, настолько велик был спрос. Рынок работал в самом Зерехгеране (конкретнее - в сел. Кубачи).

Зерехгеран XII-XV вв. представлял собой один из крупнейших центров высококоразвитого художественного ремесла, торговли, образования, духовной культуры. Рукописная книга занимала в этой системе важнейшее место, перешагнула за указанные хронологические рамки, продолжала свой путь в XVI – середине XVIII в.¹²

В целом, мы имеем дело с выдающимся явлением дагестанской книжной культуры – формированием зерехгеранской школой процесса размножения и распространения рукописного наследия, продолжавшегося три столетия¹³.

¹¹ Шихсаидов А.Р., Тагирова Н.А., Гаджиева Д.Х. Арабская рукописная книга в Дагестане. М., 2001. С. 161.

¹² Кашф аз-зунун ан-асами-л-кутуб ва-л-фунун ... Катиб Джалаби (на араб. яз.). Т. II. Бейрут, 1982. С. 1081-1804.

- ³ Каталог арабских рукописей Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Вып. I. Под редакцией М.-С. Саидова. М., 1977. С. 45-47.
- ⁴ Рукописный фонд Института ИАЭ. Ф. 14. Оп. 1. № 2395.
- ⁵ Кашф аз-зунун. II, 962; Brockelmann C. Geschichte der Arabischen Litteratur. SB. II. Leiden. S. 1010. № 137; Арабские рукописи Института востоковедения АН СССР. Краткий каталог. Под редакцией А.Б. Халидова. Часть. I. М., 1986. С. 299. № 6700: «Зухрат ар-Рийад». Сочинение Дауда ас-Саксини (жил не позднее начала XVII в.). Ныне эту дату можно уточнить (XIII или XIV в.).
- ⁶ Рукописный фонд Института ИАЭ. Ф. 14. Оп. 1. № 2355. Л. 3 а.
- ⁷ Каталог арабских рукописей Института рукописей им. К.С. Кекелидзе. (Коллекция L – выпуск II). Составители: Р.В. Гварамия, Н.Г. Канчавели, Л.И. Мамулия, Л.В. Самкурашвили. Тбилиси, 2003. С. 340 (№ 625).
- ⁸ Археографическая экспедиция Института ИАЭ обнаружила в 1980 г. в селении Мехельта рукопись Корана в копии «Али, сына Касима аз-Зерехгерани – поперсидски, а по аджаму (наместником языка) – ал-Уссди» (это местное название сел. Ашты), выполненным в 1061/1650 г.
- ⁹ Приобретена археографической экспедицией Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН в 1979 г.
- ¹⁰ О широком распространении сочинений великого суфия ал-Газали в Дагестане см.: Шихсаидов А.Р., Халидов А.Б. Рукописи сочинений ал-Газали в Дагестане // Шихсаидов А.Р. Очерки истории, источниковедения, археографии средневекового Дагестана. Махачкала, 2008. С. 215-248.
- ¹¹ Шихсаидов А.Р. Археографическая работа в Дагестане // Изучение истории и культуры Дагестана: археографический аспект. Махачкала, 1988. С. 17.
- ¹² Представляется возможным проследить предысторию зерехгеранской школы: еще в 624/1227 г. зафиксировано «медресе Хаджжи Махмуда, кади селения Ашты (РФ Института ИАЭ. Ф. 14. Оп. 1. № 2093).
- ¹³ Основные положения статьи доложены на Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения проф. Р.М. Магомедова (Махачкала, 14-15 апреля 2010 г.) // Актуальные проблемы истории Кавказа. Махачкала, 2010. С. 266-267.

В.Н.Коробейников

ПРЕДКИ И РОДСТВЕННИКИ ГЕОРГИЯ ВАЛЕНТИНОВИЧА ПЛЕХАНОВА

Воспоминания и архивные документы о жизни и семье Г.В.Плеханова, позволившие составить его родословную, собирались, изучались и публиковались, начиная с 1918 года. Многое было сделано для изучения биографии Г.В.Плеханова его соратником и старым другом Л.Г.Дейчем¹. Генеалогические материалы о семье Плехановых были опубликованы А.А.Френчером², ряд воспоминаний напечатал в начале 1920-х годов Н.А.Семашко.³ Печатались также архивные документы, извлеченные из бывших царских архивов и имевшие отношение к биографии Г.В.Плеханова⁴. В 1970-е годы появились биографические работы о Г.В.Плеханове и его родственниках, основанные на документах

Дома Плеханова: статьи и книги А. Бережанского, Б.А. Чагина, М.Иовчука и И.Н.Курбатовой⁵. Особый интерес к генеалогии Плехановых проявился в последние десятилетия, что дало возможность составить теперь их родословную. Сейчас опубликованы данные о составе рода до третьего поколения, считая от Петра Семеновича до детей Валентина Петровича, а также известны дети Георгия Валентиновича Плеханова и его потомки во Франции. Но цельной родословной росписи рода, с учетом всех имеющихся сведений и архивных документов, до сих пор нет.

Здесь, на основе опубликованных ранее исследований, воспоминаний и архивных документов, касающихся генеалогии Плехановых, прослежено развитие рода. В работе использованы документы, в том числе ранее не использовавшиеся в исследованиях биографии Г.В. Плеханова, из архивов: Архива Дома Плеханова (РНБ АДП); Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ); Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА); Российского государственного исторического архива (РГИА); Государственного архива Липецкой области (ГАЛО); Государственного архива Тамбовской области (ГАТО).

Введенные в научный оборот документы позволяют выявить ранее неизвестные персоны из четвертого и пятого поколений рода Плехановых. Выявлены сведения о сыновьях Сергея Григорьевича Плеханова – потомков в пятом поколении.

Род Плехановых, из которого произошел Георгий Валентинович, *известен с Семена Плеханова*, документов о котором пока не найдено. Он был отцом *Петра Плеханова*, который в 1813 году был внесен в дворянскую родословную книгу Тамбовской губернии как потомственный дворянин. Петр Семенович стал основателем дворянского рода Плехановых *в первом поколении*⁶.

П.С. Плеханов права потомственного дворянства выслужил длительной военной службой, начав ее в 1790 г. сержантом пехотного полка. Затем Петр Семенович последовала служба в драгунских полках, в отставку вышел «по прошению за болезнью» 20 декабря 1808 году в чине майора и поселился помещиком в Липецком уезде Тамбовской губернии.

Документальным основанием для внесения в родословную дворянскую книгу Тамбовской губернии П.С. Плеханова был Указ из Военной коллегии, об его отставке с военной службы, датированный 26 октября 1809 г. Указ был составлен, видимо, на основании последнего послужного списка П.С. Плеханова. В Указе о сословном происхождении Петра Семеновича сообщается, что он «из дворян», но отсутствует указание о том, какой губернии дворянином он являлся.

По поводу владения какой-либо собственностью указано лишь, что «за матерью его, Киевской губернии, в Лубенском уезде крестьян мужеска пола 30 душ»⁷. Отсутствие названия губернии в записи о сословном происхождении в послужном списке офицера означало, что данный офицер или его отец не владеют именьями в губерниях Российской империи, обладают лишь дворянским достоинством. Такая запись в послужных списках того времени была характерна для большей части российского офицерства, служивших ради жалования.

Дворяне же, имевшие поместья и служившие в армии, записывались в формулярных (послужных) списках с указанием губерний, в которых эти имения находились⁸. Необходимо сказать о дате рождения Петра Семеновича. По документам, найденным в ГАТО («Дворянское дело майора П.С.Плеханова»), А.С. Бережанский определил дату рождения П.С.Плеханова как 1777 год⁹. После выявления в ГАЛО новых документов о семье Плехановых, годом рождения Петра Семеновича был установлен 1779-й.¹⁰ Последние данные основывались на записи в метрической книге Николаевской церкви села Семеновка за 1812 год, в приход которой входила и деревня Гудаловка с имением Плехановых. Там указано, что умершему 11 декабря «майору Петру Семенову сыну Плеханову - 33 года».

По дворянскому делу, найденному в ГАТО, о возрасте Петра Семеновича можно судить по двум документам. В одном из них, Указе из Военной коллегии, датированном октябрем 1809 г., указан возраст 33 года. В другом документе – справке, составленной им самостоятельно в 1811 г. и содержащей данные о себе и его семье, им указан иной возраст – 35 лет¹¹. Согласно этим двум документам годом рождения П.С.Плеханова можно считать – 1776-й, а по записи о смерти в метрической книге села Семеновка год рождения рассчитывается – 1779. Предпочтительней считать более верным возраст, указанный самим Петром Семеновичем в сохранившемся архивном документе, т.е. 1776 г.

Перед выходом в отставку, 29 мая 1808 г., Петр Семенович женился¹² на *Елене Васильевне Племянниковой* (1794 – 22.09.1835) – дочери, умершего к тому времени майора *Василия Михайловича Племянникова*, и затем поселился в имении жены – деревне Малая Семеновка (Гудаловка).

Петр Семенович в 1810 году поступил на гражданскую службу – заседателем от дворян в Липецкий уездный суд¹³.

Второе поколение

У Плехановых родились дети: Александра (1809 г. – 14 февраля 1839 г.)¹⁴. Валентин (30 марта 1810 г.-7 мая 1873 г.)¹⁵, Михаил (1811г. – умер между 1854 и 1857 гг.)¹⁶.

О Валентине Петровиче и его семье многое известно из публикаций 1920-х годов. Сейчас эти знания дополнены и исправлены по вновь найденным архивным документам. *Валентин Петрович* крещен был 19 апреля 1810 года в селе Студенках, близ Липецка. В 1813 году, вместе со своей сестрой Александрой, был вписан в родословную дворянскую книгу Тамбовской губернии.

15 ноября 1827 года Валентин Петрович Плеханов поступил на военную службу юнкером в драгунский герцога Александра Вюртембергского полк. Прослужив в нем до 1834 года, вышел в отставку в чине штабс-капитана¹⁷ и вернулся в Гудаловку.

Тогда же Валентин Петрович женился на Вере Ивановне Позняковой, помещице сельца Афанасьевка (Верино) Козловского уезда Тамбовской губернии. У него с *Верой Ивановной Позняковой* (1815 – 16.08.1854)¹⁸ было 13 детей, из которых шестеро умерли в младенчестве и в раннем детстве. Вера Ивановна умерла после родов своего последнего ребенка – сына Григория.

2 ноября 1855 года Валентин Петрович женился на *Марии Федоровне Бельинской*¹⁹ (19.06.1832 – 04.12.1881), родившей ему 7 детей, двое из которых умерли в раннем детстве²⁰.

Валентин Петрович со своей второй семьей в конце 1860-х годов переселился из Гудаловки в город Липецк, где в 63 года умер «от горловой чахотки»²¹.

О всех детях Валентина Петровича, времени их рождения и смерти части из них, стало известно после выявления документов о семье Плехановых в ГАТО и ГАЛО.

Третье поколение

ДЕТИ ОТ ПЕРВОГО БРАКА ВАЛЕНТИНА ПЕТРОВИЧА

Любовь (1835 – 1912)²². Место ее рождения неизвестно. В метрической книге села Семеновка за 1835 год записи о рождении Любви Валентиновны нет.

Александр (15.10.1836 – 12.03.1839), *Николай* (1838 – 19.03.1839), *Николай* (02.12.1839 -?) родились и умерли в Гудаловке.

Александр (19.03.1842 – 09.08.1882) крещен в соборе города Новохоперска Воронежской губернии, где Валентин Петрович в это время служил помощником Окружного начальника. Умер Александр Валентинович в городе Пултуске Ломжинской губернии, находясь на военной службе.

Петр (02.07.1844 – 1855), *София* (28.08.1845 – 1880) родились в Гудаловке.

Митрофан (19.10.1848 – 1876) родился в городе Липецке, где и был крещен в тот же день в соборной церкви. В эти годы, с 1846 по 1849, Валентин Петрович служил заседателем в Липецком уездном суде. Умер Митрофан Валентинович в Киеве, во время прохождения военной службы при штабе округа.

Мария (11.03.1850 – 1920) родилась в Гудаловке и на следующий день крещена в церкви села Семеновка.

Николай (01.02.1852 – 1928)²³ родился в Гудаловке и на другой день крещен в церкви села Семеновка. Многие годы находился на военной службе. Умер Николай Валентинович бездетным в Болшеве, под Москвой.

Константин (21.03.1853 – 21.04.1853) и *Елена* (21.03.1853 – 11.05.1853) - близнецы. Родились и умерли в Гудаловке.

Григорий (16.08.1854 – декабрь 1912)²⁴ родился в Гудаловке и крещен через два дня в церкви села Семеновка. Григорий Валентинович также, как и его родные братья, до 1886 г. был на военной службе, затем, с 1889 г., зачислен на службу в уездную полицию в Тамбовской губернии. Последним местом службы с декабря 1903 года был город Спасск, где он исполнял должность Уездного исправника. В мае 1906 года Григорий Валентинович подал прошение об отставке по болезни²⁵. Умер он в Рязани, где после отставки жил со своей многочисленной семьей.

ДЕТИ ОТ ВТОРОГО БРАКА ВАЛЕНТИНА ПЕТРОВИЧА

Георгий (29.11.1856 – 30.05.1918) родился в Гудаловке, был крещен 30 ноября 1856 года в церкви села Семеновка «священником Александром Ивановым Орловым. Восприемниками ему при крещении были: помещик села Ивановки Липецкого уезда корнет Рафаил Гаврилов Карякин и деревни Малая Семеновка помещика, штабс-капитана Валентина Петрова Плеханова дочь, девица Любовь Валентиновна».

Евгений (1858 – 01.07.1859) родился и умер в Гудаловке.

Федор (15.05.1861 – 19.08.1880) родился в Гудаловке и крещен в церкви села Семеновка. Умер Федор Валентинович «от чахотки» и похоронен на Евдокиевском кладбище города Липецка.

Александра (11.02.1860 – после 1885) родилась в Гудаловке и крещена в церкви села Семеновка. Пропала без вести после 1885 года за границей.

Варвара (11.10.1863 – 1922) родилась в Гудаловке и крещена в церкви села Семеновка. Восприемниками при крещении стали «помещик коллежский регистратор Михаил Дмитриев Голеновский и подпоручика Михаила Павлова жена Софья Валентиновна» (Софья Валентиновна Вечеслова)²⁶.

Владимир (01.11.1864 – после 1870) родился в Гудаловке и крещен в церкви села Семеновка.

Клавдия (07.05.1866 – 12.08.1846)²⁷ родилась в Гудаловке и крещена в церкви села Семеновка. Восприемниками при крещении – «помещик прапорщик Дмитрий Яковлев Зацепин и вдова помещика Мария Александрова Познякова»²⁸ (мать Н.Н.Познякова – будущего мужа Варвары Валентиновны). Умерла Клавдия Валентиновна в Ленинграде с диагнозом «общий атеросклероз»²⁹.

О БРАТЕ И СЕСТРЕ ВАЛЕНТИНА ПЕТРОВИЧА

О существовании у Валентина Петровича брата Михаила писала в 1919 году в своем письме Л.Г.Дейчу Варвара Валентиновна Познякова-Плеханова. Она сообщала, что кроме отца в Гудаловке владел землей брат его – Михаил Петрович, «у которого с женой не было детей и вследствие вражды с нашим отцом, Михаил Петрович завещал свою часть двоюродному племяннику»³⁰. О Михаиле Петровиче в последние годы стало известно из дела о дворянстве рода П.С.Плеханова, а затем из других, вновь обнаруженных архивных документов, хранящихся в ГАТО и ГАЛО.

Михаил Петрович Плеханов, как свидетельствует полученная его матерью Еленой Васильевной Плехановой в Тамбовской Духовной Консистории в 1827 г. копия о рождении, появился на свет 26 октября 1812 г.³¹ После выявления в ГАЛО метрических книг Николаевской церкви села Семеновка, в приход которой входила деревня Малая Семеновка, в записях о родившихся в 1812 году не было обнаружено имени Михаила Плеханова³². Основываясь на справке о собственном роде, составленной Петром Семеновичем Плехановым для дворянской родословной книги, где он записал только сына Валентина и дочь Александру, можно считать, что Михаил Петрович родился после марта 1811 года.³³ Метрической книги Николаевской церкви за 1811 год в архивах пока не обнаружено. Михаил Петрович после смерти своего отца не был вписан в дворянскую родословную книгу Тамбовской губернии. Это было обнаружено в конце 1840-х годов при ревизии, проводившейся Сенатом в дворянских собраниях. Тогда же упущение было исправлено, и Михаил Петрович был включен в губернскую дворянскую родословную книгу.

Михаил Петрович поступил в военную службу, начав ее, видимо, в 1828 г. Его послужной список пока не обнаружен. Известно, что к 1836 году он состоял в чине поручика, а к 1839 году уже был штабс-капитаном³⁴. М.П.Плеханов был женат на Варваре Семеновне Коротневой, мать которой владела имением в селе Маляе, соседствовавшем с Гудаловкой³⁵.

О сестре братьев Плехановых – Александре – впервые стало известно из дворянского дела Петра Семеновича Плеханова. *Александра Петровна*, по-видимому, в начале второй половины 1820-х годов вышла замуж за Дмитрия Ивановича Голеновского, артиллерии поручика. У них к февралю 1839 года были дети: Михаил – 4-х лет, Мария – 12 лет, Вера – 6 лет, Зинаида – 3-х лет³⁶. Жили Голеновские в селе Ильино, рядом с Гудаловкой, в имении Александры Петровны, видимо, полученное по наследству от родителей. Петр Семенович имел к 1811 году «благоприобретенных в селе Ильино 19 душ крестьян мужского пола». ³⁷ Умерла Александра Петровна 14 февраля 1839 года³⁸.

Четвертое поколение

Из внуков Валентина Петровича известны были ранее: Николай Александрович Семашко – сын Марии Валентиновны и Александра Севериновича Семашко и Александр Аркадьевич Гранников – сын Любови Валентиновны и Аркадия Васильевича Гранниковых³⁹. Известны также все дети Георгия Валентиновича Плеханова. Другие персоны из четвертого поколения Плехановых были выявлены по документам из ГАТО и РГВИА.

Георгий Валентинович Плеханов первым браком был женат на *Наталье Александровне Смирновой (Тарачковой)*. Венчание их состоялось в церкви Медико-хирургической академии Санкт-Петербурга 25 декабря 1876 года⁴⁰. Наталья Александровна была незаконнорожденной дочерью Луизы Кляв и преподавателя Орловского кадетского корпуса Александра Степановича Тарачкова. При крещении Наталье как незаконнорожденной было дано отчество и фамилия ее восприемника – Никанора Смирнова. ⁴¹ В подтверждение этого, в некоторых официальных документах она была названа Натальей Никаноровной⁴².

В начале 1877 года у Н.А.Смирновой родилась дочь *Надежда* (1877 – 02.12.1948), удочеренная Георгием Валентиновичем при ее крещении. Осенью 1877 года родился их сын *Николай*, умерший спустя несколько месяцев⁴³.

Георгий Валентинович после ухода от него Н.А.Плехановой (Смирновой)⁴⁴, в 1878 г. вступил в гражданский брак с *Розалией Марковной Боград* (03.05.1856 – 30.08.1949).⁴⁵

В январе 1880, или в конце декабря 1879 г., у них в Петербурге родилась дочь *Вера*, умершая через несколько месяцев.

29 мая 1881 года в Париже, где тогда жили Г.В.Плеханов с женой, у них родилась дочь *Лидия*, умершая 25 марта 1978 г. также в Париже.⁴⁶

13 июля 1883 года родилась дочь *Евгения*, скончавшаяся в июне 1964 г. в Париже.

В мае 1889 года в Женеве родилась дочь *Мария*, умершая 3 января 1894 года в Женеве⁴⁷.

Любовь Валентиновна была замужем за Аркадием Васильевичем Гранниковым, офицером 71-го пехотного Белевского полка⁴⁸. Супруги имели троих детей, дочь *Юлию* (24.01.1865-?), сына *Александра* (06.05.1871-?) и дочь *Веру* (05.08.1874- ?)⁴⁹.

А.В.Гранников (02.06.1828 – 26.10.1875) происходил из обер-офицерских детей Курской губернии; воспитывался в Воронежском батальоне военных кантонистов; умер в г. Усмани в чине капитана⁵⁰, где и был похоронен.

Александр Валентинович, поступивший на военную службу, женился на Надежде Васильевне Филимоновой, дочери генерал-майора⁵¹. От этого брака родились: *Вера* (18.05.1873 -?), *Борис* (17.06.1875 – 12.10.1900)⁵², *Евгения* (13.06.1879 -?)⁵³.

Борис Александрович Плеханов по поступлении на военную службу был зачислен 11 сентября 1892 года в 4-й Лейб-драгунский Псковский полк, откуда командирован на учебу в Тверское кавалерийское юнкерское училище. По окончании учебы 8 августа 1894 года Борис Александрович произведен в эстандарт-юнкеры и прибыл в полк 14 сентября⁵⁴. Б.А.Плеханов умер 12 октября 1900 года. Похоронен на Минском военном кладбище⁵⁵.

Софья Валентиновна с 1863 года была замужем за Михаилом Павловичем Вечесловым, офицером 71 Белевского полка, а затем - Резервного батальона Тамбовской губернии⁵⁶. У них были дети: *Вера* (16.07.1864 -?) и *Надежда* (11.11.1866 -?)⁵⁷.

М.П.Вечеслов (02.06.1834 – 17.11.1880) – из дворян Тамбовской губернии, имел родовое имение в 100 десятин земли в Козловском уезде⁵⁸.

Мария Валентиновна была с 1869 года замужем за Александром Севериновичем Семашко (1842 – 1888), происходившим из дворян Орловской губернии.⁵⁹ Их дети: *Владимир* (1871 -?), *Николай* (08.09.1874 – 18.05.1949)⁶⁰, *Константин* (30.06.1887 – после 1936)⁶¹, *Александра* (1877 -?), *София* (1881 -?), *Зинаида* (1885 -?)⁶².

Николай Валентинович был женат на Марии Владимировне Норовой, дочери штабс-капитана.⁶³ Детей у них не было.

Григорий Валентинович, находясь на военной службе, женился 6 февраля 1883 г. на Марии Федоровне Александровой, дочери купца, родившейся 1 января 1862 г.⁶⁴ Их дети: *Сергей* (06.07.1884 – после 1938) (был женат на Софье Павловне Гурьевой, дочери отставного капитана)⁶⁵, *Наталья* (15.07.1885 -?), *Нина* (09.08.1889 -?), *Вера* (01.01.1891 -?), *Леонид* (19.11.1895 – 1916), *Анатолий* (12.04.1905 -?)⁶⁶.

Сергей Григорьевич Плеханов воспитывался в Михайловском Воронежском кадетском корпусе, по окончании которого 18 октября 1903 г. поступил в Александровское военное училище юнкером рядового звания. 26 марта 1905 г., по окончании курса наук по 1 разряду, был произведен в подпоручики в 277-й пехотный Ингульский резервный батальон. Во время Первой Мировой войны служил офицером – воспитателем в школах прапорщиков, а к январю 1917 г. был офицером – воспитателем во Владикавказском кадетском корпусе⁶⁷.

Дочери Валентина Петровича и Марии Федоровны Плехановых - *Александра*, *Варвара* и *Клавдия* состояли в браке.

Александра Валентиновна в 1882 г. за границей вышла замуж за эмигранта – серба Савву Захаровича Якича⁶⁸.

Варвара Валентиновна в сентябре 1881 г. вышла замуж за Николая Николаевича Позняка (1858 – 15.08.1939), сына брата первой жены Валентина Петровича Плеханова. Детей у них не было.

Клавдия Валентиновна в ноябре 1887 г. вышла замуж за купеческого сына, унтер-офицера в запасе Леонида Васильевича Кастнера⁶⁹. В 1892 г. их брак распался, единственный сын *Владимир* умер в 1897 г.⁷⁰

Пятое поколение

Из пятого поколения рода Плехановых известны дети Сергея Григорьевича и сын Евгении Валентиновны Плехановых – праправнуки Петра Семеновича Плеханова, основателя рода.

У Сергея Григорьевича и Софьи Павловны Плехановых было двое сыновей: Григорий, родившийся 29 апреля 1915 г. и Павел, родившийся 26 апреля 1922 г.⁷¹.

ФРАНЦУЗСКАЯ ВЕТВЬ РОДА ПЛЕХАНОВЫХ: ДЕТИ И ПОТОМКИ ГЕОРГИЯ ВАЛЕНТИНОВИЧА И РОЗАЛИИ МАРКОВНЫ ПЛЕХАНОВЫХ

Лидия Георгиевна вышла замуж за Анри Ле Савуре, выходца их протестантской семьи, с которым познакомилась, изучая медицину в Женевском университете.

Евгения Георгиевна, как и ее сестра, познакомилась со своим будущим мужем Жоржем Эмилем Бато в Женевском университете, где оба изучали филологию. Поженились они в 1912 году⁷². Семья Бато происходила из бургундских протестантов, покинувших Францию и обосновавшихся в Швейцарии, где они стали гражданами Женевы. Вскоре Евгения Георгиевна и Жорж Бато вместе родителями Жоржа, переселились во Францию, обосновавшись в Париже. Единственный сын супругов Бато, Клод Эмиль Жорж, родился 2 января 1918 года и скончался 18 января 2008 г.

В мае 1954 года Клод Бато женился на американке Деборе Мартин (1931 – 20.08.1980). У них родились дети: дочь Сильви (01.05.1955), сыновья Жан–Клод (19.05.1958 – 04.11.1995) и Филипп–Клод (03.05.1965 – 04.11.1995)⁷³.

Сильви в декабре 1994 года вышла замуж за Эдуарда Робледо, и уехала с мужем в США, поселившись в Майами.

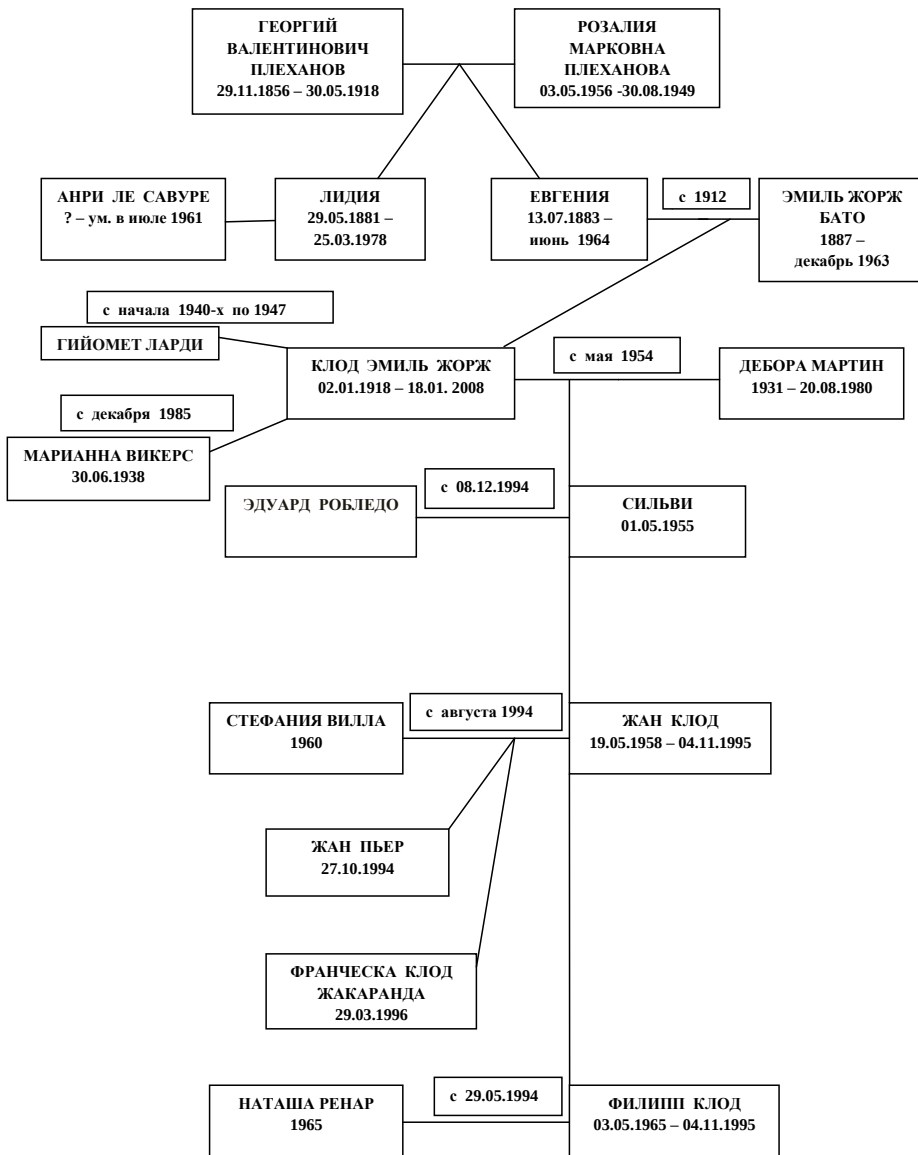
В августе 1994 года Жан–Клод женился на Стефании Вилла, уроженке Южной Африки, итальянке по происхождению, семья которой до переезда в Преторию жила в Милане. 27.10.1994 г. у четы родился сын Жан–Пьер. 29.03.1996 г. - дочь Франческа-Клод-Жакаранда.

29 мая 1994 г. Филипп-Клод женился на Наташе Ренар⁷⁴.

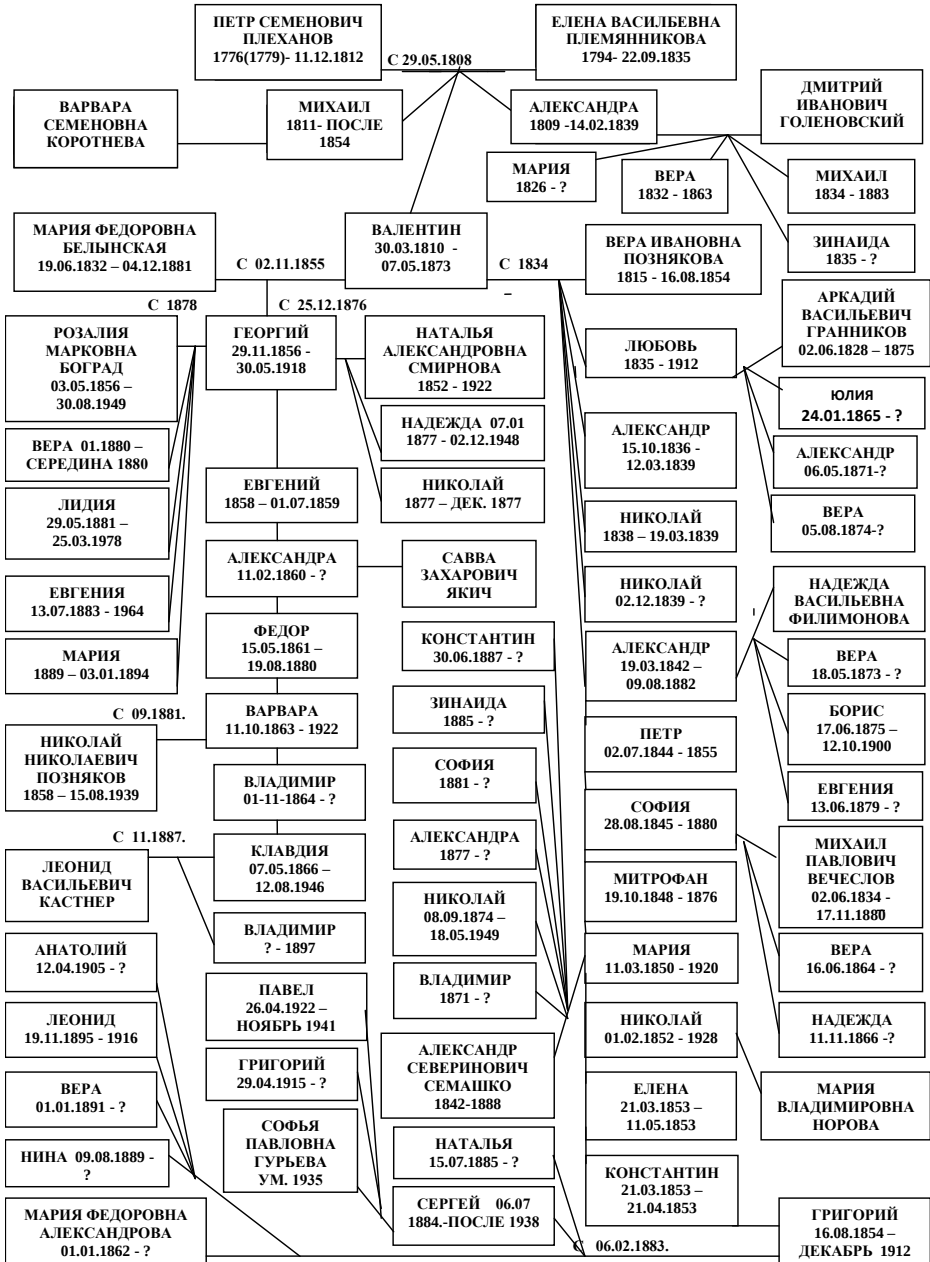
Оба сына Клода Бато, Жан Клод и Филипп, погибли во время шторма на Средиземном море, совершая на катамаране переход на Балеарские острова.

Ниже приводится родословное древо большой семьи Плехановых, составленное на основе архивных документов. Древо охватывает, как мужскую, так и женскую ветви рода, включая в себя четыре поколения Плехановых: от Петра Семеновича до его правнуков. Из пятого поколения включены в родословное древо сыновья Сергея Григорьевича Плеханова. Отдельно представлено родословное древо французской ветви семьи Плехановых, включающее пятое, шестое и седьмое поколения и составленное по «Воспоминаниям» Клода Эмиля Бато и сведениям, предоставленным Т.И.Филимоновой.

В родословное древо большой семьи Плехановых не включено продолжение ветви от детей Александры Петровны Голеновской - дочери Петра Семеновича Плеханова. Имеющая о них информация не в полной мере подтверждена архивными источниками.

РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО ПЕТРА СЕМЕНОВИЧА ПЛЕХАНОВА

¹ Лев Дейч. Молодость Г.В.Плеханова. Воспоминания // Былое. 1918. №13; Л.Г.Дейч. Плеханов. Материалы для биографии // Новая Москва. Вып. 1. 1922; Позднякова-Плеханова В.В. Детство и отрочество Г.В.Плеханова (Воспоминания сестры) // Труппа «Освобождение труда». Сб. №1. М., 1924.

² Френчер А.А. На родине Г.В.Плеханова. Материалы к биографии // Пролетарская революция. 1922. №8.

³ Н.Семашко. О детских годах Г.В.Плеханова // Каторга и ссылка. 1923. Кн. Седьмая. С.33-36; Н.Семашко. Замечания по поводу биографии Г.В.Плеханова, составленной Ю. Арзаевым (Год на родине) // Пролетарская революция. 1922. №5. С. 303-305; Н.Семашко. Г.В.Плеханов // Новая Москва. 1925.

⁴ И.Ильинский. Г.В.Плеханов и 3 Отделение // Былое. 1920. №15; Г.В.Плеханов. Материалы, собранные департаментом полиции // Былое. 1928. №3(31); К рождению Г.В.Плеханова. Сообщил Л.Федорченко (Н.Чаров).// Каторга и ссылка. 1928. №5 (42).

⁵ Бережанский А. Годы на родине // Собеседник. Воронеж, 1971; Чагин Б.А., Курбатова И.Н. Плеханов. М., 1973; М.Иовчук, И.Н.Курбатова. Плеханов. М., 1977.

⁶ А.Бережанский в своей работе «Годы на родине», основанной, по-видимому, на материалах Дома Плеханов, сообщает, что в начале 19 века имением в деревне Гудаловка владел Петр Семенович Плеханов, дед Г.В.Плеханова. О Петре Семеновиче многое стало известно после изучения в Государственном архиве Тамбовской области (ГАТО) его дворянского дела. См.: Бережанский А.С. Новое о семье, в которой рос Г.В.Плеханов // Вопросы истории. 1993. № 4. Это дворянское дело позволяет определить многих потомков П.С.Плеханова – вплоть до его правнуков – племянников Г.В.Плеханова.

⁷ ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. 1388. Л. 3об.

⁸ Д.Г.Целорунго. Офицеры русской армии участники Бородинского сражения. Историко-социологическое исследование. М., «Калита», 2002, с.100. Автор анализировал послужные списки офицеров – участников Бородинского сражения, к старшему поколению которых относился и Петр Семенович Плеханов.

⁹ А.С.Бережанский. Новое о семье, в которой рос Г.В.Плеханов... С. 156.

¹⁰ А.С.Бережанский. Плеханов: от народничества – к марксизму. 2-е издание. Москва. РОССПЭН. 2006. С. 8.

Н.П.Селезнев. Род Плехановых в Липецком крае.//»Душа полна воспоминаний» Георгий Валентинович Плеханов и Липецкий край. Липецк, 2006. С.84, 85.

¹¹ Государственный архив Липецкой области (ГАЛО). Ф. 114. Оп. 4. Д. 3а. Л.5. – метрическая запись о смерти П.С.Плеханова. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО) . 161, оп.1, д1388, л.2 -«Список по форме о роде майора Петра Семеновича Плеханова», л.3об; Указ из Военной коллегии (ГАТО. Ф. 162. Оп. 1, .Д.1388. Л.3об.

¹² Н.П.Селезнев. Указ.Соч.. С. .85. Е.В.Племянникова умерла 22.09.1835 г. в 41 год от паралича.

¹³ Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1810. Ч. вторая. В Санктпетербурге при Императорской Академии Наук. С. 448; То же на 1811. С. 154; То же на 1812. С. 161.

¹⁴ А.С.Бережанский Новое о семье Плехановых С. 155; ГАЛО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 63. Л. 9 - 9об.

¹⁵ О дате рождения В.П.Плеханова // Там же. С. 155; А.Бережанский. Годы на родине... С. 87.

¹⁶ Н.П.Селезнев. Указ. Соч. Л. 85; ГАЛО. Ф. 114. Оп.4. Д. 154. - Метрическая книга села Семеновка за 1854 год); ГАТО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 815. Л. 9об.

¹⁷ ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 1388. Л.21.

¹⁸ Н.П.Селезнев. Указ. соч. С.86. Вера Ивановна умерла в 39 лет «от водяной болезни», в день рождения сына Григория.

¹⁹ Бережанский А.С. Новое о семье, в которой рос Г.В.Плеханов. С. 156.

²⁰ Там же; А.А. Френчер. Указ. соч. С.34.

²¹ ГАЛО. Ф. 163. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

²² Год рождения Любови Валентиновны можно определить только из формулярного списка Валентина Петровича за 1847 год, где указано, что у него, кроме других детей, есть дочь Любовь 12-ти лет // ГАЛО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 100. Л. 143. О смерти Любови Валентиновны, по мужу Гранниковой, сообщал весной 1912 года Н.А.Семашко в письме Георгию Валентиновичу Плеханову: «Сообщу Вам, кстати, фамильную новость – умерла Любовь Валентиновна – недели 3 тому назад» // РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед.хр. 661.

²³ Н.В.Плеханов умер в начале 1928 года в Доме для престарелых ученых в Болшеве, где в это время жила и Клавдия Валентиновна Плеханова //Филимонова Т.И. Семья Георгия Валентиновича Плеханова // Георгий Валентинович Плеханов. К 150-летию философа, мыслителя и общественного деятеля. Липецк, 2006. С. 15.

²⁴ О времени смерти Григория Валентиновича можно судить по переписке его сестер Варвары и Клавдии с Георгием Валентиновичем, сообщавших о семейных событиях. Варвара Валентиновна пишет брату: «Перед Рождеством умер Гриша; я не ожидала, что он так близок к смерти, хотя полтора года тому назад, когда был у нас, был страшно худым и задыхался даже при маленькой ходьбе...» // РНБ. АДП. Ф.1093. Оп. 3. Ед.хр. 606. Л. 2об. Архивная датировка письма – январь-февраль 1917 г. Сопоставление с другими письмами, имеющими авторскую датировку, позволяет считать, что это письмо написано в январе 1913 г., в то время как Григорий Валентинович умер в декабре 1912 г.

²⁵ ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 1388. Л.183об - 184.

²⁶ ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д.1388. Л. 109.

²⁷ Бережанский А.С. Новые страницы биографии Г.В.Плеханова // IV Плехановские чтения. Тезисы докл. СПб, 1996. С.94; исправлен год рождения и смерти Евгения // ГАЛО. Ф.114. Оп. 4. Д. 175. Л. 60об.

²⁸ ГАТО. Ф.161. Оп.1. Ф. 1388. Л.116.

²⁹ РНБ АДП. Ф.1095. Ед. хр. 7.

³⁰ Позднякова-Плеханова В.В. Детство и отрочество Г.В.Плеханова (воспоминания сестры) // Группа «Освобождение труда». Сб. №1. М., 1924. С.90. Михаил Петрович завещал свое имение в Гудаловке детям своей сестры Александры Петровны Голеновской // РГИА. Ф.577. Оп. 40. Д.1247. Л. 1-6.

³¹ ГАТО. Ф.161. Оп. 1. Д. 1388. Л. 12.

³² ГАЛО. Ф. 114. Оп. 4. Д. 3а. Л. 2об.

³³ ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 1388. Л. 2.

³⁴ ГАЛО. Ф. 114. Оп. 4. Д. 64. Л.12; Там же. Д.75 (листы не пронумерованы). Метрические книги села Семеновка за 1836 и 1839 гг.

- ³⁵ ГАТО. Ф. 26. Оп.1 . Д. 815. Л.9 - 9об, 57. После смерти Михаила Петровича его жена получила часть имущества мужа в д. Гудаловка.
- ³⁶ Оксана Комаричева. История дворянской усадьбы в селе Ильино Липецкого района Липецкой области // Моя родина – Липецкий край. Липецк, 2002. С. 121-125.
- ³⁷ ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д.1388. Л. 2.
- ³⁸ ГАЛО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 63. Л. 9-9об (дело об опеке малолетних детей А.П. и Д.И.Голеновских).
- ³⁹ Д.А.Аманжолова. Из семейной хроники Плехановых. 1924 – 1935 гг. // Исторический архив. 1998. №2. С.171.
- ⁴⁰ Чагин Б.А., И.Н.Курбатова. Плеханов. М., 1973. С. 13.
- ⁴¹ Н.А.Смирнова (1852 – 1922) // РГАСПИ. Ф.264.Оп. 1. Д. 201. Л.1- 17об.
- ⁴² Г.В.Плеханов. Материалы, собранные департаментом полиции // Былое. 1918, №3 (31). С.230.
- ⁴³ Иовчук М.Т., Курбатова И.Н. Плеханов. М., 1977. С.20 – 22, 33.
Филимонова Т.И. Семья Георгия Валентиновича Плеханова // Георгий Валентинович Плеханов. К 150-летию философа, мыслителя и общественного деятеля. Липецк, 2006. С.20.
- С.В.Тютюкин. Г.В.Плеханов. Судьба русского марксиста. М., РОССПЭН, 1997. С. 35.
- ⁴⁴ Филимонова Т.И. Указ. Соч. С.21.
- ⁴⁵ Там же. С.24; Незабываемые могилы // Российское зарубежье: некрологи. 1917-1999. Тт. 1-6. М., 2004. Т. 5. С. 484.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Чагин Б.А, Курбатова И.Н. Плеханов. М., 1973. С.26, 204, 205.
- ⁴⁸ Бережанский А.С. Плеханов: от народничества к марксизму. 2-е изд. М., 2006. С.15.
- ⁴⁹ РНБ АДП. Ф.1094. Оп.1. Ед. хр. 287. Л.5; РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 3300. Л.12об.
- ⁵⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 3300. Л. 8, 9.
- ⁵¹ ГАТО. Ф.161. Оп. 1. Д. 1388. Л. 128об.
- ⁵² РГВИА. Ф.400. Оп. 9. Д.28510. Ч. 2. Л.91,92.
- ⁵³ ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д 1388. С. 120 – 122.
- ⁵⁴ РГВИА. Ф.400. Оп. 9. Д.28510. Ч. 2. С. 91об.
- ⁵⁵ Лукьянов А.А., Сомович А.Л., Шумков А.А. Минское военное кладбище: захоронения дореволюционного периода (сохранившиеся к настоящему времени). Вып. 10. СПб, 2002.
- ⁵⁶ Бережанский А.С.. Указ. Соч.. С. 15. РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 9662. Лл.12, 12об.
- ⁵⁷ Письмо Марии Валентиновны Семашко Г.В.Плеханову // РНБ АДП. Ф.1093. Оп.3. Ед. хр. 660. В.389.6. Л.2; РГВИА. Ф. 400. Оп.12. Д. 9662. Л. 15об.
- ⁵⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 9662. Лл. 6, 12, 15об.
- ⁵⁹ А.С.Бережанский. Указ. соч. С. 16, 230. Год смерти А.С.Семашко определен по выше указанному письму М.В.Семашко.
- ⁶⁰ БСЭ. Т. 23. С. 224.

⁶¹ Письмо Семашко М.В. Г.В.Плеханову от 1910 – 1911гг. // РНБ АДП. Ф. 1093. Оп.3. Ед. хр.660; Послужной список пехотного Нежинского полка младшего унтер-офицера Константина Александровича Семашко.; РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 34162. Л. 287

⁶² ГАЛО. Ф. 119. Оп.1. Д. 247. Л.77; О своих братьях и сестрах Н.А.Семашко писал Г.В. 5 марта 1907 года: «Мой старший брат служит агрономом в Полтавской губ., младший – в Университете, из сестер одна учительствует в Москве, две других готовятся в Медицин. институт и живут в Питере» // РНБ АДП. Ф. 1093. Оп. 3. Ед. хр. 661. Л. 2- 2об; Письмо А.А. Семашко Г.В.Плеханову от 16 июня 1917 года // РНБ АДП. Ф.1093. Оп.3. Ед.хр. 659. Л. 1, 2.

⁶³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 10850. Л.24.

⁶⁴ ГАТО. Ф.161. Оп.1. Д. 1388. Л. 143, 184об.

⁶⁵ Сергей Григорьевич был арестован в Москве как бывший царский офицер – штабс капитан. В 1937 году и осужден областной «тройкой» на 10 лет «за контрреволюционную деятельность» // РГВИА. Ф. 409. Оп..2. Д.29098. Л. 53; Письмо Григория (сына Сергея Григорьевича) к Р.М.Плехановой [Б.д.] // РНБ АДП. Ф.1094. Оп. 1. Ед. хр. 286. Л. 1 -1об.

⁶⁶ ГАТО. Ф.161. Оп.1. Д.1388. Л. 141, 161, 162, 167, 181; Варвара Валентиновна Познякова писала Георгию Валентиновичу 12 октября 1916 г.: «Один из наших с тобой племянников – сын Гриши, по внешности да и по горячности выдавшийся в наш род (похожий на Митрофана) убит. Пять ран, одна страшная (все разрывными пулями) в голову – и все-таки десять дней жил и все бредил сраженьем – вскакивал: «Ребята, за мной!» Ни разу о родных ни слова, да еще и невеста была; ему не было 22-х лет. Жалко мальчугана, а мать - еще больше» // РНБ. АДП. Ф.1093. Оп.3. Ед.хр. 606. Этим «сыном Гриши» мог быть по возрасту только – Леонид.

⁶⁷ РГВИА. Ф.409. Оп.2. Д.29098. Л.46 – 53.

⁶⁸ А.А.Френчер. Указ. соч. С. 41.

⁶⁹ РНБ. АДП. Ф.1095. Ед.хр. 32. Л. 5об.

⁷⁰ Письмо К.В.Плехановой-Кастнер Плеханову Г.В. 11 января 1910 г. // РНБ. АДП. Ф.1093. Оп. 3. Ед.хр. 596. А.П.7.11. Л.1 - 2об.

⁷¹ Письмо С.П. Плехановой К.В.Плехановой 23 сентября 1933 года // РНБ. АДП. Ф.1094. Оп. 1. Ед. хр. 1012. Л.1об.

⁷² Клод Эмиль Бато. Воспоминания о французской ветви семьи Бато – Плехановых // К 75-летию Дома Плеханова. 1928 – 2003. Сборник статей и публикаций, материалы конференции. СПб, 2003. С.101 – 103.

⁷³ То же. С.106.

⁷⁴ Там же. С. 108, 109, 110

СПИСОК АВТОРОВ

- Агларов Мамайхан Агларович* – д.и.н., проф., гл. научн сотр. Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала
- Васильева Ольга Валентиновна* – зав. Сектором Восточных фондов Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург
- Вашкау Нина Эмильевна* – д.и.н, проф. Липецкого государственного педагогического университета, Липецк
- Волков Валерий Степанович* - д.и.н, проф. Российского государственного университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург
- Герд Лора Александровна* - д.и.н., вед. науч. сотр. Санкт-Петербургского института истории РАН, Санкт-Петербург
- Дамье Вадим Валерьевич* – д.и.н., вед. науч. сотр. Института всеобщей истории РАН, Москва
- Жуков Константин Александрович* – к.и.н., ст. научн. сотр. Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург
- Зими́на Ольга Георгиевна* – зам. директора Научной библиотеки государственного Эрмитажа, Санкт-Петербург
- Калашиников Владимир Валерьянович* - д.и.н., проф., зав. кафедрой истории культуры, государства и права Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета, Санкт-Петербург
- Кнорринг Вера Вадимовна* – к.и.н., вед. библиотеч. Отдела литератур стран Азии и Африки Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург
- Конашев Михаил Борисович* – д.ф.н., зам. дир. Института истории естествознания и техники РАН, Санкт-Петербург
- Косолапов Николай Алексеевич* – к.и.н., проф., зав. Отделом международно-политических проблем Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН, вед. научн. сотр. Совета по изучению производительных сил РАН и Минэкономразвития РФ, Москва
- Коробейников Виктор Николаевич* – историк, Санкт-Петербург
- Котюкова Татьяна Викторовна* - к.и.н., с.н.с. Отдела сравнительно-исторических исследований стран постсоветского пространства ИВИ РАН, Москва
- Куренышев Андрей Александрович* - д.и.н., ведущий научный сотрудник Государственного исторического музея, Москва
- Кустова Людмила Олеговна* - аспирант кафедры истории Российского государственного университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург
- Лубков Алексей Владимирович* - д.и.н., проф., проректор Московского института открытого образования (МИОО), Москва
- Любин Валерий Петрович* – д.и.н, проф., вед. научн. сотр. ИНИОН РАН, Москва
- Макарова Наталья Владимировна* – к.и.н., доцент, Института сервиса Российской государственного университета туризма и сервиса (РГУТиС), Москва
- Меньковский Вячеслав Иванович* - д.и.н., проф., Минск
- Муслимов Тагир Курбанович* – к.и.н., ст. научн. сотр. Центра этнополитических исследований Дагестанского научного центра РАН, Махачкала

- Муслимова Наида Тагировна** - научн. сотр. Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала
- Ненароков Альберт Павлович** - д.и.н, проф., главн. спец. Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Москва
- Несин Михаил Александрович** – аспирант Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, Санкт-Петербург
- Олегина Ирина Николаевна** – к.и.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург
- Петер Хартмут Рюдигер** – доктор философии, Университет Мартина Лютера, Халле
- Риндлисбахер Штефан** - доктор философии, Исторический институт Бернского университета, Берн
- Рублёв Дмитрий Иванович** – к.и.н., Московский государственный университет природообустройства (МГУП), Москва.
- Рюдигер Аксель** - доктор философии, Университет Мартина Лютера, Халле
- Рязанов Виктор Тимофеевич** - д.э.н., проф., зав. кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург
- Савельев Петр Юрьевич** - к.и.н., проф., Московского института открытого образования (МИОО), Москва
- Сакамото Хироси** – доктор философии, Университет Хусей, Токио
- Сахаров Валентин Александрович** – д.и.н., проф. Московского государственного университета, Москва
- Смирнова Тамара Михайловна** – д.и.н., проф. Санкт-Петербургского государственного университета авиационного приборостроения, Санкт-Петербург
- Солдатенко Валерий Федорович** - д.и.н., проф., член-корр. НАУН, директор Украинского института национальной памяти, Киев
- Тагирова Наталья Амриевна** – научн. сотр. Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Махачкала
- Уль Катарина Барбара** – доктор философии, Лейпциг
- Федотьев Дмитрий Сергеевич** – аспирант кафедры истории Российского государственного университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург
- Филимонова Татьяна Ивановна** – к.и.н., зав. Домом Плеханова Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург
- Цапиева Ольга Константиновна** – д.э.н., проф., зам. дир. Института социально-экономических исследований Дагестанского научного центра РАН, Махачкала
- Чернобаев Анатолий Александрович** – д.и.н., проф., главный редактор журнала «Исторический архив», Москва
- Чэн Хун** – доктор философии, профессор колледжа по гуманитарным и общественным наукам Харбинского инженерного университета, Харбин
- Шевченко Владимир Николаевич** – д.ф.н., проф. зав. Сект. философских проблем политики Института философии РАН, Москва
- Шихсаидов Амри Рзаевич** – д.и. н., проф., гл. научн. сотр. Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН, Махачкала
- Эпштейн Давид Беркович** - д.э.н., проф., гл. научн. сотр. СЗНИЭСХ, Санкт-Петербург

Для заметок

